

Абгар Рубенович Иоаннисян
РЕВОЛЮЦИОННО-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
во ФРАНЦИИ в 1840-1841 гг.

М.: НАУКА. 1983

A. Ioannissian. LE MOUVEMENT COMMUNISTE REVOLUTIONNAIRE EN FRANCE EN 1840-1841

Новая работа А.Р.Иоаннисяна написана на основании еще не использованных материалов французских архивов. В отличие от прежних своих работ автор в данной монографии прослеживает связь развития коммунистической мысли с рабочим революционным движением, наглядно показывая, что знаменитая фраза «Коммунистического манифеста» «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» опиралась на конкретно-историческую действительность, в первую очередь — на французскую.

Предисловие

Глава первая. Тайные общества. Общество трудящихся-эгалитариев. Общество коммунистов. Общество Бастилии. Их организационная структура и деятельность. Их программные документы. Рукописи, конфискованные у членов тайных обществ.

Глава вторая. Коммунистическая пропаганда весной и летом 1840 г. «Эгалитер» Дезами. «Ни замков, ни хижин» Пийо. Коммунистический банкет в Бельвиле. «Об освобождении труда». «История равных» Пийо. «Унитарная система» Майера. «Долг революционеров» Селье. Всеобщая стачка и сентябрьские события в Париже, участие в них коммунистов-революционеров. Покушение Дармеса.

Глава третья. Революционно-коммунистическое движение в Лионе и Руане. Тайные коммунистические общества в Лионе. Общество «Будущее». Общество реформированных карбонариев. Журнал «Травай». Обращение «Коммунисты Руана своим парижским братьям». Бофур. Шарль Нуаре, его публицистическая деятельность и его письма «К трудящимся».

Глава четвертая. Революционно-коммунистическая агитация зимой и весной 1840—1841 гг. Листовки тайных обществ «К депутатам», «К армии», «К якобинцам», «К трудящимся». «Попюлер» Кабе и «Фратерните» Лаотьера и их отношение к революционно-коммунистическому движению. «Общность не является больше утопией» Пийо. «Коммюотер» Майера. Движение юманитариев и созданная ими организация. Доклад Габриэля Шаравэ на собрании учредителей журнала «Юманитер». Разногласия во временном редакционном комитете. «Основные принципы». Публичные дискуссии юманитариев с Дезами. Переписка Шаравэ с Меем и Геом. Рабочие волнения в Париже в сентябре 1841 г. Арест и процесс юманитариев. Покушение Кениссе.

Заключение

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://www.diary.ru/~vive-liberta) и Век Просвещения, 2010. Расположение авторских ссылок и примечаний изменено по сравнению с оригиналом. Тематические ссылки даны нами.

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции
http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.
http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина 19 в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией
<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм: к 200-летию со дня рождения Гракха Бабефа

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе
http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений / пер. с франц. Е.Успенской под ред и с предисл.М.Зеликмана

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

С.Киясов. Маршал
<http://narod.ru/disk/10467381000/smarch3.pdf.html>

Х.Момджян. Сильвен Маршал; вступит.статья к сборнику произведений
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>

Ф.Буонарротти. Заговор во имя Равенства / вступит.статья В.П.Волгина, комментарии В.М.Далина
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon2.pdf>

Теодор Дезами. Кодекс общности / Перевод с франц. Э.А.Желубовской и Ф.Б.Шуваевой). Комментарии В.С.Алексеева-Попова. Вступительная статья В.П.Волгина

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона / вступит.статья В.П.Волгина
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть / комм. В.В.Альтмана, вступ.статья В.П.Волгина
<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Другие работы А.Р.Иоаннисяна можно найти в библиотеке, на сводных страницах <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns> или в нашем сообществе <http://www.diary.ru/~vive-liberta/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революционно-коммунистическое движение во Франции в 40-х годах XIX столетия заслуживает серьезного изучения. Оно непосредственно предшествует возникновению марксизма. Оно наглядно показывает процесс слияния коммунистического мировоззрения с рабочим движением. Сложившиеся в то время революционные традиции прямой нитью связывают его с революцией 1848 г. и Парижской Коммуной. Не случайно, что один из идейных руководителей этого движения – Пийо стал в дальнейшем членом Парижской Коммуны, а другой его выдающийся деятель – Гийом Розье погиб на баррикадах во время июньского восстания 1848 г.

Промышленная революция во Франции, широко развернувшаяся в период Июльской монархии, вступила как раз в 40-х годах XIX в. в решающую фазу. Рост металлургии, внедрение машинного производства в целый ряд отраслей как тяжелой, так и легкой промышленности, в частности текстильной, железнодорожное строительство – все это свидетельствовало о все убыстрявшемся развитии промышленного капитализма. Это не исключало, конечно, того несомненного факта, что в стране еще прочно сохранялось и мелкое производство. Но развитие капиталистической экономики в целом приводило к быстрому росту рабочего класса. Увеличивалась численность промышленного пролетариата, росло в специфических условиях Франции и число ремесленных рабочих, которых и в эти годы было все еще больше, чем индустриальных рабочих. Но все категории рабочего класса в одинаковой мере страдали от невзгод капиталистического общества. Заработная плата оставалась мизерной и часто не обеспечивала прожиточного минимума. Еще более низко оплачиваемый женский труд находил все большее применение. Несмотря на закон 1841 г. и предусмотренные им ограничения, продолжал использоваться и детский труд, причем в широких масштабах. Рабочий день составлял в среднем до 15 часов в сутки. Все более широко практиковались предпринимателями различные способы обсчета рабочих: система штрафов, выплата заработка продуктами по повышенным ценам. Косвенные налоги на предметы первой необходимости были тяжелым бременем в первую очередь для рабочих. Все более грозным бичом становилась для них хроническая безработица, особенно усиливавшаяся в периоды промышленных кризисов.

Все это обуславливало быстрый рост рабочего движения, новую эру в истории которого открыли лионские восстания 1831 и 1834 гг. Промышленный кризис 1839 г. особенно содействовал подъему рабочего движения к началу 40-х годов. Вопреки сохранявшемуся с эпохи Французской революции и закрепленному в 415-й статье уголовного кодекса запрету «коалиций» рабочих забастовочное движение все усиливалось. При этом оно все более принимало политический характер и в него вовлекались самые различные отряды рабочего класса, действовавшие подчас совместно, так что в сентябре 1840 г. в Париже дело дошло уже до всеобщей забастовки. Рабочее движение было

неразрывно связано с ростом классового самосознания рабочих. Рабочий класс все более превращался в «класс для себя». Это, в свою очередь, содействовало распространению идеологии, отражавшей чаяния и стремления рабочего класса. А идеологией этой был коммунизм.

Конечно, и в предыдущие годы, особенно в первое десятилетие Июльской монархии, именно рабочее движение было той питательной средой, на почве которой и произошло возрождение и распространение коммунистических идей как в форме «мирного» оуэнизма, так и революционного бабувизма. Но распространение этих идей не было еще органически связано с рабочим движением. С начала же 40-х годов коммунистическое мировоззрение прочно утверждает себя как идеология рабочего класса. По справедливому указанию Ф.Энгельса, в 1847 г. коммунизм был уже «движением рабочего класса»¹.

И в 40-х годах XIX в. коммунистическое мировоззрение находило свое выражение в двух формах: мирного коммунизма, пропагандировавшего ненасильственный переход к новому общественному строю, в частности путем организации образцовых коммунистических общин, и революционного коммунизма, выступавшего за революционное переустройство общества. Мирный коммунизм, главным представителем и идеологом которого был в те годы Этьен Кабе, также имел своих многочисленных приверженцев в рабочей среде, поскольку именно рабочие составляли основной контингент различного рода «икарийских» организаций. Это объясняется тем, что среди рабочих того времени, особенно ремесленных рабочих, еще были сильны мелкобуржуазные настроения, находившие свое отражение в икарийском коммунизме. Это были те самые рабочие слои, среди которых получило распространение и мелкобуржуазно-анархическое учение Прудона. Со своей стороны, революционный коммунизм опирался на наиболее передовых, сознающих свои классовые интересы, политически активных и революционно настроенных рабочих.

Органическая связь революционного коммунизма с рабочим движением была в 40-х годах столь прямой и непосредственной, что нам представляется неправильным изучать революционно-коммунистическую идеологию тех лет в отрыве от этого движения. Следует изучать историю революционно-коммунистического движения в целом, т.е. не только его идеологию, но и его практику, поскольку оно было непосредственно связано с политической жизнью страны и в первую очередь с борьбой рабочего класса.

Мы считаем неверным называть революционно-коммунистическое движение этого периода бабувизмом или необабувизмом. Совершенно несомненно, что бабувизм в том виде, как он был изложен в знаменитой книге Буонарроти «Заговор во имя равенства», оказал огромное влияние на возрождение революционно-коммунистических традиций во Франции еще в 30-х годах XIX в. Бесспорно, что он продолжал оказывать большое воздействие и на революционно-коммунистическое движение 40-х годов. Можно говорить и о бабувистских взглядах отдельных его представителей. Однако характеризовать все это движение в целом как

бабувистское никак нельзя. Конечно, если понимать под бабувизмом не конкретное содержание этого учения, а только две присущие ему черты: убеждение в необходимости коммунистического преобразования общества революционным путем и убеждение в необходимости революционной диктатуры для осуществления этого преобразования, то под бабувизм можно подвести любое революционно-коммунистическое движение. Но если понимать под бабувизмом, как это и следует делать, все это учение в целом, включая его конкретное представление о будущем коммунистическом обществе и свойственную ему грубую уравнивательность, то дело обстоит гораздо сложнее. Среди представителей революционного коммунизма периода Июльской монархии были лица, более или менее последовательно придерживавшиеся основных воззрений бабувизма, но были и такие, которые, воздавая дань уважения Бабефу, открыто отмежевывались от многих его представлений и выдвигали свои оригинальные идеи и концепции. Лучшим примером этому служит наиболее выдающийся теоретик революционного коммунизма этих лет Теодор Дезами. Поэтому все это движение нельзя сводить к бабувизму или необабувизму. Но еще более неверным и неприемлемым было бы называть его бланкизмом. Имя Бланки вообще не упоминается ни в каких документах революционно-коммунистического движения тех лет, на него ни прямо, ни косвенно не ссылается ни один из деятелей этого движения. О бланкизме как политическом течении можно всерьез говорить, лишь начиная с периода Второй империи.

Разумеется, не только мирный коммунизм, но и французский революционный коммунизм 40-х годов XIX столетия продолжал оставаться коммунизмом не научным, т.е. утопическим. Французское революционно-коммунистическое движение этих лет представляло, несомненно, высшую ступень в развитии домарксова коммунизма. Поэтому Маркс и называл некоторых коммунистических идеологов того времени, и прежде всего Дезами, «более научными французскими коммунистами»². Но все же и им не удалось дать коммунизму истинно научное обоснование, превратить коммунизм из утопии в науку.

Несмотря на большое историческое значение революционно-коммунистического движения во Франции в 40-х годах XIX столетия, оно изучено совершенно недостаточно. Это относится и к первому этапу этого движения - 1840-1841 гг.

Отнюдь не претендуя на исчерпывающий обзор всей имеющейся литературы, скажем здесь лишь следующее.

Еще в начале нашего века были опубликованы две работы, посвященные революционному коммунизму эпохи Июльской монархии. Первая из них – монография Моранжа «Коммунистические идеи в тайных обществах и в прессе в период Июльской монархии»³, вторая – Сансье «Бабувизм после Бабефа»⁴. Но ни Моранж, ни Сансье даже не прикасались к архивным материалам. Кроме некоторых печатных источников (и то далеко не всех), они использовали лишь для интересующих нас лет два опубликованных доклада, представленные суду пэров, – доклад барона Жиро в связи с покушением Дармеса на

короля 15 октября 1840 г. и доклад графа Бастара в связи с покушением Кениссе 13 сентября 1841 г. на сына короля герцога Омальского, в которых приводились некоторые документы, попавшие в руки властей. Еще до Моранжа и Сансье эти материалы были отчасти использованы уже Черновым в его известном исследовании «Республиканская партия в период Июльской монархии»⁵. На эти же материалы ссылались Жорж и Юбер Буржены в своей опубликованной одновременно с книгой Сансье более общей монографии «Французский социализм с 1789 по 1848 г.»⁶ Все последующие французские историки, так или иначе касавшиеся этой темы, излагали только данные, уже приведенные в книгах Моранжа, Сансье и Бурженов. Более того, появившиеся в последнее время во Франции работы по истории социализма и коммунизма, носящие компилятивный характер, не используют даже эти материалы⁷. Ничего нового не содержат по интересующей нас теме и многочисленные, подчас хорошо документированные труды по истории французского рабочего движения⁸. Большая работа проделана французскими историками по созданию «Биографического словаря французского рабочего движения», первые три тома которого включают и период Июльской монархии⁹. В них мы находим ценные биографические данные о некоторых деятелях революционно-коммунистического движения интересующей нас эпохи. Но в то же время этот словарь наглядно свидетельствует о совершенно недостаточной изученности этого движения. Многие имена в нем вообще отсутствуют или же приводятся одни фамилии, даже без выяснения собственных имен и без каких-либо конкретных сведений, кроме кратких указаний: «член тайных обществ», «революционный агент» и т.п.

В советской исторической литературе интересующий нас вопрос затрагивается в капитальном исследовании В.П.Волгина «Французский утопический коммунизм»¹⁰. В третьей части этой работы, озаглавленной «Теоретики утопического коммунизма перед 1848 годом», дан подробный анализ литературного наследия французских коммунистов-утопистов этой эпохи, включая Дезами и Пийо. Во второй части монографии, посвященной распространению идей коммунизма в 30–40-х годах XIX в., рассматривается коммунистическая пресса. Там же имеется и особая глава «Рабочий класс на путях к коммунизму», в которой на стр.149–152 приводятся сведения об Обществе трудящихся-эгалитариев со ссылкой на работы Бурженов и Моранжа. Это и понятно, поскольку В.П.Волгин, не имевший возможности работать во Франции, вынужден был при рассмотрении этого вопроса пользоваться материалами из вторых рук.

Большим событием в советской исторической науке было опубликование коллективного труда «Международное рабочее движение», первый том которого включает и изучаемый нами период¹¹. В этой работе прекрасно показаны процесс становления французского рабочего класса, основные этапы его развития и его классовой борьбы. Изложены и учения некоторых представителей французского утопического социализма и коммунизма. Но по вполне понятным причинам, из-за отсутствия необходимого фактического материала,

авторы тома тоже не имели возможности подробно остановиться на истории революционно-коммунистического движения периода Июльской монархии.

Таким образом, до настоящего времени архивные материалы, относящиеся к французскому революционно-коммунистическому движению 1840–1841 гг., оставались неизвестными, кроме документов, опубликованных в докладах Жиро и Бастара. Между тем лишь изучение этих материалов может пролить дополнительный свет на историю этого движения. Укажем лишь на некоторые архивные фонды, представляющие особый интерес. В Национальном архиве Франции это прежде всего серия СС, включающая фонд палаты и суда пэров. В 23 единицах хранения в больших коробках, содержащих сотни документов (СС 771–794), хранятся все материалы, связанные с процессами Дармеса и Кениссе, в том числе следственные дела всех арестованных и все конфискованные у них печатные издания и рукописи. Очень интересные и ценные документы можно найти в серии ВВ среди уголовных дел, в частности в фондах ВВ¹⁸ и ВВ²⁴. В фонде F⁷ имеются ежедневные доклады префекта полиции Парижа за 1840–1841 гг. (F⁷ 3890, 3891). В Военном архиве Франции особый интерес представляет серия E⁵, особенно единицы хранения 146 (Политические события, 1831–1842), 147–148 (Нелегальные ассоциации в армии, 1835–1842), 164–169 (Покушения на короля, 1835–1846). Дела, связанные с арестом различных лиц, можно найти в фонде Аа426 Архива префектуры полиции. В Национальном архиве сохранились печатные издания, которых нет в Национальной библиотеке. Но и в Национальной библиотеке, кроме известных уже произведений коммунистических теоретиков и коммунистической прессы, имеются и различные брошюры и другие публикации, непосредственно связанные с революционно-коммунистическим движением этих лет.

Все эти новые материалы, прежде всего архивные, дают возможность не только более подробно изучить историю революционно-коммунистического движения в 1840–1841 гг., но и внести ясность во многие вопросы и опровергнуть многие ошибочные мнения. Мы можем составить теперь более точное представление о тайных коммунистических обществах и их деятельности, об их руководящих деятелях и рядовых членах, об их непосредственном участии в политической жизни страны и в рабочем движении, об их печатной и устной пропаганде. Мы знаем теперь много нового и о революционно-коммунистическом движении вне Парижа, в частности в Лионе и Руане. Мы можем уточнить и многие вопросы, связанные с историей коммунистической печати. Мы знаем теперь, кто был истинным издателем «Коммюотера». Мы имеем теперь в нашем распоряжении и значительную часть архива «юманитариев», позволяющего восстановить подлинную историю созданной ими организации и журнала «Юманитер».

Перед автором стояла довольно трудная дилемма: указывать или нет на ошибки и неточности, имеющиеся в различного рода работах и статьях. Но он в конце концов решил не делать этого. Сами читатели при

необходимости их легко обнаружат. Автор счел, однако, своим долгом указать на собственные ошибочные высказывания, связанные с изданием «Юманитера».

Автор убежден, что его работа отнюдь не является исчерпывающим исследованием. Ее цель — лишь расширить наши сведения о революционно-коммунистическом движении 40-х годов XIX в. и наметить пути для его дальнейшего всестороннего изучения.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.21, с.367.

2 Там же, т.2, с.146.

3 Morange G. Les idees communistes dans les societoes secretes et dans la presse sons la monarchie de Juillet. P., 1905.

4 Sender G. Le babouvisme apres Babeuf, 1830–1848. P., 1912.

5 Tchernoff I. Le parti republicane sous la Monarchie de Juillet. P., 1901.

6 Bourgin G. et H. Lo socialisme francais de 1789 a 1848. P., 1912.

7 Willard Cl. Socialisme et communisme francais. P., 1967; Histoire generale du socialisme Publies sous la direction de J. Droz. P., 1972. T.1. Des origines a 1875.

8 Dolleans E. Histoire du mouvement ouvrier, 1834–1871: Cinqieme edition. P., 1953; Brukat J. Histoire du mouvement ouvrier francais. P., 1952. T.1; Aguet J.P. Les greves sous la Monarchic de Juillet (1830–1847). Geneve. 1954; Chevalier L. Classes laborieuses et classes dangereuses a Paris pendant la premiere moitie du XIX siecle, P., 1958; Kessel P. Le proletariat francais: Avant Marx, 1789–1830–1848. Les revolutions escamotees. P., 1968; Bron J. Histoire du mouvement ouvrier francais. P., 1968; Labrousse E. Le mouvement ouvrier ot les idees sociales en France de 1815 a la tin du dix nouvieme siecle. P., S.a.

9 Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais. P., 1969–1973. T.1–3.

10 Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М., 1960. Текст в нашей библиотеке:

11 Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976. Т.1. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса.

Глава первая

Тайные общества. Общество трудящихся-эгалитариев. Общество коммунистов. Общество Бастилии. Их организационная структура и деятельность. Их программные документы. Рукописи, конфискованные у членов тайных обществ.

I

Изучение французского революционного коммунизма начала 40-х годов XIX столетия невозможно без предварительного выяснения вопроса о тайных коммунистических обществах, существовавших в эти годы. Что это были за общества? Какова была их политическая программа? Какова была их организационная структура? Каков был их численный состав? Кто были руководители этих обществ и с кем из видных коммунистических идеологов того времени они поддерживали непосредственный контакт?

Ответить на все эти вопросы не так легко. Общества эти действовали

в глубоком подполье, применяли самые утонченные конспиративные методы, стремились всячески предотвратить утечку каких-либо сведений об их деятельности, скрывали даже сам факт своего существования. Следует также учесть, что их состав отнюдь не был постоянным.

Все же мы имеем возможность составить себе представление о тайных коммунистических обществах, действовавших во Франции в 1840—1841 гг. Прежде всего властям удавалось добывать о них информацию через своих агентов, некоторые из которых сумели даже проникнуть в их ряды. Далее весьма ценные документы попали в руки властей после покушений Дармеса и Кениссе, найденные при обысках, произведенных у многочисленных лиц, арестованных в этой связи. К этому следует добавить, что во время следствия по этим делам некоторые из допрошенных лиц дали достаточно подробные показания. Все это делает возможным составить если не полное и исчерпывающее, то, во всяком случае, достаточно точное представление о тайных коммунистических организациях этих лет.

Изучение этого вопроса следует, пожалуй, начать с докладной записки, представленной 19 октября 1840 г. генеральному прокурору префектом полиции Парижа Делессером, как бы обобщавшей сведения о коммунистических обществах, имевшихся к тому времени в распоряжении властей¹. «Господин генеральный прокурор, — писал Делессер, — в связи с судебной процедурой против убийцы Дармеса вы оказали мне честь попросить меня представить сведения относительно организационной структуры тайного общества, называющего себя обществом *коммунистов*. Спешу выполнить ваше пожелание. В результате восстания 12 и 13 мая (1839 г. — А.И.), замысленного и осуществленного под руководством Общества времен года, вождями которого были амнистированные Бланки и Барбес, эта ассоциация, которая сама являлась преемницей Общества прав человека, оказалась дезорганизованной вследствие осуждения или бегства ее главных заправил ... Но прошло всего лишь несколько недель, как были предприняты попытки ее реорганизации, и члены Общества времен года, не подвергнутые судебным преследованиям, активно занялись возобновлением своих прерванных интриг и созданием нового общества из остатков старого. Они дали этому новому обществу название *Ассоциации трудящихся*. Это общество имеет свой тайный комитет, своих революционных агентов и агентов более низкого ранга, которые, каждый в своем квартале, рекрутируют и вербуют секционеров, как это делали их предшественники из Общества времен года... Общество трудящихся не подчиняется одному шефу или одному комитету; оно разделилось на две приблизительно равные фракции. Одна сохранила свое название *Общества трудящихся*, другая приняла название *Общества коммунистов*. Эта вторая фракция также имеет свой комитет и своих вождей... *Дуриль* стоит во главе Общества трудящихся, *Пийо* является главой коммунистов».

Различные, подчас противоречивые сведения о тайных коммунистических организациях имеются и в показаниях многих лиц,

допрошенных в связи с вышеупомянутыми политическими процессами. Показание Кениссе: «Я вхожу в Общество рабочих-эгалитариев. Это общество имеет три фракции: эгалитарии, коммунисты и реформисты»². Рассказывая о попытках сближения между различными тайными обществами, он повторно упоминает о представителях как коммунистов, так и эгалитариев и реформистов. Он приводит также выступление одного из видных членов Общества эгалитариев — Огюста (Пти) на одном из совместных совещаний: «Мы образуем три фракции: эгалитарии, реформисты и коммунисты. Эти три фракции в одинаковой мере революционны, но они действуют изолированно»³. Сам Огюст (Пти) в противоположность показаниям Кениссе, говорит о совещаниях не трех, а двух организаций: «Вопрос: Какие лица находились с вами и какова была цель этих собраний? — Ответ: Целью этих собраний была попытка сближения между Обществом коммунистов и Обществом трудящихся-эгалитариев»⁴. Заявление свидетеля Мутона: «Я слышал об Обществе трудящихся-эгалитариев от одного молодого человека, имя которого я забыл; он же сказал мне, что это общество состояло из нескольких тысяч лиц, быть может, даже из 15 тысяч»⁵. Из показаний Кениссе об Обществе трудящихся-эгалитариев: «На одном из собраний рассматривался вопрос о сборе средств для приобретения пороха и пуль; если исходить из того, что число членов составляет приблизительно 300 человек и каждый внесет по 10 су, то можно будет собрать 50 эку»⁶. Конфиденциальная записка о секретных показаниях обвиняемого Бразье, называемого Жюстом: «Бразье утверждает, что он не состоял в Обществе трудящихся-эгалитариев, он был только членом недавно организованного Общества Бастилии... Общество Бастилии стремилось объединиться с Обществом трудящихся-эгалитариев, но оно еще не было объединено с последним; оно состояло лишь из 30 или 40 лиц»⁷. Из допроса Коломбье: «Вопрос: Вы признались, что знали о существовании общества, организованного на военный лад под названием Общества Бастилии; каковы главные вожди этого общества? Ответ: Я сказал вам, что я не знаю вождей. Я знаю лишь Лукаса, высокого молодого блондина, работающего на прядильной фабрике. Однажды ... я встретил Лукаса, и он рассказал мне об этом, но я даже не знаю, является ли он сам членом этого общества»⁸. Из допроса Огюста (Пти): «Это правда, что имеется много обществ. Их насчитывается целых три в предместье (Сент-Антуанском. — А.И.); коммунисты и республиканцы находятся в большом разладе. Существование всех этих обществ следует приписать тяжелому положению, в котором находятся рабочие... Вопрос: Что это за три общества, о которых вы говорите? Ответ: Я нарушу свой долг, если я вам об этом скажу. Вопрос: Не являются ли они обществами *коммунистов, трудящихся-эгалитариев и Бастилии*? Ответ: Я не могу вам об этом сказать»⁹. Показания Бореля: «Относительно покушения (Дармеса. — А.И.) я не думаю, что оно было подготовлено коммунистами, к которым принадлежит Шампань. Я не думаю, что они сторонники насильственных методов. Но имеется другая группа коммунистов, коммунистов немедленных действий (*communistes immediate*); эти последние хотят *ниспровергнуть существующую власть*

любыми средствами ... Дармес принадлежит к той части коммунистов, которыми руководил Ж.Ж.Пийо... Вопрос: Названный Пийо не является ли одним из главных вождей общества? Ответ: Если он и не является одним из главных вождей, то, во всяком случае, он является движущей силой всех происков, это он напечатал все эти брошюры. Вопрос: Знаете ли Вы Дуриля, одного из вождей коммунистов? Ответ: Да, месье»¹⁰.

В докладе барона Жиро, представленном суду пэров в связи с процессом Дармеса, мы читаем: «После восстания в мае 1839, спровоцированного Обществом времен года, это общество... оказалось дезорганизованным в результате осуждения или бегства главных руководителей; но разгромленные секционеры в скором времени вновь сплотились и занялись созданием нового общества из остатков прежнего под названием Общества общности или коммунистов. ...В Париже была создана большая коммунистическая ассоциация ... Эта ассоциация разделилась на несколько отдельных фракций, которые преследовали одну и ту же цель и отличались одна от другой лишь большей или меньшей нетерпеливостью в стремлении достигнуть этой цели, более или менее насильственным характером средств, которые надлежало применить для ее достижения»¹¹. В обвинительном заключении по делу Кениссе говорилось: «Три конспиративные и подрывные организации вели свою разрушительную работу в Сент-Антуанском предместье, а именно рабочих-эгалитариев, коммунистов и Бастилии. Они поддерживали связь с некоторыми личностями, которые под именем реформистов применяют аналогичные средства, чтобы ниспровергнуть государственный строй»¹². В докладе графа Бастара, представленном суду пэров по этому же делу, содержалось следующее заявление: «Вы убедились, под влиянием каких догм... организовались после исчезновения Общества времен года общества коммунистов, трудящихся-эгалитариев и даже реформистов, так как невозможно не обратить внимание на некоторые связи, существующие между этим обществом и двумя предыдущими ...Но в то же время как будто бы заговорщики имели надобность привлечь еще более экзальтированных людей, обеспечить себе еще более решительных исполнителей, заполучить еще более слепые орудия, недавно, как установило следствие, было организовано еще одно новое общество под названием Общества Бастилии. Это последнее, разделенное на когорты, должно было находиться под военным командованием, и его предназначали, без всякого сомнения, для осуществления каких-то беспощадных действий»¹³.

Из ежедневных донесений префекта полиции Парижа мы можем почерпнуть следующие дополнительные данные. Уже в донесении от 9 февраля 1840 г. указывалось: «Общество трудящихся — продолжение Общества времен года — рекрутирует своих членов и организуется, не давая повода для беспокойства»¹⁴. Год спустя, 22 апреля 1841 г., префект полиции сообщал: «Республиканская партия со своей стороны усиленно реорганизуется; общества коммунистов и трудящихся сблизилась с большой реформистской организацией»¹⁵. А в сводке от 12 июля того же года мы читаем: «Реформистская партия очень возбуждена в связи с

постановлением Королевского суда от 10 числа, предписывающего роспуск реформистских и коммунистических обществ»¹⁶.

Люсьен де ла Одд, принимавший активное участие в деятельности тайных обществ периода Июльской монархии и являвшийся фактически полицейским осведомителем, опубликовал в 1850 г. две книги, в которых излагал свои «воспоминания»¹⁷. Не следует их переоценивать. Де ла Одд, несомненно, многое скрывал, ничего не говорил о своей неблагоприятной роли полицейского агента и провокатора, многое изображал в карикатурном виде с целью дискредитировать участников тайных коммунистических обществ, чтобы как-то оправдать свое ренегатство. В первой из этих книг он писал: «К 1840 г. коммунизм начал всерьез заражать Париж... Появляются из неизвестности мессии, которые проникают в народные массы. С одной стороны, это были инициаторы, проповедовавшие пером и словом: г-н Пийо, бывший священник французской церкви, Савари, рабочий-сапожник, Дезами ... затем появились распространители, проповедовавшие доктрину в кабаках... г-да Розье, Велликюс, Лионн». Взамен Общества времен года было создано новое тайное общество, которое де ла Одд подчас называет Новое общество времен года, во главе с Дурилем. Несколько дальше де ла Одд упоминает об «Обществе эгалитариев, одной из фракций коммунистов ... Это было второе издание коммунистов-революционеров. Между взглядами этих двух маленьких групп не было, по существу, никакой разницы»¹⁸. В другой своей книге де ла Одд также сообщает, что имелись две группы коммунистов. «Второе Общество коммунистов, которое сформировалось в 1840 г., исходило из доктрины нескольких безмозглых мечтателей, главными из которых были Шарассен, Мей, Дезами и др.... Великолепие этих принципов привело в восторг некоторых одержимых, сразу ставшие их апостолами. Г.Лионн, парикмахер, г-н Велликюс, портной, г-н Розье, механик¹⁹, г-н Виньн, каменотес, были главными из них... Эти четыре главных шефа... организовали секретную ассоциацию, чтобы сконцентрировать свои усилия и подготовить торжество идеи; они стали вербовать своих сторонников среди членов нового Общества времен года и сумели завербовать некоторых болтунов, которых раздражали слепая дисциплина и особенно отсутствие дискуссий. Г.Дуриль, тогда глава большой ассоциации, имел с ними много хлопот... Общество Розье, Велликюса и других, которое называли Обществом коммунистов-революционеров, никогда не состояло больше чем из 150—200 членов»²⁰.

Об этом Обществе коммунистов-революционеров, как его называет де ла Одд (или просто Обществе коммунистов, как его называют другие цитированные выше источники), сохранился очень ценный архивный документ. Это анонимная записка, переданная судебным властям, ведшим следствие по делу Дармеса. В ней говорится следующее: «Во фракции, к которой, как я вам признался, я принадлежал, имелся руководящий, или исполнительный, комитет; от него исходили все директивы по текущим вопросам (*ordres du jour*) и предписания (*reglements*). Он был также уполномочен предпринимать необходимые

меры, чтобы попытаться создать новое руководство, из чего следует, что комитет этот был лишь временным, по это объяснялось лишь неспособностью людей, в него входивших. Для составления директив и других документов комитет этот, насколько я знаю, использовал в течение длительного времени некоего Манера, который затем, убедившись, вероятно, в абсурдности их притязаний, как и их идей, отказался от этой функции. По этой причине данная фракция долгое время оставалась без директив, на что жаловались все ее члены.

Чтобы создать руководство, был избран новый комитет, состоявший, как и прежний, из пяти членов... Через некоторое время появилась очередная директива; в ней новое руководство излагало свои условия и исполнительный комитет благодарил за оказанное ему доверие и указывал, что общество наконец должно было быть довольно, обретая способное руководство, которое в надлежащее время сможет осуществить революцию, но что необходимо просветить народ, дабы иметь возможность использовать революцию в целях торжества общности». На обороте страницы этого документа мы читаем: «Имена членов руководящего комитета: Луи Легран²¹, Лионн, парикмахер, Жюль Розье, студент юридического факультета²², Велликюс, Дютерт»²³.

Какое заключение можно сделать из этих различного рода свидетельств? После майских событий 1839 г., приведших к разгрому Общества времен года, было организовано новое Общество времен года, вскоре принявшее название Общества трудящихся-эгалитариев. Когда это произошло? Согласно сведениям префекта парижской полиции Делессера, это произошло уже спустя несколько недель после майского восстания. Но из подписанного им же донесения от 9 февраля 1840 г. следует, что в то время новое общество находилось еще в процессе организации. Из этого можно сделать вывод, что если уцелевшие члены Общества времен года и начали подготовительную работу по созданию нового тайного общества в 1839 г., то организационно оно оформилось лишь в начале 1840 г. под новым названием Общества трудящихся-эгалитариев (иногда именуемого в документах и Обществом рабочих-эгалитариев). Но общество это, видимо, недолго сохранило свое организационное единство. Согласно докладу префекта полиции оно разделилось на две приблизительно равные фракции; одна из них сохранила название Общества трудящихся-эгалитариев, другая приняла название Общества коммунистов. Согласно показаниям Кениссе, Общество трудящихся-эгалитариев раскололось на три фракции: эгалитариев, коммунистов и реформистов. Но заявление Кениссе опровергается показанием самого же Огюста (Пти), на которого он ссылается, говорившего лишь о двух тайных обществах – Обществе трудящихся-эгалитариев и Обществе коммунистов. Об этих двух организациях речь идет и во многих других документах; о них говорит и де ла Одд, называющий Общество коммунистов Обществом коммунистов-революционеров. Но как же тогда быть с «реформистами», которые упоминаются не только в показаниях Кениссе? Все данные говорят за то, что под реформистами подразумевались сторонники демократической

избирательной реформы, создавшие еще до этого свою организацию. Неудивительно, что их подчас также называли революционерами и противниками существующего строя. Республиканцы-демократы, игравшие в предыдущем десятилетии руководящую роль в тайных обществах, отнюдь не исчезают с политической арены и в 40-х годах. Многие из них, не будучи коммунистами, выдвигали программу не только радикальных политических преобразований, но и далеко идущих социальных реформ. Что именно радикальные сторонники избирательной реформы, в частности мелкобуржуазные республиканцы, в дальнейшем, с 1843 г., сгруппировавшиеся вокруг газеты «Реформа», и подразумевались под названием реформистов, видно и из других приведенных выше свидетельств, которые противопоставляют общества коммунистов и трудящихся-эгалитариев «большой реформистской организации», тайные коммунистические общества – «некоторым личностям», которые под именем реформистов также стремятся ниспровергнуть государственный строй. Недаром 10 июля 1841 г. высшая судебная инстанция приняла постановление о запрещении «реформистских и коммунистических обществ».

Итак, следует заключить, что никакого коммунистического тайного общества под названием реформистов не существовало. В 1840 г. имелись лишь два подпольных коммунистических общества – трудящихся-эгалитариев и коммунистов. В 1841 г. появляется новая подпольная организация – Общество Бастилии. Что оно возникло лишь в 1841 г., видно из того, что во всех документах, посвященных процессу Кениссе, об этом обществе говорится как о недавно созданной организации. Название этого общества объясняется, очевидно, следующим образом. В 1840 г. под предлогом угрозы войны, в связи с обострением восточного вопроса правительство Тьера приняло решение о строительстве вокруг Парижа новых укреплений. Демократическая общественность отнеслась к этому решению отрицательно, рассматривая строительство этих укреплений не как средство защиты от внешних врагов, а как стремление правительства воздвигнуть «новые Бастилии», чтобы держать народ в порабощении и подавить революционное движение. Подобно многим демократическим и коммунистическим деятелям, вроде Кабе, даже Дезами опубликовал по этому поводу специальную брошюру²⁴. Широкое общественное движение против строительства новых укреплений, в котором самое активное участие принимали в первую очередь рабочие массы, и объясняет, очевидно, название нового тайного общества. Общество Бастилии было организовано по военному образцу, делилось на когорты, т.е. было своего рода военизированной организацией, чем и отличалось от двух других коммунистических подпольных организаций – трудящихся-эгалитариев и коммунистов.

Говоря о тайных коммунистических обществах, действовавших в 1840–1841 гг., необходимо учитывать следующее: иногда весьма трудно определить принадлежность тех или иных лиц, известных как коммунисты, к той или иной организации. В следственных делах и других

материалах можно встретить подчас противоречивые сведения на этот счет. Возможно, это объясняется отчасти и тем, что некоторые лица переходили из одной организации в другую, а иногда, как мы увидим ниже, входили одновременно в обе организации. Кроме того, видимо, и внутри этих обществ возникали, чтобы затем вскоре исчезнуть, различные временные группировки. Вот что мы читаем, например, в докладе префекта полиции от 16 сентября 1841 г.: «Жюст принадлежит к той фракции тайных обществ, которую называют трудящиеся-эгалитарии. Огюст имеет чин в Обществе трудящихся-эгалитариев. Огюст находится в обществе под начальством Мартена. Мартен, в свою очередь, находится под начальством Наполеона Базена, который уже некоторое время руководит фракцией, которая отделилась от Общества трудящихся и Общества коммунистов»²⁵. Таким образом, внутри этих обществ происходили различные перемещения, создавались и распадались различные группировки.

В показаниях Бореля обращает на себя внимание противопоставление коммунистов – противников насильственных действий «коммунистам немедленных действий», готовых применить для достижения своих целей «любые средства». Этот термин «коммунисты немедленных действий» был в те годы в большом ходу. Им обозначали всех сторонников революционного коммунизма, противопоставляя их мирным коммунистам, в первую очередь икарыйцам, последователям Кабе. Дело в том, что в эти годы возникают и другие коммунистические организации под знаменем икарыйского коммунизма. Так, например, Коломбье во время допроса подтвердил, что в Сент-Антуанском предместье действительно существует общество, известное под названием икарыйцев²⁶. Общества икарыйцев имелись и в других местах, а не только в Париже. Но то не были подпольные революционные организации, поэтому прямого отношения к истории революционно-коммунистического движения во Франции они не имеют. Конечно, в личном плане не было непреодолимой пропасти между икарыйцами и революционными коммунистами. Некоторые лица, приобщившиеся к коммунистическим идеям под влиянием пропаганды Кабе, переходили затем на революционные позиции. Быть может, наиболее ярким примером этого является вышеупомянутый Велликюс, бывший ранее сторонником Кабе, затем порвавший с ним и ставший одним из видных представителей революционного коммунизма, одним из пяти членов руководящего комитета Общества коммунистов.

Какова же была численность тайных обществ? Заявление Мутона, основанное на слухах, что Общество трудящихся-эгалитариев состоит из нескольких тысяч человек, быть может даже из 15 тыс., не заслуживает, конечно, никакого доверия. Нам кажется, что в данном случае гораздо более правдоподобными являются сведения, сообщенные де ла Оддом, который располагал более достоверными данными и не имел никаких оснований после революции 1848 г. ни преувеличивать, ни преуменьшать численность тайных обществ. По его словам, новое общество, созданное взамен Общества времен года, насчитывало около 1500 человек, из них

от 800 до 900 «дисциплинированных членов». Следует, однако, учитывать, что здесь де ла Одд имел в виду, как он сам выражается, «большую ассоциацию», возглавлявшуюся Дурилем, т.е. все новое Общество времен года, принявшее вскоре название Общества трудящихся-эгалитариев. В дальнейшем, однако, внутри этой «большой ассоциации» создались две фракции – эгалитариев и коммунистов, превратившихся фактически в отдельные тайные общества. По словам де ла Одда, Общество коммунистов-революционеров, никогда не насчитывало более 150–200 членов. Эгалитарии же, как мы видели, исходили в своих расчетах в связи со сбором денежных средств из того, что их всего около 300 человек. Префект полиции Делессер считал эти два тайных общества приблизительно равными. Относительно же Общества Бастилии мы знаем, что эта военизированная организация состояла всего из нескольких десятков человек, по словам Жюста (Бразье), всего из 30-40 лиц.

Что касается социального состава тайных коммунистических обществ, то он не вызывает никаких сомнений. В них входили в основном лица физического труда, рабочие, в том числе, разумеется, в условиях Парижа того времени представители ремесленного пролетариата. Лицами физического труда были все члены тайных обществ, арестованные в связи с покушением Дармеса, который сам был полотером: Борель – рабочий-механик, Симар, 37 лет, – часовщик, Рокари, 37 лет, – механик, Буж, 32 лет, – механик, Периес, 32 лет, – суконщик, Гере, 25 лет, – краснодеревщик, Бельгиз, 50 лет, – каретник, Пьер Мартен, 26 лет, – механик, Робер, 25 лет, – красильщик²⁷. Среди организаторов Общества коммунистов были Лионн – парикмахер, Велликюс – портной, Виньи – каменотес. Рабочим был и Майер, составлявший документы этого общества до создания нового руководящего комитета. В связи с покушением Кениссе перед судом предстали 15 человек, из которых 12 были рабочими: Кениссе, 27 лет, – пильщик, Бушерон, 36 лет, – пильщик, Бразье (Жюст), 28 лет, – столяр, Пти (Огюст), 31 год, – краснодеревщик, Жаррас, 33 лет, – краснодеревщик, Лонуа (Шассер), 33 лет, – меднолитейщик, Боггио, 32 лет, – слесарь, Малле, 37 лет, – сапожник, Жан Мартен, 25 лет, – краснодеревщик, Фужерэ, 24 лет, – краснодеревщик, Бузе, 34 лет, – краснодеревщик, Базен (Наполеон), 29 лет, – подручный на кухне²⁸. На процессе ряда коммунистов по обвинению в принадлежности к незаконной ассоциации фигурировали в числе прочих, кроме уже знакомого нам Гийома Розье, сапожник Менье, наборщик Лефюэль, портной Картер²⁹. Все эти данные достаточно красноречиво свидетельствуют о социальном составе коммунистических обществ. Они же дают нам возможность констатировать и следующий интересный факт. За единичными исключениями, членами тайных обществ являлись представители молодого поколения, люди 20–30-летнего возраста.

Если основной социальный состав обществ трудящихся-эгалитариев и коммунистов вполне ясен, то это отнюдь не означает, что они носили чисто профессиональный характер, что их члены были исключительно

рабочие. Мы встречаем среди них и лиц умственного труда, которые играли даже активную роль в руководстве тайных обществ. Некоторые же коммунистические теоретики из числа интеллигенции если и не входили непосредственно в состав этих обществ, то, во всяком случае, поддерживали с ними тесную связь.

Согласно данным властей, а также свидетельству де ла Одда, новое тайное общество, возникшее на развалинах Общества времен года и принявшее сперва название нового Общества времен года, а затем Общества трудящихся-эгалитариев, возглавлял Анри Жозеф Дуриль. Арестованный в сентябре 1840 г. и привлеченный затем к судебной ответственности, он фигурировал в обвинительном акте как «литератор»³⁰. Действительно, Дуриль был сотрудником демократической газеты «Журнал дю пёплъ». Он не только был агентом по распространению этой газеты, но и публиковал в ней статьи. Студент юридического факультета Жюль Розье являлся одним из пяти членов руководящего комитета Общества коммунистов.

Подлинным вождем коммунистов-революционеров власти склонны были считать Пийо, о чем писал еще в октябре 1840 г. префект полиции Делессер в своей докладной записке генеральному прокурору. На Пийо как на главу коммунистов ссылались и многие свидетели, причем, однако, Борель делал следующую оговорку: если даже Пийо и не является одним из вождей Общества коммунистов, то он, во всяком случае, является его движущей силой, т.е. его идейным вдохновителем. Нам кажется, что это определение было более точным. Ведь мы знаем состав руководящего комитета Общества коммунистов, в который Пийо непосредственно не входил. Но его самая тесная связь с коммунистами совершенно несомненна. Жан-Жак Пийо был привлечен к судебной ответственности еще в 1839 г. в связи с процессом Общества времен года. В этом же году он опубликовал два выпуска своего рода периодического органа «Трибун народа», где пропагандировал республиканские идеи, за что был приговорен к тюремному заключению. Однако свои основные произведения, в которых он защищал и обосновывал коммунизм, он опубликовал как раз в 1840–1841 гг. Брошюры эти (о них нам придется еще подробно говорить), а также его практическая деятельность наглядно свидетельствуют о его тесных связях с Обществом коммунистов. Пийо был, несомненно, выдающейся личностью. Вновь представший перед судом в июне 1841 г., он произвел столь сильное впечатление, что даже в официальном отчете о процессе мы читаем: «Это человек выдающейся внешности; его лысая голова, его длинная черная борода придают его облику какую-то вдохновенность»³¹.

По утверждению де ла Одда, одним из «мессий», вдохновлявших коммунистов-революционеров, был Дезами. Коммунистическое мировоззрение Дезами окончательно сложилось уже в 1839 г., когда он напечатал свою первую работу, хотя его основное произведение «Кодекс общности» было опубликовано лишь в 1842–1843 гг. Таким образом, в 1840 г. он выступал уже как признанный коммунистический теоретик, предпринявший даже издание коммунистического журнала «Эгалитер».

Хотя Дезами пытался сочетать бабунизм с оуэнизмом, но у него все более преобладали революционные настроения. Его современник Виктор Бутон, близкий к революционным кругам того времени, писал о нем: «Он не только активизирует движение 1840 г., но и продолжает агитацию и пытается даже ее возглавить... Дезами был замешан во всех революционных предприятиях, имевших место до установления республики»³². В 1840–1841 гг. Дезами был, правда, близок с Кабе, сотрудничал с ним и считался даже его правой рукой. Окончательный разрыв между ними произошел лишь в 1842 г. Опубликованная в этой связи Кабе брошюра проливает, однако, свет на истинную позицию Дезами в предыдущие два года. В брошюре этой Кабе заявлял следующее: «Я удалил его, так как обнаружил, что он был ультракоммунистом, коммунистом немедленных действий, сторонником тайных обществ и насилия, стремившимся навязать общность силой»³³. Таким образом, Кабе прямо указывал на связь Дезами с тайными обществами. А что такая связь действительно существовала, мы имеем одно непосредственное свидетельство. Арестованный по делу Дармеса известный уже нам Симар на допросе признал, что был вместе с Дармесом на одном собрании, на котором присутствовало несколько лиц, в том числе Дезами. Следовательно, желая уточнить личность последнего, задал вопрос: «Не является ли этот Дезами издателем «Эгалитера» и автором тоста «За эмансипацию трудящихся», провозглашенного на банкете в Бельвиле?», на что Симар дал положительный ответ³⁴. Из этого можно заключить, что Дезами был не только одним из идейных вдохновителей коммунистов-революционеров, но и поддерживал личные связи с членами тайных обществ.

II

Сразу же после ареста Дармеса 15 октября 1840 г. во время обыска полиция изъяла бумаги и документы, находившиеся у него на квартире. Среди них оказались и два экземпляра устава Общества трудящихся-эгалитариев, один неполный, другой полный³⁵. Во время суда Дармес в конце концов признал, что найденную у него копию этого устава передал ему Борель³⁶. Но власти интересовались не только этим, но прежде всего тем, кто этот устав составил. Допрошенный в этой связи Борель дал следующее показание: «Относительно устава, о котором вы спрашивали в предыдущий раз, кем он был составлен, я теперь вспоминаю, не имея, однако, возможности категорически это утверждать, что он был составлен неким Жюлем Розье, не то преподавателем литературы, не то студентом юридического факультета»³⁷.

Показание Бореля весьма правдоподобно. Текст устава свидетельствует, что он был написан лицом, вполне грамотным и хорошо владеющим пером, каким и был Жюль Розье. Здесь может, однако, возникнуть следующий вопрос. Мы знаем, что Жюль Розье, как и его однофамилец Гийом Розье, входили в Общество коммунистов. Но из этого следует лишь, что устав Общества трудящихся-эгалитариев был составлен в то время, когда оно было еще единым целым и не распалось на две фракции — эгалитариев и коммунистов. Это означает

также, что, как мы убедимся позднее, организационные принципы обеих фракций были едины.

«Основополагающий и дисциплинарный устав ассоциации трудящихся-эгалитариев»³⁸ состоит из 41 статьи. Он содержит следующие разделы: общий план организации, о комитете, об агентах комитета, принятие в члены, права и обязанности членов ассоциации, о разборе дел, о соблюдении устава. Устав этот предусматривал следующую структуру ассоциации трудящихся-эгалитариев. Ячейки этой ассоциации состоят из семи человек, составляющих одну «профессию» (metier), глава которой называется «рабочим» (ouvrier). Несколько «профессий», максимально четыре, составляют «мастерскую» (atelier), во главе которой стоит «мастер» (contre-maitre); две «мастерских» — «фабрику» (fabrique), руководимую «приказчиком» (commis). Не более четырех фабрик образуют «отделение» (division), возглавляемое особым руководителем (directeur divisionnaire). Если «профессии», «мастерские» и «фабрики» обозначаются соответствующими номерами, то каждое «отделение» имеет свое особое название. Всю ассоциацию возглавляет тайный комитет, состав которого известен только руководителям «отделений». Все функционеры ассоциации считаются его агентами или доверенными лицами. От этого тайного комитета и исходят все приказы и инструкции. Руководители «отделений» получают приказы и инструкции непосредственно от комитета, а затем передают их «приказчикам», которые, в свою очередь, через посредство «мастеров» и «рабочих» доводят их до сведения отдельных «профессий», т.е. первичных ячеек ассоциации. Тайный комитет не менее двух раз в месяц созывает собрания руководителей «отделений»; те, в свою очередь, созывают собрания «приказчиков», которые организуют собрания «мастеров», а последние — «рабочих». Затем имеют место собрания первичных ячеек — отдельных «профессий», на которых зачитываются директивы, исходящие от комитета. Собрания эти созываются в домах, доступных для публики, лишь в случае отсутствия другого подходящего места. Затем проводятся так называемые «возвратные собрания», т.е. собрания функционеров ассоциации в обратном порядке, начиная с «рабочих» и кончая руководителями «отделений», как бы для подведения итогов, в частности по приему новых членов, перераспределению по «профессиям» членов ассоциации, переменявших местожительство, для рассмотрения вопроса о создании новых «мастерских» и «профессий» и т.п.

В ассоциацию может быть принято лишь лицо, рекомендованное одним из членов. Последний должен обратиться к соответствующему «мастеру», который поручает двум членам общества навести справки о личности кандидата. В случае положительного заключения назначается место, день и час приема. Церемония приема осуществляется в присутствии одного «приказчика», т.е. руководителя соответствующей «фабрики», и «мастера» — главы «мастерской». Но принимаемый их не видит, так как глаза у него должны быть завязаны до окончания процедуры приема и ухода «приказчика». Каждый член ассоциации платит взнос в размере как минимум десяти франков каждые полмесяца.

Всякий не присутствующий без уважительных причин на трех собраниях подряд или покидающий ассоциацию без удовлетворительной мотивировки объявляется в очередной директиве перебежчиком. Дела лиц, совершивших те или иные проступки, разбираются комиссией из трех лиц, возглавляемой «приказчиком», которая и решает, справедливы ли выдвинутые против них обвинения и могут ли они оставаться членами ассоциации или должны быть исключены.

Уставу предпослано своего рода краткое введение, в котором указывается, что тайный комитет счел необходимым в письменной форме закрепить принципы организации, основанные до этого на устной традиции. «Недостаточно было зафиксировать в письменном виде существовавшие по сегодняшней день взаимоотношения между всеми ассоциированными от простого трудящегося до члена комитета; необходимо было также видоизменить все то порочное, что было в этих взаимоотношениях и в практике ассоциации; новый регламент запрещает многолюдные собрания, так как они раскрывают конфиденциальных агентов главного руководства и предоставляют лицемерным интриганам возможность снискать опасное доверие, предателям — уверенность в зарплате, полиции — легкую добычу». В заключение говорилось, что если до сих пор главной опасностью подвергались лишь некоторые члены ассоциации, распространявшие ее принципы, то теперь согласно новым статутам опасности и тягости будут распределены более справедливо и «все члены тайной ассоциации будут вовлечены в ее деятельность».

В другом документе, попавшем в руки властей, так называемом «формуляре», о котором нам придется еще говорить ниже, содержатся следующие указания о порядке приема новых членов. «Посвящение должно производиться, если только это не срочно, лишь по вечерам... в секретном и изолированном месте... Кроме двух функционеров, предусмотренных регламентом (мастера и рабочего), лишь два других трудящихся, входящих в группу, в которую принимают нового члена, могут при этом присутствовать, и то было бы желательно, насколько это возможно, чтобы они не были известны представляемому, который должен явиться лишь в сопровождении одного лица».

При ознакомлении с уставом Ассоциации трудящихся-эгалитариев не представляет никакого труда определить его суть. Это был устав типичной конспиративной организации. Тайный руководящий комитет, неизвестный никому, не только рядовым членам общества, но даже его функционерам, за исключением руководителей «отделений» подразделения ассоциации, строго изолированные друг от друга первичные ячейки, состоящие всего из семи членов, — все это характерная структура такого рода организации. Более того, сразу бросается в глаза преемственная связь этой организации с прежними тайными обществами, и прежде всего с непосредственно предшествовавшим ей Обществом времен года. Поэтому, несомненно, был прав префект полиции Делессер, который в своем докладе прокурору писал: «Что касается внутренней организации Общества трудящихся, то она является аналогичной организации общества, которое оно заменило (т.е.

Общества времен года. — А.И.); были только изменены некоторые наименования. Так, подразделения, которые в свое время именовали "недели", "месяцы", "июль" и т.п., теперь называются "профессии", "мастерские", "фабрики"³⁹. Но само это различие наименований было весьма знаменательным. Оно указывало на качественное отличие новой конспиративной организации от Общества времен года. Ассоциация трудящихся-эгалитариев была не просто республиканским тайным обществом, в которое входили и рабочие, а уже тайной организацией рабочих; отсюда и новые характерные наименования ее подразделений.

В какой мере и как изложенный выше устав осуществлялся на практике? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность составить себе об этом известное представление. Начнем с вопроса о приеме в члены общества. Вот, например, что рассказывал на следствии сам Кениссе. Однажды он встретил Мартена, который еще раньше предлагал ему вступить в некое общество, а теперь попросил его зайти в следующий понедельник в трактир Коломбье по улице Траверсьер № 21, захватив с собой двух-трех товарищей. Кениссе явился туда в указанный день с Бушероном, с которым он вместе работал. Там находились уже Мартен, Жюст (Бразье), Огюст (Пти), Дюфур, Шассер (Лонуа), Наполеон (Базен), Малле и некоторые другие. После того как они выпили по полштофа, Огюст велел закрыть дверь комнаты, в которой они находились, и произнес длинную речь. Указав, что государство находится в руках тиранов, в руках тех, кто получает деньги, ничего не делая, он далее сказал, что если даже крестьяне становятся теперь революционерами, то тем более рабочие должны быть ими. «Я вам заявляю, — продолжал он, — что я и мои сограждане являемся революционерами, но революционерами, желающими не зла, а добра всем рабочим, так как мы рабочие-эгалитарии. Некоторые понимают, что означают слова "рабочие-эгалитарии", но другие этого не понимают; я объясню вам это в нескольких словах: это значит, что мы после низвержения трона организуем национальные мастерские, школы обоюдного обучения и другие учреждения того же рода. Такие национальные мастерские будут в каждом департаменте; рабочий по долгу должен будет больше беспокоиться о том, как найти работу, ему будут платить заработную плату, определенную законом, которая будет гораздо выше той, которую мы получаем сегодня, и он будет работать всего восемь часов в день. Мои сограждане, что думаете вы об этих национальных мастерских?». Все выразили полное одобрение. Перейдя затем к вопросу о новых школах, Огюст заявил, что в них не будет никакой платы за обучение, что преподаватель, получающий заработную плату от правительства, «будет столь же заботиться о детях пролетария, как теперь заботятся о принцах крови». В конце своей речи Огюст обратился к присутствующим с вопросом, кто из них хочет вступить в их общество. Все выразили согласие сделать это. «После этой речи названные Дюфур, Наполеон и Огюст, насколько я помню, отделились от остальных, чтобы подняться в комнату, находящуюся наверху. Затем Шассер и Мартен стали выводить нас по двое на площадку на лестнице. Я

поднялся вместе с Бушероном. Шассер завязал мне на площадке глаза и ввел в комнату. Наполеон звучным голосом обратился ко мне, а затем к Бушерону: «Гражданин, что думаешь ты о теперешнем правительстве? Думаешь ли ты, что нами плохо управляют?» Я ответил ему утвердительно. Он сказал: «Ты знаешь, что мы являемся революционерами; ты поднимешь руку и поклянешься своей головой, что ты откажешься от своего добра и достоинства, что ты покинешь свою жену и своих детей, если они у тебя имеются, и что ты выйдешь на улицу по первому же сигналу тревоги, что ты будешь сражаться, невзирая на число твоих неприятелей. Ты должен поклясться также своей головой, что ты никогда не разгласишь ни одного слова из того, что ты слышишь; чтобы быть революционером, как мы, нужно чтобы ты поклялся не бояться ни смерти, ни тюрьмы. Клянешься ли ты? Внимательно взвешивай свои слова, ведь речь идет о твоей голове». Так как у меня были завязаны глаза и так как я не знал, что он мог иметь в руке, быть может, это был пистолет или кинжал, я ответил: «Я даю клятву». Я забыл сказать, что до этого он спросил мое имя, мое местожительство и мою профессию. Прежде чем развязать мне глаза, тот, кто до этого держал речь (Огюст. — А.И.), сказал мне, что моя жена и дети, если я их имею, рискуют тем же наказанием, что и я, если я разглашу что-либо из сказанного им, что я должен хранить все в тайне от моей жены. Время от времени некто другой, сидевший в углу комнаты, звучным голосом говорил: "Ты слышишь, ты поклялся". Они рекомендовали мне также бывать столь часто, насколько это мне будет возможно, у Коломбье. После того как все это было сказано, Малле, который также находился в комнате, развязал мне глаза. Все, один за другим, подходили ко мне, чтобы меня поцеловать, и говорили: "Гражданин, мы признаем тебя членом нашего общества"⁴⁰.

Если исключить одну деталь, а именно заявление Кениссе, что он дал клятву, боясь, что Наполеон (Базен) держал в руке пистолет или кинжал, заявление, явно рассчитанное на то, чтобы создать впечатление, что он действовал по принуждению, — весь его рассказ, несомненно, соответствует истине. Он подтверждает, что прием в члены общества трудящихся-эгалитариев происходил согласно ритуалу, предусмотренному в его уставе. Прием происходил в особом изолированном помещении, куда кандидата вводили с завязанными глазами. Мы знаем, что Огюст (Пти) имел, по словам префекта полиции, «чин» в Обществе трудящихся-эгалитариев, а Наполеон (Базен) занимал в иерархии общества еще более высокую ступень. Очевидно если Огюст был «рабочим», т.е. главой первичной ячейки — «профессии», в которую и принимали Кениссе и Бушерона (поэтому именно он и произнес речь, предлагая им вступить в общество), то Наполеон (Базен) был в то время «мастером», который согласно уставу должен был проводить прием новых членов вместе с «приказчиком». В этой связи большой интерес представляет показание Кениссе о каком-то другом лице, сидевшем в углу комнаты и время от времени напоминавшем ему о его клятве. Очевидно, это и был «приказчик», которого он так и не смог увидеть,

поскольку согласно уставу тот уходил до того, как у вновь принимаемого в члены общества снимали с глаз повязку.

Рассказ Кениссе подтверждается и более краткими, но аналогичными показаниями Бушерона. По его словам, когда ему было предложено вступить в члены общества, он оказался в трактире Коломбье. «Там находились семь или восемь человек, которых я не знал. Один из них сказал, что правительство эгоистично, что рабочие несчастны, что, если я войду в общество, мне не будет надобности больше работать по достижении сорокалетнего возраста, так как тогда обо мне позаботятся. Я согласился. Меня спросили: Кто нами управляет? Я ответил, что г-н Филипп. Нет, сказал тот, кто говорил, это — буржуазия. Я не хорошо понял и не помню все, что мне говорили. Мне завязали глаза, поставили на колени, и я дал клятву следовать за ними повсюду»⁴¹. В своем покаянном письме, написанном из тюрьмы на имя герцога Омальского, Бушерон тоже описывает, как его заставили подняться наверх в комнату Лонуа (Шассера), завязав глаза, где он и дал свою «роковую клятву»⁴². Следовательно, комната, где состоялся прием в Общество трудящихся-эгалитариев Кениссе и Бушерона, была комнатой одного из членов общества, Лонуа (Шассера), проживавшего в доме Коломбье.

Сам Огюст (Пти) на допросах признал, что он был принят в Общество трудящихся-эгалитариев еще приблизительно за 18 месяцев до этого, т.е. еще в первой половине 1840 г., что прием происходил в доме одного виноторговца, что на приеме присутствовали семь-восемь человек, но, ссылаясь на то, что он не хочет нарушать данную им клятву, отказался сообщить какие-либо подробности⁴³.

Совершенно аналогичные сведения о приеме в Общество трудящихся-эгалитариев в июле 1840 г. сообщает и Дюфур: «Мне завязали глаза в помещении, где не было света, и вскоре я услышал три голоса, споривших о чести быть моим крестным отцом». Там он и дал свою «революционную присягу»⁴⁴.

Итак, прием в члены тайного Общества рабочих-эгалитариев происходил согласно его уставу. Характерно, что на приеме присутствовали семь-восемь человек, т.е., очевидно, члены первичной ячейки — «профессии» с возглавляющим ее «рабочим», кроме «мастера» той мастерской, в которую входила данная ячейка, а также, по-видимому, и «приказчика», возглавлявшего соответствующую «фабрику», в которую входила «мастерская».

Где собирались члены тайных обществ на свои собрания? Вероятно, следуя уставу, они собирались не только в публичных местах, а и на частных квартирах. Случалось, что им приходилось встречаться и на открытом воздухе. Так Малле в своих показаниях заявляет: «Я участвовал и в некоторых других собраниях, но они происходили не в закрытых помещениях: иногда они имели место у заставы Трон, в других случаях — около Аустерлицкого моста на берегу реки»⁴⁵. Но, безусловно, собрания тайных обществ происходили главным образом в домах виноторговцев, т.е. в тавернах. Дело в том, что некоторые из этих виноторговцев сами

были членами тайных обществ. Таковым был, например, Коломбье, у которого квартировал Лонуа (Шассер), и где были приняты в члены общества Кениссе и Бушерон. О собраниях у Коломбье на улице Траварсьер № 21 говорили на следствии почти все допрашиваемые. Бушерон свидетельствует, что после вступления в общество он участвовал еще в трех собраниях у Коломбье, на которых присутствовали восемь — десять человек⁴⁶. Кениссе утверждал, что он был у Коломбье 18–20 раз, хотя не каждый раз там были собрания. Фужерэ также показал, что собрания происходили в доме Коломбье, причем собирались у проживающего там Лонуа (Шассера), а затем спускались к Коломбье⁴⁷.

Но собрания происходили не только в этом доме. Кениссе участвовал и в тайном собрании, состоявшемся в другой таверне на улице Фобур-Сент-Антуан, напротив улицы Шарон⁴⁸. Фужерэ также подтверждает, что собрания происходили и в этой таверне, которая называлась «Золотой обруч» и содержалась «двумя дамами в трауре»⁴⁹. Огюст (Пти) признал, что участвовал в трех собраниях в таверне вдовы Пуальру под названием «Золотой обруч» напротив улицы Шарон⁵⁰. Но, несомненно, собрания тайных обществ происходили и в других местах, расположенных в Сент-Антуанском предместье, в Бельвиле и в других рабочих районах Парижа. Среди архивных документов мы находим, например, анонимное письмо одного виноторговца из Сент-Антуанского предместья от 30 октября 1841 г. В нем он сообщал, что у него регулярно собирается определенное количество рабочих, которые открыто заявляют, что являются коммунистами⁵¹.

А вот другое архивное дело. После обыска у Кузена, одного из арестованных в связи с покушением Дармеса (Кузен был тем, кто переписал текст устава Общества трудящихся-эгалитариев, найденный у последнего), руководствуясь полученными сведениями, комиссар полиции Ивер отправился разыскивать дом № 14 по улице Шарон в Бельвиле, принадлежащий некоему виноторговцу но имени Ипполит, где периодически собиралось тайное Общество трудящихся-эгалитариев. Выяснилось, что истинное имя этого человека было Жиль. В этой связи комиссар полиции допросил некую госпожу Франсуа, державшую таверну на той же улице в доме № 1, и та показала: «Ею винный погребок является лишь прикрытием республиканского общества, которое собирается у него каждое воскресенье и понедельник, особенно по понедельникам». А госпожа Люкен, у мужа которой Кузен работал счетоводом, заявила: «Он мне говорил, что посещал общество *честных трудящихся*, члены которого собирались по воскресеньям и понедельникам в Бельвиле»⁵².

Что происходило на собраниях членов тайных обществ? Прежде всего зачитывалась очередная «директива». «Когда все собирались, — показывал Фужерэ на следствии, — один из руководителей зачитывал директиву, полученную им от своего комитета»⁵³. Об этих очередных директивах упоминается и в уставе. То были распоряжения и инструкции комитета по всем текущим вопросам. В уставе говорится, например, что в них объявлялись перебежчиками те члены общества, которые без

уважительных причин его покидали. Но, разумеется, главная их суть заключалась в оценке текущих событий и рассмотрении возникавших в связи с этим вопросов. Кроме очередных директив, на собраниях читались статьи из коммунистических, демократических и других оппозиционных периодических изданий. Так, по показаниям Кениссе, у Коломбье читали вслух статьи из «Националя», «Журнал дю пёпель», «Попюлера». «Попюлер» читал вслух сосед Коломбье, слесарь Буле. Кениссе помнил лишь, что в услышанных им статьях говорилось о необходимости покончить с «бастилиями» и приводился пример генерала, который был отстранен, поскольку отказался подчиниться тираническому предписанию и отдать приказ стрелять в народ⁵⁴. На собраниях не только обсуждались текущие политические события, но и подписывались различные прокламации. Так, Коломбье давал подписывать прокламации, которые он отправлял затем в Тулузу и другие города⁵⁵.

Дюфур в своем покаянном письме сообщает, что, после того как он был принят в тайное общество в июле 1840 г., на первом же собрании, на котором ему довелось присутствовать, ему впервые пришлось выслушать очередную директиву. «Царило самое угрюмое молчание, пока ее читал руководитель этой адской когорты». Говоря затем о собраниях у Коломбье, Дюфур так описывает их. Там царил «разрушительный дух благодаря политическим разглагольствованиям некоторых журналов». «Начиналось обсуждение той или иной статьи; под воздействием водки и вина головы возбуждаются, потом поют Марсельезу... люди чувствую! себя наэлектризованными, они целуются, затем следуют различные предложения, которые принимаются»⁵⁶. Несмотря на карикатурный характер этого сообщения Дюфура, который стремился любым способом отмежеваться от своих прежних товарищей, оно также подтверждает, что на собраниях тайных обществ читались Директивы, обсуждались различные статьи, что вызывало в конечном счете общий энтузиазм, причем в этой приподнятой атмосфере принимались различные предложения. Выше мы уже указали, что организационные принципы обоих тайных обществ — эгалитариев и коммунистов были, очевидно, едины, и устав, составленный Жюлем Розье, применялся в обоих этих обществах, которые характеризовались во многих документах лишь как фракции одного и того же Общества трудящихся-эгалитариев. Что это было так, следует из приведенного документа о фракции коммунистов. Эта фракция имела, как и эгалитарии, свой руководящий комитет, от которого исходили все директивы и постановления, представлявшие на обсуждение членов этой организации. Показания Бореля лишь подкрепляют этот вывод. На допросе он признал, что с июня 1840 г. он состоял «в тайном обществе, называемом Обществом коммунистов». На заданный ему вопрос о том, кто же является главарями этого общества, он ответил, что хотя не знает в точности всех, но назвал имена Лионна и Дютерта, а затем Жюля Розье, Гере (большого Луи) и ряда других лиц. Сомнения невозможны. Борель был членом именно Общества коммунистов, в новый руководящий комитет которого входили наряду с

Велликюсом перечисленные им лица⁵⁷. Но он же заявил на допросе, что занимал в этом обществе должность руководителя «фабрики». Следовательно, и это общество имело те же подразделения — «профессии», «мастерские», «фабрики». Далее он сообщил следующее о приеме в члены общества: «Когда они заставляли давать клятву (это происходило в уединенном месте), не было других посторонних, кроме принимаемого, того, кто принимал, и того, кто предписывал принимать». На вопрос о формуле клятвы он заявил, что не может дать точного ответа, но знает лишь, что клялись не разглашать факт своей принадлежности к обществу, ни имени лица, их завербовавшего. Отрицая, что клялись в ненависти к королевской власти, Борель утверждал, что «давали только клятву бороться против эксплуататоров человеческого рода»⁵⁸. Итак, в Обществе коммунистов была та же организационная структура и аналогичный порядок приема новых членов, как и у эгалитариев.

Неудивительно, что в этих условиях предпринимались попытки сближения этих двух фракций революционного коммунистического движения. Об одной из них мы имеем точные сведения из материалов по делу Кениссе. Она была предпринята в августе 1841 г., поскольку в своих показаниях от 16 сентября Кениссе утверждал, что это произошло примерно месяц назад. Собрания представителей обеих фракций имели место в таверне Пуальру «Золотой обруч». Кениссе утверждал, что там были и представители реформистов, по сам Огюст (Пти), на которого он ссылается, определенно указывал, как мы уже знаем, что целью собраний (всего их состоялось три) была попытка добиться сближения Общества коммунистов и Общества трудящихся-эгалитариев. На первом собрании, на котором был Кениссе, присутствовали, по его словам, Коломбье, Шассер (Лонуа), Малле, Огюст (Пти), Жюст (Бразье). Мартен из Общества эгалитариев не явился, но зато был «другой Мартен — революционный агент коммунистов в предместье Сен-Марсо». После речи Огюста этот Мартен высказался за создание единого комитета. Однако после длительных дискуссий это было отвергнуто. Малле предложил выделить по три революционных агента от каждой фракции. Мартен высказал мнение, что достаточно и двух. Это предложение было принято. Жюст, Огюст, Шассер и Коломбье, представлявшие эгалитариев, по жребию избрали революционными агентами Шассера и Огюста. Другие, по словам Кениссе, также назначили своих революционных агентов. Было условлено, что революционные агенты должны собираться по заранее определенным дням для обмена информацией о проделанной работе⁵⁹.

Хотя, по-видимому, все попытки сближения эгалитариев и коммунистов и на этот раз не дали реальных результатов, вышеприведенные факты интересны в другом отношении. Из них мы узнаем, что тайные общества имели и революционных агентов по территориальному признаку, о чем упоминал в своей докладной записке и префект полиции Делессер. В уставе о них не говорится ни слова. Там имеется, правда, раздел «агенты комитета», но в качестве таковых рассматриваются лишь руководители «фабрик», «мастерских»,

«профессий», т.е. руководители подразделений общества. Очевидно, сама жизнь обуславливала необходимость назначения исходя из старой традиции революционных агентов в отдельных районах Парижа, каковым и был вышеназванный Мартен — революционный агент Общества коммунистов в рабочем предместье Сен-Марсо.

Если тайные общества эгалитариев и коммунистов придерживались общего для них устава, то этого нельзя сказать, конечно, об Обществе Бастилии. Возникшее в 1841 г., оно состояло всего из нескольких десятков лиц, носило военизированный характер и подразделялось не на «профессии», «мастерские», «фабрики», а на «когорты». Однако вот что примечательно. Жюст (Бразье), признавший, что он был членом этого общества, утверждал в своих показаниях, что оно не было связано с Обществом трудящихся-эгалитариев, хотя и стремилось сблизиться с ним. Но ведь нам хорошо известно, что сам Бразье был одним из видных деятелей эгалитариев и даже участвовал как представитель этого общества в совместном совещании с коммунистами. Таким образом, его заявление на следствии, что он не имел никакого отношения к этому обществу, является заведомой неправдой. Столь же странно показание Коломбье — другого видного члена Общества трудящихся-эгалитариев, в доме которого проводились многие их собрания. По его словам, он знал об Обществе Бастилии лишь понаслышке от некоего Лукаса. Между тем тот же Бразье в своих показаниях утверждает, что он вступил в Общество Бастилии с помощью Коломбье. «Это Коломбье,— читаем мы в конфиденциальной записке о секретных показаниях Бразье, — ввел его в это общество, когда он пошел на одно собрание, состоявшееся на улице Фобур-Сент-Антуан»⁶⁰. Таким образом, выходит, что Коломбье не только сам был членом Общества Бастилии, но и тем лицом, которое завербовало в это общество того же Бразье. Какой же вывод можно сделать из всего этого? Единственный логический вывод заключается в том, что в Общество Бастилии входили многие активные члены Общества трудящихся-эгалитариев. Другими словами, оно было не отдельным, самостоятельным тайным обществом, а своего рода оперативной, боевой организацией тех же трудящихся-эгалитариев, предназначенной, очевидно, для нанесения в надлежащий момент решительных ударов или, пользуясь словами доклада, представленного суду пэров, «для осуществления каких-то беспощадных действий».

III

Какова же была политическая программа Общества трудящихся-эгалитариев и его двух фракций? Имеющиеся в нашем распоряжении документы делают возможным дать на этот вопрос исчерпывающий ответ. Вместе с уставом ассоциации трудящихся-эгалитариев во время обыска у Дармеса был найден и документ, озаглавленный «К трудящимся-эгалитариям. Кредо нового руководства». Еще до этого в руки властей попал «формуляр» состоящий из двух частей — описания процедуры приема в общество и вопросника. Все эти документы были также опубликованы в докладе, представленном бароном Жиро суду пэров⁶¹.

Что «формуляр», как и устав Общества трудящихся-эгалитариев, был

составлен еще в первой половине 1840 г., видно из следующего интересного документа, сохранившегося в Военном архиве Франции. 2 июня 1840 г. префект полиции Делессер сообщил министру внутренних дел полученные им 31 мая агентурные сведения о некоем Опрео. «Названный Анри Опрео отправляется завтра в Лилль, чтобы вернуться в 28-й линейный полк. Опрео состоит в тайном обществе, называемом Обществом *трудящихся-коммунистов*. Он намерен вести пропаганду в своей войсковой части и завербовать новых членов в эту анархическую ассоциацию. Он везет с собой в этих целях копию формуляра этого общества, которую он сам лично сделал вчера». 3 июня министр внутренних дел передал эти сведения военному министру. 6 июня последний известил министра внутренних дел, что он дал распоряжение произвести обыск у Опрео по прибытии его в полк и установить над ним надзор⁶². Таким образом, «формуляр» не только уже существовал, но и распространялся в копиях еще весной 1840 г. Более того, очевидно, он был найден властями именно у этого Опрео во время обыска, произведенного у него по предписанию военного министра.

«Кредо» провозглашало следующую конечную цель общества. «Граждане, цель, к которой мы стремимся,— это *реальное равенство, осуществляемое путем общности имуществ*. Сильная, самоотверженная *народная диктатура* кажется нам необходимой, чтобы сформировать наши нравы устранить препятствия, наконец проложить пути, которые должны привести нас к реализации вышеуказанного принципа». Далее указывалось, что люди, которые проповедуют «доктрины равенства, чтобы осуществить его в подходящее время всеми средствами в пределах человеческих возможностей», являются моральными, скромными, храбрыми людьми, преданными народному делу, познавшими «возвышенность и истину принципов, которые должны служить основой будущего общества». Изучая прошлое, особенно историю революции, они должны выявлять события, благоприятные для дела народа, воздавать хвалу добродетельным людям и клеймить презренных людей тон эпохи. «Что касается настоящего, мы внушаем ненависть ко всему существующему, мы предписываем держаться в стороне от мнимых демократов, которые, не затрагивая основ общества, стремятся лишь к политической реформе. В то же время мы призываем проявить полное недоверие ко всем этим зазывалам из числа новообращенных, которые используют принципы общности, чтобы возвести пьедестал своей спеси и честолюбию, к этим современным Эберам и Гобелям, которые лишь опошляют и лишают популярности дело равенства. Вот кем мы являемся. Вот путь, по которому мы следуем уже давно. Опыт доказал мудрость нашей организации. Среди всех потрясений мы остались непоколебимыми и безвестными. Враждебная нам власть никогда не могла нас настичь. Успех увенчал наше постоянство, а доктрины общности, единственными и главными проповедниками которых мы являемся, сегодня распространились во всем мире».

В «формуляре» в разделе, посвященном процедуре приема в члены

общества, содержится следующее обращение к новому прозелиту: «Слушай с доверием и без боязни, ты находишься с республиканцами-коммунистами и вследствие этого начинаешь жить под знаменем эры равенства... Общность — это истинная Республика: общий труд, общее образование, общая собственность, общее пользование; это солнечный свет, символ равенства, это новая вера, за которую мы все поклялись умереть! Мы не признаем ни барьеров, ни границ, ни отчизны; все коммунисты являются нашими братьями, все аристократы — нашими врагами! Мы хотим после революции установить диктатуру, чтобы осуществить наши принципы и сломить все аристократии и в результате разрушить сверху донизу все что имеется порочного. Если ты боишься тюрем, пыток, смерти, если ты не чувствуешь себя достаточно храбрым, удались; чтобы вступить в наши ряды, нужно быть готовым ко всему этому: как только ты дашь клятву, твоя жизнь будет принадлежать нам, ты до конца твоих дней отвечаешь своей головой и головой того, кто тебя рекомендовал... Клянись посвятить свое достояние и свою жизнь установлению республики, основанной на общности».

Наконец, в вопроснике, где приведены образцовые ответы на 11 «теоретических вопросов», указывалось, что современное общество разъедается эгоизмом, что первейшая обязанность человека — любить своих ближних и быть им полезным, что поэтому первый его долг — работать и производить. На вопрос: «"Кем является тот, кто уклоняется от этого долга?" — ответ гласил: "Паразитом, мертвой ветвью общественного дерева, вредным, ядовитым растением, высасывающим соки из людей, одним словом — эксплуататором"». Если он противится общему счастью, необходимо, чтобы общество изгнало его из своей среды. Ответ на основной вопрос: «"Какова общественная организация, которую тебе хотелось бы видеть пришедшей на смену анархическому строю, нас угнетающему", был следующий: "Такая, при которой общественный порок был бы вырван с корнем, при которой каждый работал бы сообразно своим силам и способностям для всех и все для каждого; лишь тогда будет царить совершенное равенство, когда будет осуществляться самое равное распределение бремени и социальных благ и когда каждый, участвуя в труде и в общем производстве, будет также участвовать во всеобщем удовлетворении моральных, физических и интеллектуальных потребностей"».

Все вышеприведенные документы не оставляют ни малейшего сомнения относительно коммунистического характера политической программы Общества трудящихся-эгалитариев. Программа эта была единой для двух его подразделений — эгалитариев и коммунистов. Подсудимые, члены этих двух тайных обществ, по вполне понятным причинам не рассказывали на следствии о коммунистических принципах, которые им внушали при их приеме, или ограничивались, подобно Борелю, лишь общим заявлением, что они давали клятву бороться «против всех эксплуататоров человеческого рода». Но что прием проводился по схеме приведенного выше образцового «формуляра», это вряд ли может вызвать сомнение, хотя бы потому, что как Кениссе, так и

другие свидетельствовали, что они давали клятву ничего не разглашать, пожертвовать всем, даже своей семьей и достоянием, не бояться ни тюрем, ни смерти и посвятить себя целиком тайному обществу. В показаниях Кениссе и Бушерона интересна, однако, следующая деталь. По словам Кениссе, Огюст (Пти), вербуя его и нескольких других рабочих в члены общества, рассказывал им, что трудящиеся-эгалитарии хотят после низвержения трона учредить в каждом департаменте национальные мастерские, где рабочие всегда найдут работу за хорошую плату и будут работать всего по восемь часов в день, что они намерены открыть школы, где будут обучать детей рабочих, и другие аналогичные учреждения. По свидетельству же Бушерона, им внушали мысль, что при современном общественном строе истинным властелином является не король Луп-Филипп, а «буржуазия», что если рабочие несчастны, то при новом порядке они не должны будут работать после сорокалетнего возраста. Из этих показаний вытекает, что при вербовке в общество новых членов им не говорили сразу о коммунистических принципах, а излагали своего рода программу немедленных мероприятий, сводившихся к созданию национальных мастерских, установлению восьмичасового рабочего дня, обеспечению всех работой, введению всеобщего обучения и т.п. Лишь став членами Общества эгалитариев, они узнавали об его истинной конечной цели. Поэтому в «формуляре» указывалось, что с вышеизложенным «кредо» общества они должны были быть ознакомлены лишь по окончании процедуры приема в общество.

В этом «кредо» не только излагались основные коммунистические принципы, но и четко проводился водораздел между «единственными и главными проповедниками» доктрины общности и «мнимыми демократами», стремившимися лишь к политической реформе, не затрагивающей основ общества, а также новообращенными «зазывалами», которые хотели использовать принципы общности, «чтобы возвести на пьедестал свою спесь и честолюбие». Нет сомнения, что под этими новообращенными зазывалами имелся в виду Кабе. Таким образом, проводилась четкая грань между коммунистами-революционерами, с одной стороны, и республиканцами-демократами и представителями мирного икарыйского коммунизма — с другой.

Для более подробного ознакомления с политической программой тайных коммунистических обществ большое значение имеет и обширный печатный документ, также попавший в руки властей. Он будто бы был найден 24 февраля 1841 г. во время обыска на квартире де ла Одда. Мы говорим «будто бы», так как полицейский агент и провокатор де ла Одд, вероятнее всего, сам передал его в распоряжение властей. Кстати сказать, в Национальном архиве, в десятках единиц хранения, посвященных процессам Дармеса и Кениссе, не имеется никаких материалов, «конфискованных» у де ла Одда. Но четыре дня спустя, 28 февраля 1841 г., второй экземпляр этого документа был действительно найден в Бельвиле комиссаром полиции Жилем во время обыска на квартире Пенена.

Эта брошюра озаглавлена «Доклад о мерах, которые необходимо

принять, и о средствах, которые необходимо применить, чтобы направить Францию по революционному пути после осуществления там победоносного восстания. Прочитан во французском демократическом обществе в Лондоне, на заседании от 18 ноября 1839 г. Различные выводы по этому докладу были приняты после дискуссии французским демократическим обществом 14 сентября 1840 г.»⁶³

Французское демократическое общество в Лондоне действительно существовало. Оно образовалось в основном за счет эмигрантов, бежавших в Англию после апрельского восстания 1834 г. и майского восстания 1839 г., т.е. восстаний, организованных обществами прав человека и времен года. Был ли упомянутый выше доклад представлен этому обществу еще в 1839 г., не столь важно. Важно то, что эта брошюра в том виде, как она дошла до нас, была опубликована не ранее конца сентября 1840 г., так как в ней упоминается дата 14 сентября 1840 г., когда, как сказано, после дискуссии были приняты основные выводы этого доклада. Кем были приняты эти выводы? Судя по заглавию, тем же французским демократическим обществом. Но это звучит не убедительно, так как вряд ли этому обществу потребовался целый год, чтобы одобрить представленный ему доклад. Гораздо правдоподобнее, что основные положения этого доклада были одобрены, как в том были убеждены французские власти, руководителями тайных обществ. Именно тогда доклад этот был опубликован, причем опять-таки неизвестно где — действительно ли в Англии или в самой Франции с ложной ссылкой на типографию в Лондоне. Во всяком случае, фактом является то, что эта брошюра распространялась среди членов тайных обществ в конце 1840 — начале 1841 г. и в феврале этого года попала в руки властей.

В этом докладе основной целью грядущей революции провозглашалось установление нового общественного строя, основанного на общности. «Мы предупреждаем вас, граждане, — говорилось в нем, — что все наши идеи и мнения в отношении всего того, о чем мы будем говорить, исходят из системы *общности*, что средства, которые мы вам предлагаем как наилучшие для применения непосредственно после восстания, рассматриваются нами лишь как наискорейший способ достичь установления общности — цели, к которой мы стремимся, будучи убежденными, что в настоящее время это высший предел прогресса...» Далее дается подробный ответ на следующие 18 вопросов: 1. Нужно ли создать временное правительство? 2. Если его создадут, из скольких членов оно должно будет состоять? 3. Каким людям следует доверить управление делами? 4. Каков будет способ избрания членов временного правительства? 5. Каков должен быть характер правительственного руководства? 6. Сколь долго будет существовать временное правительство? 7. Каковы лучшие средства, чтобы правильно направить общественное мнение? 8. Нужно ли иметь армию, называемую революционной? 9. Только ли одни руководители нации могут назначать на общественные должности? 10. Каковы должны быть первые акты правительства? 11. Нужно ли предоставить правительству право действовать по своему усмотрению в интересах общественного блага или

необходимо иметь наряду с ним власть, уполномоченную контролировать его действия? 12. Что нужно сделать для армии? 13. Какова должна быть позиция республики в отношении иностранных правительств? 14. Награды гражданам должны быть материальными или моральными? 15. Какова должна быть организация труда трудящихся? 16. Надо ли немедленно заняться осуществлением новой системы общественного образования? Какова должна быть эта система? 17. В каких пределах следует понимать свободу печати? 18. Какие использовать средства, чтобы добыть деньги, необходимые для всех общественных расходов?

Суть ответов на все эти вопросы сводилась к следующему. После революции нужно создать временное правительство, которое должно функционировать в течение всей «переходной эпохи». Если бы можно было найти человека, который пользовался бы доверием народных масс и обладал бы необходимыми физическими, интеллектуальными и моральными силами, чтобы осуществить руководство, то это было бы, возможно, лучшим решением вопроса. Но такого человека найти трудно. С другой стороны, разделить власть между большим числом лиц было бы опасно: это могло бы привести к внутренним разногласиям, к созданию группировок и парализовать деятельность правительства. Поэтому наилучшим при существующих условиях является вручение всей власти триумvirату. Он должен состоять из людей, доказавших до этого своими речами и поступками, что они разделяют самые передовые общественные идеи и полны решимости использовать все средства, чтобы добиться со временем их победы.

Так как большинство народа может быть введено в заблуждение, если им непосредственно после революции будет предоставлено право избрать лиц, коим надлежит вручить власть, то организаторы восстания должны сами назначить это временное правительство из трех лиц, способных руководить страной в духе принципов, провозглашенных революцией. Это правительство не должно контролироваться никаким другим органом и должно сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Лишь оно будет производить назначения на все общественные должности. Эти должности не могут быть выборными, так как это представляло бы большую опасность, поскольку непосредственно после революции лишь незначительное меньшинство будет до поры до времени обладать социальным знанием. Это наделенное диктаторскими полномочиями временное правительство должно находиться у власти столько времени, сколько будет необходимо, чтобы народные массы восприняли передовые социальные идеи и были бы готовы их осуществить. Лишь тогда, после этого переходного периода, временное правительство должно подготовить выборы депутатов, а также разработать заранее будущую конституцию. Лишь тогда временное правительство сложит свои полномочия и передаст власть Конвенту, перед которым отчитается в своей деятельности.

Каковы же должны быть первые акты временного правительства? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно ясно представить себе обстановку, которая возникнет во Франции сразу же после революции. Народ

останется без работы и хлеба. Экономика страны если и не будет полностью разрушена, то, во всяком случае, будет находиться в застое. Многие знатные, богатые, как и высшие государственные чиновники найдут спасение в бегстве, но наиболее фанатичные останутся, несомненно, во Франции, дабы осуществить контрреволюцию; честолюбивые интриганы будут пытаться захватить власть и использовать в своих целях результаты восстания; иностранные правительства станут готовиться к войне против Франции. Поэтому временному правительству следует немедленно обратиться к народу с прокламацией, в которой должно быть указано, что его целью является полное осуществление принципов равенства, братства и свободы. Оно должно издать декрет, упраздняющий монархию и провозглашающий республику. Оно должно объявить, что каждый человек имеет право на существование, и принять меры для осуществления этого и в этих целях запретить временно экспорт хлеба, организовать в каждой коммуне или в каждом кантоне под надзором государственных агентов магазины, куда надлежит сдавать все зерно и другие злаки, которые могут поступать в продажу лишь с разрешения этих агентов, ввести строгие наказания за скупку, уничтожение или экспорт зерна. Необходимо также упразднить декретом налоги на продовольственные товары и установить на них максимум, т.е. твердые цены. Предусмотреть самые строгие наказания для лиц, стремящихся эмигрировать или пытающихся каким бы то ни было способом восстановить старый строй. Произвести новые назначения во всех министерствах. Переменить или отозвать послов. Объявить отечество в опасности. Реорганизовать армию и национальную гвардию. Обновить, если не полностью, то хотя бы частично, командный состав армии и развернуть в армии активную пропаганду, дабы "она поняла, что она часть нации и имеет те же интересы; отменить все знаки отличия, изменить систему наказаний, причем все проступки должны рассматриваться особыми комиссиями, состоящими наполовину из офицеров, наполовину из солдат. Нет необходимости создавать особую революционную армию. Ее вполне может заменить вооруженный народ, входящий в состав реорганизованной национальной гвардии, в которую должны допускаться лишь те, кто предан своему гражданскому долгу и никогда не противился делу демократии.

С самых же первых дней пропаганда должна быть развернута не только в армии. Правильное руководство общественным мнением, перевоспитание народных масс в духе новых идей являются одной из первоочередных задач временного правительства. Основными очагами пропаганды должны стать клубы, находящиеся под руководством лиц, назначенных правительством, полностью понимающих и всецело поддерживающих его цели. В каждой коммуне отводится специальное помещение для собраний граждан, входящих в данный клуб. Если коммуна имеет большое число жителей, то она разделяется на секции, собирающиеся в отдельных помещениях. В клубы допускаются лишь лица, имеющие справку о лояльности, выданную муниципальными властями. В клубах граждане получают политическое и социальное

воспитание. В состав каждого клуба входит социальный агент, представляющий правительство. Он доводит до сведения граждан инструкции и мнения правительства, разъясняет его действия. В клубах завязывается дискуссия по сообщениям, представляющим общий интерес, причем все речи и выступления стенографируются. Никакие другие политические ассоциации, кроме клубов, не могут существовать без особого на то разрешения правительства. Мощным орудием пропаганды новых идей являются также газеты, соответствующим образом редактируемые. Свобода прессы отнюдь не должна быть безграничной. Авторы статей, брошюр, книг или памфлетов, пропагандирующие идеи, побуждающие вернуться к старому порядку вещей, должны подвергаться наказанию как контрреволюционеры. Для революционной пропаганды, пропаганды новых социальных принципов должны также использоваться театры и народные празднества.

Немедленно после революции необходимо ввести новую систему всеобщего образования. Эта система должна быть единой и одинаковой для всех. Дети до пятилетнего возраста воспитываются своими родителями, но с пяти лет их помещают в общественные школы, где они не только приобретают необходимые знания и навыки к работе, но и получают моральное воспитание. Им внушают, что все они являются равными и должны всецело посвятить себя обществу и быть преданными общественному долгу.

С первых же дней временное правительство вынуждено будет уделять особое внимание вопросам внешней политики. Отношение к революции во Франции иностранных правительств и народов будет совершенно различным. Правительства усмотрят в ней смертельную для себя опасность и приложат все усилия, чтобы ее уничтожить или хотя бы нейтрализовать ее воздействие. Народы же усмотрят во французской революции мощный стимул для их собственного освобождения. Революционная Франция не может оставаться нейтральной в отношении социального развития, которое будет происходить среди различных народов, ее окружающих, она должна, наоборот всеми своими силами и имеющимися в ее распоряжении средствами ускорить это развитие. Республика должна будет поэтому немедленно объявить войну королям, выслать их послов из своей столицы, обратиться ко всем народам с манифестом, заявляющим, что она готова на все жертвы, чтобы добиться их освобождения, и призывающим их к восстанию; она должна также оказывать поддержку всем иностранным республиканцам, проживающим на ее территории, которые захотят разжечь пламя восстания в своих странах.

Все вышеизложенные мероприятия, которые временное правительство должно осуществить немедленно после победы революции, преследуют цель добиться в конечном итоге коренного социального преобразования. Основная задача — ликвидировать эксплуатацию народа отдельными людьми в своих интересах и заменить ее эксплуатацией самим народом в свою пользу всего производства.

Каковы же должны быть пути для достижения этого? В докладе

указывается, что делались предложения, чтобы правительство предоставляло отдельным профессиональным корпорациям необходимые средства и орудия труда, которые сами организовали бы производство по своему усмотрению. Конечно, в первое время после революции правительство может допустить существование коллективных индустриальных ассоциаций при непременном условии, чтобы все члены ассоциации в равной мере пользовались ее доходами. Но это не основной путь общественного переустройства. Наличие таких отдельных ассоциаций противоречит принципу единства и равенства, создает власть внутри единой власти, может привести к материальному неравенству между отдельными ассоциациями и к антагонизму между ними. Правильный путь следующий. Само правительство должно стать в интересах нации высшим руководителем всего производства. Для промышленного производства трудящиеся сосредоточиваются в отдельных зданиях, которые можно, если так пожелают, называть национальными мастерскими, где они будут работать по восьми часов в день, получая одинаковое вознаграждение, там же они будут жить и питаться вместе со своими семьями, а также обучаться. Это обеспечит трудящимся сокращение рабочего времени, разумный труд, здоровое питание, хорошее жилище, обучение и образование, одним словом, физическое, интеллектуальное и моральное благополучие. Что касается рабочих-земледельцев, то правительство должно начать с привлечения их к обработке национальных земель, территория которых будет все более расширяться по мере того, как правительство будет приобретать путем покупки или иными способами другие земельные наделы. В сельских местностях также должны быть «общие дома», включая фермы, где будут храниться орудия труда и сельскохозяйственная продукция.

Чтобы обеспечить необходимые средства для осуществления как тех мероприятий, которые должны быть проведены в жизнь сразу же после революции, так и для дальнейших общественных преобразований, доклад предусматривает целый ряд мер, в том числе реквизицию имущества, принадлежащего семействам тех лиц, которые принимали участие в правительственной деятельности после 1793 г., упразднение права наследования по боковой линии, присвоение государством значительной части имущества, переходящих по наследству по прямой линии. Кроме того, большие средства поступят в распоряжение нации путем резкого сокращения громадных окладов чиновников, немедленного упразднения всех пенсий, а также окладов, выплачиваемых духовенству.

Рассмотренный доклад представляет собой документ большой исторической ценности. Вряд ли необходимо подробно доказывать, что он составлен в основном под влиянием концепций бабувизма. Для осуществления конечной цели предстоящей революции – социального переустройства общества на основе принципов общности – необходима революционная диктатура, которая должна не только разгромить врагов равенства, подавить сопротивление представителей прежних господствующих классов и старого государственного аппарата, не только провести в жизнь ряд немедленных мероприятий как экономического, так

и политического характера, но и создать необходимые предпосылки для нового общественного строя. В докладе, правда, ничего не говорится об организации «национальной коммуны», но он исходит из бабувистской концепции единого общественного хозяйства как в области промышленности, так и сельского хозяйства. В этой связи в нем критикуются имевшие хождение во Франции под влиянием фурьеристской и оуэнистской пропаганды предложения о создании отдельных самоуправляющихся «индустриальных ассоциаций», хотя такие ассоциации и считаются допустимыми на первой стадии общественного преобразования. Влияние бабувизма и книги Буонарроти заметно даже в таких деталях, как наименование будущего законодательного органа, который должен прийти на смену временному революционному правительству, Конвентом. Но самый факт упоминания об «индустриальных ассоциациях» и воспроизведение сенсимонского тезиса о замене эксплуатации человека человеком совместной эксплуатацией на благо всего общества природных ресурсов показывают, что авторы доклада были знакомы не только с бабувизмом, но и с другими социальными учениями, распространенными в то время во Франции. Необходимо также отметить, что доклад отнюдь не является пересказом книги Буонарроти и приведенных в ней документов. Он излагает программу мероприятий революционного правительства, связанную не с условиями конца XVIII в., а с современной действительностью. Именно этим и объясняется предложение об организации национальных мастерских как основных центров промышленного производства. Особенно следует отметить весьма реалистическую картину положения, которое создастся во Франции после революции: экономические трудности, безработица, саботаж со стороны бывших господствующих классов, высших чиновников, генералов, опасность иностранной интервенции. Доклад как бы обобщает опыт предыдущих тайных обществ и их крайне левых, коммунистических течений, четко определяя задачи предстоящей революции не только как революции республиканской, но и как революции социальной, ведущей к торжеству принципов коммунизма. Следует, конечно, иметь в виду, что этот доклад не был официальным документом тайных обществ, подобно их уставу, «кредо» и «формуляру». Но самый факт его распространения среди членов тайных обществ свидетельствует, что он вполне гармонировал с их основными политическими установками. Он конкретизировал общие положения их кредо о необходимости народной диктатуры, чтобы устранить все препятствия и продолжить путь, который должен привести к реальному равенству, основанному на общности имущества.

IV

У лиц, подозреваемых в коммунистической деятельности и в принадлежности к тайным обществам, было найдено при обысках на квартирах большое количество различного рода печатных изданий, характеризующихся в полицейских протоколах как «коммунистическая литература». Это, конечно, не совсем так. Среди них имеются и республиканско-демократические брошюры, не носившие

коммунистического характера. Такова была, например, брошюра Торе «Правда о демократической партии», имевшая большой успех в революционных кругах. Подавляющее же большинство печатных изданий, найденных у арестованных, действительно пропагандировало идеи коммунизма. Среди них были коммунистические журналы, издававшиеся в 1840–1841 гг., в том числе «Эгалитер» Дезами, различные брошюры и иные публикации, о которых нам еще придется подробно говорить. Но были и издания 30-х годов, например номера журнала «Интеллижанс» и «Трибуна народа» Пийо. Все эти издания не случайно были найдены у членов тайных обществ, возникших в 1840 г. Они, безусловно, содействовали формированию их мировоззрения.

Мы хотим здесь специально остановиться на двух печатных документах конца 30-х годов, конфискованных во время обысков. Прежде всего речь идет о статье «Об общности», опубликованной в 1838 г. в четвертом номере подпольного органа «Ом либр»⁶⁴. Республиканцы, говорилось в этой статье, убедились, что богатый навязывает свои законы бедному и жиреет за его счет, что народ презирают и попирают ногами подлые люди, неоднократно заслужившие виселицу; республиканцы были свидетелями и других многочисленных злодеяний. В результате они пришли к следующему заключению: «Мы выполним свой долг, лишь разрушив до основания социальное здание, с тем чтобы затем возвести его на новом фундаменте. Война не на жизнь, а на смерть между вами, пребывающими в наглom бездельи, и нами, которые столь долго страдали, не имея даже права жаловаться. Приближается время, когда народ потребует с оружием в руках, чтобы его достояние было ему возвращено, так как большая часть того, чем владеет богатый, является лишь результатом грабежа; не имеет никакого значения, что этот грабеж насчитывает много столетий; время никогда не легализует несправедливость». «Мы не требуем равного раздела ... что является неосуществимым, но мы требуем, чтобы земля принадлежала всем, чтобы каждый человек имел право жить работая, мы требуем, наконец, общность такую или приблизительно такую, как ее понимал Бабеф, и, подобно ему, мы не перестанем пропагандировать наши принципы, если даже мы, не достигнув успеха, падем жертвами гнусной королевской власти». Бедняков не менее 24 миллионов. Чтобы победить, им нужно лишь понять свои права и обязанности. Необходимо разъяснить солдатам, что негодяи, использующие их штыки, подвергают всем терзаниям нищеты их отцов, матерей и их семьи. «Мы должны им сказать, что, не обладая ничем, им нечего защищать ... Мы должны им сказать: сознайте свое человеческое достоинство, присоединяйтесь к нам, так как мы являемся братьями, сокрушите несправедливость, так как вы тоже являетесь ее жертвами, и если когда-либо вам придется направить ваше оружие против людей, то пусть это будет для того, чтобы, пролив кровь тиранов и их лакеев, смыть позор человечества».

Если о журнале «Ом либр» и об этой статье имелись сведения, приведенные в докладе Мерилу, представленном суду пэров в связи с событиями 12–13 мая 1839 г., то совершенно неизвестен другой

печатный орган, экземпляр которого также сохранился в Национальном архиве среди конфискованных материалов. Это проспект журнала «Эгалитер», но не «Эгалитера», издававшегося в 1840 г. Дезами, а другого «Эгалитера» — журнала недовольных, основанного гражданами К.Сориаком и А.Ж.Бомоном, политическими заключенными⁶⁵. Ксавье Сориак, бывший профессор университета, был в 1836 г. приговорен судом пэров к пятилетнему заключению. Врач Артур Бомон, активный республиканец, участвовал в восстании 1834 г. Арестованный, но через несколько недель отпущенный, он был вновь арестован в 1835 г. по обвинению в организации тайного общества и в январе 1836 г. приговорен к ссылке⁶⁶. О совместной попытке Сориака и Бомона наладить издание коммунистического журнала до сих пор ничего не было известно. Попытка эта была предпринята ими в апреле 1839 г., когда они находились в заключении в Париже в тюрьме в Сен Пелажи, так как в конце проспекта имеется пометка: «Из тюрьмы Пелажи, в Париже, 13 и 14 апреля 1839 г.»

Французское общество, констатирует проспект, делится на две большие категории. К первой принадлежат все те, которые по праву наследования, в результате «промышленной монополии» или вследствие своих правительственных функций имеют все в избытке. Эти привилегированные, всецело подвластные эгоизму, являются заклятыми врагами поступательного движения человечества. Слово «революция» действует им на нервы. Им нет никакого дела до счастья других. Думая лишь о сохранении своего собственного благополучия, они согласны подчиняться каждому, кто только готов оберегать их и их имущество. Их девиз — стабильность, статус-кво. Их мало заботит национальная честь, их не трогают вопли изголодавшихся людей. «Самая прекрасная революция, т.е. такая, которая сделала бы счастливым каждого члена общества, в их глазах отвратительное бедствие, так как они ненавидят Равенство, которое может быть установлено лишь в ущерб их привилегиям». Эта категория людей включает крупных собственников, финансистов, высших должностных лиц как гражданских, так и военных, буржуа или мелких собственников, одним словом, эксплуататоров всех рангов, которых можно назвать одним общим именем — «Довольные». Ко второй категории относятся все те люди, которые, не обладая ничем по наследству, имеют возможность обеспечить свое существование «лишь путем продажи своей рабочей силы или своих умственных способностей». К ней принадлежат все без исключения рабочие, земледельцы, солдаты и слуги, а также большинство представителей умственного труда, большинство преподавателей, литераторов, артистов, врачей. Все эти парии, которых именуют то пролетариями, то патриотами, то республиканцами, могут быть названы одним общим именем — «Недовольные». Их интересы диаметрально противоположны интересам «Довольных». Лишь движение, ниспровергающее существующее, может изменить и участь. Поэтому они являются сторонниками революционного переворота.

Итак, современное общество, в котором одна категория людей,

счастливая и могущественная, живет за счет другой, работающей в поте лица, несчастной и бесправной, основано на чудовищном зле. Давно уже проявляется решимость его уничтожить. Необходимо лишь найти и применить соответствующее средство. «Революция явится, безусловно, этим действенным средством, но революция совершенно нового типа, революция, которая ничем не будет похожа на революции, которые уже имели место и которые больше заслуживают названия государственных переворотов, чем того пышного названия, которое они носят». Менялись династии, правительства, но все оставалось по-прежнему. «До настоящего времени все революции постоянно останавливались как раз в тот момент, когда интересы "Довольных" оказывались в достаточной мере гарантированными». Никогда не возникал вопрос об интересах других, жертвовавших своею жизнью. Поэтому "Недовольные" должны теперь хорошо уяснить, прежде чем ринуться в бой, за что им стоит проливать свою кровь. «Вот, что "Недовольные" должны уяснить себе прежде, чем жертвовать своей головой: каковы будут последствия революции, которую они замышляют, т.е. каковы средства, необходимые, чтобы обратить ее в свою пользу так, чтобы не быть больше вынужденными вернуться к исходному пункту, как это было в прошлом; вот что действительно необходимо им понять. Они должны прежде всего уяснить, как надобно заменить невежество и фанатизм просвещением и истиной, нужду и низость — достатком, основанном на трудолюбии ... индивидуализм и политическое безразличие — братскими узами и искренней преданностью стране, деспотизм и монополию — великодушием и равенством, одним словом, преступления — благодеяниями, пороки — добродетелью, т.е. плохие законы — хорошими, иначе говоря, прокаженную общественную структуру — новой справедливой, моральной и гуманной общественной организацией История убедила их, что государственные перевороты абсолютно ничего им не дали, что правительства, какими бы они ни были, всегда будут их врагами, пока они будут опираться на меньшинство. Следовательно, и восстание не должно иметь своей целью лишь перемену власти. Имена и люди мало значат. Вопрос их участи останется нерешенным, если они не осуществят социальную революцию, реформу основных общественных институтов».

Особый интерес представляют рукописи, конфискованные у членов тайных обществ. В материалах следствия по делу Дармеса некоторые из этих рукописей были вложены в особую папку, озаглавленную «Коммунистические общества». К ним были приложены также и некоторые документы, попавшие в руки властей еще до этого, что было сделано, однако, вполне логично, так как они тоже проливали свет на коммунистическую идеологию, распространенную в то время во Франции среди участников различных подпольных организаций.

В этой связи необходимо сделать следующие два замечания. Прежде всего следует, очевидно, предположить, что не все конфискованные документы сохранились в архивных фондах. Так, например, Жиро в своем докладе суду пэров утверждал, что у Бельгиза, кроме различных коммунистических памфлетов, была найдена «рукопись, написанная его

рукой и содержащая размышления о коммунистической системе»⁶⁷. Этой рукописи нам найти не удалось. С другой стороны, среди различных рукописных материалов имеются и переписанные от руки тексты опубликованных произведений. Так, были найдены рукописные экземпляры проекта экономического декрета, относящегося к эпохе «заговора равных» и опубликованного Буонарроти в своей книге. Это обстоятельство, кстати сказать, еще раз свидетельствует о непосредственном влиянии бабуизма на формирование коммунистической идеологии тайных обществ начала 40-х годов.

Приведем некоторые из имеющихся в нашем распоряжении рукописных документов, характеризующих коммунистическое мировоззрение и политические настроения, широко распространенные среди членов тайных обществ еще со второй половины 30-х годов.

Начнем с краткой записки на обложке журнала «Анналы естественных наук»⁶⁸. Запись эта гласит: «Чтобы осуществить реорганизацию общества, необходимо сделать в общественной сфере то, что делают в материальной, т.е. сперва использовать убеждение, а затем силу; когда дом разваливается, нужно воспользоваться заступом, дабы разрушить его до основания с тем, чтобы построить заново на лучшем фундаменте. Было бы безумием ждать, пока время не развалит его полностью — этого пришлось бы ждать века; точно так же в области политической организации: необходимо сокрушить тех, кто стремится поддержать порядок вещей, вредный для общества; легко будет убедить людей добросовестных, но убедить интриганов, тиранов, которые сейчас нами управляют, нет, это невозможно; они слишком заинтересованы держать нас под своим игмом, заставлять нас, образно говоря, целовать им ноги».

Другой документ является своего рода обращением, озаглавленным: «К тем, кто обвиняет нас или только сетует, что мы хотим невозможного»⁶⁹. В нем провозглашается, что общественный прогресс ведет к замене антагонизма общностью. «Под общностью мы понимаем полную ассоциацию между людьми — участие всех во всем: во власти или управлении республикой ... в труде, так как труд, являясь социальной функцией, должен быть обязателен для каждого сообразно его способностям; в благосостоянии, так как общество... должно одинаково заботиться об удовлетворении физических, интеллектуальных и моральных потребностей всех». Несмотря на все препятствия, провозглашают авторы обращения, они борются и будут бороться за торжество этих принципов. «Нас поддерживает чувство долга, каков бы ни был результат наших усилий». Приближаются времена, когда равенство и Братство не будут больше пустыми и бессодержательными словами. Естественно, что эгоисты, пользующиеся всеми благами, не хотят этого. Но есть и честные люди, «наши товарищи по опасности и невзгодам», которые хотя и видят теперешние бедствия, но не понимают их истинных причин и не знают действенного средства, чтобы с ними покончить. Они готовы принять участие в революционной борьбе и пожертвовать своей жизнью ради народа, ради свободы и равенства, но отвергают единственное средство, чтобы на деле обеспечить торжество

свободы, равенства и народного суверенитета. Они считают проекты общности недопустимыми, так как те предусматривают упразднение частной собственности. Они заявляют, что собственность является результатом труда. Но откуда они взяли, что собственность – результат собственного труда? «Если каждый должен работать, чтобы жить, то как они могут объяснить, что столько капиталистов, промышленных предпринимателей живут за счет чужого труда? Собственность является в их руках не чем иным, как средством нашей эксплуатации. Вы принадлежите им в качестве рабов, если хотите – в качестве рабочих, по какое это имеет значение? Ведь эти люди являются хозяевами пашей жизни и смерти. Разве имеет какое-нибудь значение, являются ли они собственниками вашей личности или только тех вещей, от которых зависит ваше существование? ... Одиозное разделение людей на сеньеров и крепостных, на собственников и трудящихся – вот единственно возможная общественная организация, если вы сохраните частную собственность... От всех этих бед, которые проистекают от одной причины, мы имеем лишь одно средство исцеления: равенство, – но *реальное равенство*. Поэтому, граждане, не давайте больше обманывать себя ложным равенством, называемым политическим, которое держит вас под игом привилегированных; в настоящее время революция должна затронуть самые основы общественного строя». Это обращение, столь резко противопоставляющее «рабочих» эксплуатирующим их «капиталистам» и «промышленным предпринимателям» и явно адресованное революционерам-демократам, приверженцам чисто политической, а не социальной революции, заканчивается следующими словами: «Если, склоняясь к нашим убеждениям, вы еще не готовы распространять их с тем же усердием, как мы, то хотя бы, наши сограждане, наши братья, не говорите больше: это хорошо, но невозможно, так как никто не имеет права отчаиваться в будущем извращении человечества».

Рукопись, озаглавленная «Об общности продуктов производства»⁷⁰, начинается с заявления, что лишь общность способна осуществить равенство. «Общность не существует, если каждый член общества стремится обеспечить себе индивидуальное существование, независимо от общей деятельности, другими словами, если трудящийся считает своим правом исключительное пользование продуктом своего труда». «С какой бы точки зрения ни рассматривать производство, всегда в конечном итоге нельзя не прийти к следующему выводу. Земля является первичным сырьевым ресурсом, который используют обитающие на ней люди; она является источником всех богатств, всех благ; ее продукты перерабатываются промышленностью, видоизменяются согласно потребностям общества... и таким образом создается материальный фонд, который непрестанно должен воспроизводиться, по мере того как он потребляется. ... Исходя из этого, нужно признать, что социальный капитал состоит по своему происхождению из двух различных частей, с одной стороны, сырья, с другой – индустрии, которая его обрабатывает. Но если правильно утверждение, что сырье, земля не могут являться

собственностью отдельных лиц, то следует считать не менее доказанным, что индустрия, или сумма сил и познаний, необходимых, чтобы трансформировать сырье в новые потребительские ценности, также принадлежит всем. Таким образом, поскольку общество использует свой труд, чтобы земля давала плоды и чтобы с пользой видоизменять ее продукты, то только оно имеет право на новые богатства, им создаваемые. Это право было бы нарушено, если каждый член общества требовал бы ту или иную часть общественного достояния в качестве собственности, которой он мог бы располагать по своему усмотрению». Продукты, созданные трудом людей, принадлежат обществу, которое предоставляет в их распоряжение орудия производства. «Это правило не допускает никаких исключений, и интеллектуальные работы ему также полностью подчинены. Сумма идей тоже является общественным капиталом». Исходя из этих принципов, нельзя согласиться с какой бы то ни было формой заработной платы. Если установить систему заработной платы пропорционально сумме и полезности труда, то это неизбежно приведет к восстановлению неравенства, к созданию нового класса привилегированных. В то же время установление равной заработной платы также было бы неправомерным: «Это дало бы одним избыточное удовлетворение их желаний, а другим принесло бы лишения и страдания, так как потребности неодинаковы у всех людей». «Общность, наоборот, обеспечивает каждому удовлетворение его физических и интеллектуальных потребностей. Именно в этом смысле она и осуществляет равенство; благодаря ей общество обеспечивает существование своих членов, ставит их в наиболее благоприятные условия».

Рассмотренный выше документ интересен во многих отношениях. Он резко выступает против столь распространенных в то время во Франции мелкобуржуазных теорий о праве каждого на продукт своего труда, на собственность, основанную на личном труде. В то же время осуждаются и социалистические теории о вознаграждении каждого по его труду. Но автор этого документа, пытающийся, к стати сказать, дать коммунизму какое-то экономическое обоснование, выступает и против грубой уравнительности, против равной заработной платы, подчеркивая различие в потребностях отдельных людей.

Следующая дошедшая до нас рукопись, хотя и значительно более объемистая, чем две предыдущие, представляет, однако, меньший интерес. Она озаглавлена «Париж в 2000 г. Первая сцена. Курс истории в Соборе Парижской богородицы»⁷¹ и является изложением урока некоего преподавателя, повествующего о прошлых докоммунистических временах, и реплик его слушателей, выражающих изумление по поводу совершенно непонятных для них общественных порядков, царивших в XIX в. во Франции. Прием этот не является новым. К нему прибегали еще в конце XVIII столетия многие коммунистические, да и не только коммунистические, писатели (вспомним хотя бы Ретифа де ла Бретона и Мерсье). Рассказывая о том, как на смену эпохи «аристократии дворянства» пришла эпоха «аристократии денег», преподаватель подробно

описывает царившие в то время порядки. «Не было ни установленного рабочего времени, ни равного распределения жизненных благ. Более сильные и более Хитрые не работали, но присваивали себе плоды чужого труда, так что те, кто работал, не имели даже самого необходимого для жизни и должны были терпеть лишения, хотя они и трудились от 14 до 18 часов в сутки». Конечно, их не принуждали работать путем грубого насилия, как в предыдущие века. «Но тот, кто не имел никакой собственности, был все же вынужден работать на других. Эти другие навязывали пролетариям такие жестокие условия, что трудящемуся и угнетенному народу, скверно питающемуся, одетому в лохмотья и проживающему в сырых и грязных логовах, не оставалось ничего другого, как влачить самое жалкое существование». Хотя тогда было понятие воровства, но тех, кто платил рабочим лишь половину подлинной стоимости их труда, считали отнюдь не ворами, а достойными людьми. «Предрассудки личного интереса и эгоизма были столь укорененными в обществе, что все усилия провидцев почти всегда подавлялись в самом зародыше. Кто осмеливался выступать против существующего строя, подвергался преследованиям и был судим как крупный преступник. Этими людьми наполнялись тюрьмы, эшафоты окропились их кровью». В целом упомянутая рукопись отличается морализующим тоном и носит более примитивный и наивный характер по сравнению с другими документами этих лет. В ней говорится неопределенно о богатых и сильных мира сего. Все общественные беды приписываются денежной системе. Автор убежден, что систему общности труда, имущества и жизни можно было бы осуществить уже давно. Но приведенные выше высказывания все же свидетельствуют, что в этом документе тоже отразились настроения тех самых пролетариев, о тяжелой участи которых говорилось столь красноречиво. Интересна и реплика одного из присутствующих на уроке: «Я не могу понять, как меня могли бы заставить работать от 14 до 18 часов в день, в то время как кто-то другой похищал бы потом плоды моего труда; очевидно, это было жалкое поколение людей, которые разрешали, чтобы с ними обращались таким образом ... То была эпоха, когда все решалось силой оружия. Почему же не давали этому оружию лучшего применения?». Так сквозь морализующие рассуждения прорываются наружу революционные настроения, характерные для членов тайных обществ.

1 Archives Nationales, CC 772.

2 Cour des Pairs. Attentat du 13 septembre 1841. Interrogatoires des inculpés. P., 1841, p.14.—Bibliothèque Nationale (далее: BN), LB51 3559. (далее: Interrogatoires...).

3 Ibid., p.25-26.

4 Ibid., p.197.

5 Ibid., p.72.

6 Ibid., p.26, 38.

7 Archives Nationales, CC 783. Pièces confidentielles.

8 Interrogatoires..., p.123.

9 Ibid., p.195-196.

10 Archives Nationales, CC 773. Допрос Бореля от 17 января 1841 г.

11 Cour des Pairs. Attentat du 15 octobre 1840. Rapport fait à la Cour par M. le baron Girod (de l'Ain). P., 1841, p. 54, 62. — BN, Lb51 3453. (далее: Rapport... par Girod (de l'Ain)).

12 Cour des Pairs. Attentat du 13 septembre 1841. Acte d'accusation. P., 1841, p. 77.— BN, Lb51 3559.

13 Attentat du 13 septembre 1841. Deuxième partie du rapport fait à la Cour des Pairs par M. le Comte de Bastard. Arras, 1841, p. 18.—BN, Lb51 3529.

14 Archives Nationales, F7, 3890.

15 Ibid., F7 3891.

16 Ibid.

17 На одну из этих книг имеется рецензия К.Маркса и Ф.Энгельса, которая характеризует де ла Одда как «политически протитуированного субъекта самого низкого сорта». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.7, с.282.

18 Hodde L., de la. Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. P., 1850, p.267, 269, 274, 285.

19 Имя этого Розье, о котором говорит де ла Одд, было Гийом, как видно из материалов судебного процесса, по которому он был привлечен в 1841 г. Однако он был не механиком, как утверждает де ла Одд, а парикмахером.

20 Hodde L. de la. Naissance de la République en février 1848. P., 1850, p.19—20.

21 Видимо, то был на самом деле Луи Жорж Гефе (Louis Georges Gueret), прозвище которого было Le grand Louis.

22 Этого Жюль Розье не следует отождествлять с Гийомом Розье, членом того же Общества коммунистов, о котором упоминает де ла Одд. Об этих двух однофамильцах нам еще придется неоднократно говорить ниже.

23 Archives Nationales, CC 773.

24 Dezamy T. Conséquences de l'embastillement et de paix à tout prix. P., 1840.—BN, Lb51, 3172.

25 Archives Nationales, CC 782. Notes confidentielles.

26 Interrogatoires..., p.123.

27 Gazette des Tribunaux, 1841, 24 juill.

28 Cour des Pairs. Attentat du 13 septembre. Procès verbal des séances relatives au jugement de cette affaire. P., 1842. p.64—66.—BN, Lb51, 3559.

29 Gazette des Tribunaux, 1841, 9 juin, p.802.

30 Ibid.

31 Ibid., p.803.

32 Bouton V. Profils révolutionnaires par vtn crayon rouge. P., 1848—1849, p. 152—153.

33 Cabet E. Toute la vérité au peuple, ou la réfutation d'un pamphlet calomnieux. P., 1842, p.29.—BN. 8° R 18074 (14).

34 Archives Nationales. CC 773. Допрос Симара от 22 октября 1840 г.

35 Ibid., CC 777. Papiers de Darmes. Текст второго экземпляра этого устава приведен в докладе Жиро, представленном суду пэров.

36 Ibid., CC 776. Допрос Дармеса на суде 24 мая 1841 г.

37 Ibid., CC 773. Допрос Бореля от 17 января 1841 г.

38 Règlement constitutif et disciplinaire de l'association des travailleurs égaux.—

Ibid., CC 777. Papiers de Dermes.
39 Ibid., CC 772. Докладная записка Делессера от 19 октября 1840 г.
40 Interrogatoires..., p.14–16.
41 Ibid., p.86.
42 Archives Nationales, CC 791.
43 Interrogatoires..., p.185.
44 Archives Nationales, CC 791. Письмо Дюфура на имя пэров.
45 Interrogatoires..., p.269.
49 Ibid., p.86.
47 Ibid., p.33, 32.
48 Ibid., p.32.
49 Ibid., p.291.
50 Ibid., p.197.
51 Archives Nationales, CC 783. Boucheron Jean Marie. Dossier supplementaire.
52 Ibid., CC 774. Протокол, составленный комиссаром полиции Ивером (Ivers).
53 Interrogatoires..., p.291.
54 Ibid., p.33–34.
55 Ibid., p.27-37.
58 Archives Nationales, CC 791.
57 Быть может, Борель и был тем лицом, который затем представил вышеупомянутую анонимную записку о фракции коммунистов.
58 Archives Nationales, CC 773. Показания Бореля от 13 января 1841 г.
59 Interrogatoires..., p.25–26, 36, 197–198.
60 Archives Nationales, CC 783. Pieces confidentielles.
61 Rapport... par Girod (de l'Ain), p.70–73.
62 Service historique de l'armee de terre, E5, 148. Association. 1840, juin.
63 Rapport sur les mesures a prendre et les moyens a employer pour mettre la France dans une voie revolutionnaire, le lendemain d'une insurrection victorieuse effectuee dans son sein. Lu a la societe democratique francaise, a Londres, dans la seance du 18 novembre. Les diverses conclusions de ce rapport ont ete adoptees apres discussion par la societe democratique francaise, le 14 septembre. De l'imprimerie de Thompson, 64, Halborn; Rapport... par Girod (de l'Ain, p.77–95. Брошюра эта была целиком перепечатана в виде приложения в докладе Жиро.
64 Archives Nationales, CC 781.
65 L'Egalitaire: Journal des Mecontens Fonde par les citoyens K.Sauriac, A.J.Beaumont, detenus politiques. Prospectus.— Ibid., CC 792.
66 Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais. P., 1969-1973, t.1, p.178; t.3. p.384.
67 Rapport... par Girod (de l'Ain), p.40.
68 Archives Nationales, CC 772.
69 A ceux qui nous accusent, ou seulement plaignent de vouloir impossible. — Ibid.
70 Pe la communaute des produits — Ibid
71 Paris dans l'an 2000. Premiere scene. Cours d'histoire a Notre-Dame. — Ibid., CC 782.

Глава вторая

Коммунистическая пропаганда весной и летом 1840 г. «Эгалитер» Дезами. «Ни замков, ни хижин» Пийо. Коммунистический банкет в Бельвиле. «Об освобождении труда». «История равных» Пийо. «Унитарная система» Майера. «Долг революционеров» Селье. Всеобщая стачка и сентябрьские события в Париже, участие в них коммунистов-революционеров. Покушение Дармеса.

I

11 мая 1840 г. в своем ежедневном донесении префект полиции Делессер сообщал: «Значительно увеличилось число вредных в смысле своей демагогии сочинений, проповедующих общность имуществ, ненависть к богатым и т.п.»¹ Действительно, к маю 1840 г. коммунистическая пропаганда во Франции принимает уже широкие масштабы.

Прежде всего, именно в это время активно разворачивает пропаганду идей коммунизма Кабе. По его собственному свидетельству, в январе 1840 г. он опубликовал «Путешествие в Икарию», «но лишь в мае он начал распространять это произведение среди коммунистов»². Успех икарийского коммунизма среди определенной прослойки рабочего класса, особенно ремесленного пролетариата и некоторой части интеллигенции, успех, вскоре приведший даже к созданию различного рода икарийских организаций, был несомненным. Хотя учение Кабе было мирным коммунизмом, продолжавшим и развивавшим оуэнистские теории общинного коммунизма, имевшие хождение во Франции еще в 20–30-х годах, но так или иначе оно, безусловно, содействовало дальнейшему распространению коммунистических идеалов.

Одновременно активизируются и «коммунисты немедленных действий», идейно, а подчас и организационно связанные с только что возникшими тайными обществами. Нужно было не только обеспечить эти общества необходимой пропагандистской литературой, но и в первую очередь наладить издание периодического органа. Фактически до этого легального печатного органа, открыто стоящего на коммунистической платформе, не существовало. «Монитор республикен» («Le Moniteur republicain») и «Ом либр» («L'Homme libre») были лишь подпольными изданиями, уделявшими основное внимание революционной пропаганде против режима Июльской монархии. «Монитор республикен» только в общих выражениях заявлял, что новое общество должно быть основано на принципе общности, а «Ом либр» поместил в своем четвертом номере рассмотренную нами выше статью «Об общности». Но систематической пропаганды коммунистического учения они не вели. Предпринятая в 1839 г. Сориакон и Бомоном попытка издания журнала «Эгалитер» ограничилась лишь проспектом, сохранившимся в Национальном архиве. Издававшийся Лапоннере с 1838 до начала 1840 г. журнал «Интеллижанс» («L'Intelligence») никогда открыто не провозглашал себя коммунистическим органом, избегал даже слова «коммунизм», хотя общее его направление и некоторые помещенные в нем статьи

(например, о Бабефе) и подводили вплотную к коммунистическим выводам. Два выпуска «Трибуна народа» Пийо не были журналом в настоящем смысле этого слова и были опубликованы Пийо в то время, когда его общественные идеалы находились еще в процессе становления и потому в «Трибуне народа» пропагандировались в первую очередь республиканские идеи с довольно неопределенной критикой общественного неравенства. Окончательно общественные воззрения Пийо сложились лишь во время его тюремного заключения.

Поэтому издание периодического коммунистического органа представлялось теперь неотложной необходимостью. Хорошо осведомленный Кабе сообщает по этому поводу следующее: «В первые месяцы 1840 г. некоторые коммунисты, в частности недавно вышедший из тюрьмы Пийо, Дезами и другие, собрались, чтобы основать журнал. Хотели даже создать четыре журнала, которые публиковались бы последовательно каждую неделю, являясь на самом деле одним и тем же органом; однако не сумели договориться о составе редакции»⁴. Когда эта попытка потерпела неудачу, Дезами решил сам основать новый журнал под названием «Эгалитер», т.е. под тем же самым названием, которое за год до этого хотели дать своему печатному органу Сориак и Бомон.

В Национальной библиотеке имеются лишь два номера «Эгалитера». Но там нет проспекта этого журнала, единственный экземпляр которого находится в Национальном архиве среди бумаг, найденных при обыске у Дармеса и Кузена. Проспект этот остался поэтому вне поля зрения всех тех, кто так или иначе упоминал об этом журнале. Между тем этот проспект, сразу обративший на себя внимание властей, представляет значительный интерес для выяснения основного направления журнала и лиц, принимавших в нем участие.

В проспекте «Эгалитера»⁵ прежде всего указывается, что в издании этого журнала принимают участие Т.Дезами, адвокат Т.Конт, адвокат Адольф Папе, бывший сотрудник журнала «Гланез» в Лионе Баллон и др. Это очень важная информация, так как она свидетельствует, что хотя Дезами был, разумеется, главным редактором и основным автором этого журнала, но не все опубликованные в нем статьи принадлежали его перу. Оно дает также возможность установить и авторство некоторых статей, опубликованных в журнале и подписанных инициалами. Далее в проспекте подробно и вполне откровенно излагается основное направление журнала и его кредо. «Постоянной целью нашего издания будет стремление обеспечить победу того реального равенства, которое мы резюмируем в следующих словах: общность прав и обязанностей! Не ограничиваясь подытоживанием прошлого, не связывая себя с именем какого-либо человека, мы отнюдь не станем отречься от наследства наших отцов. О, героические жертвы нашей великой революции, величественные мученики термидора и Вандома, вы открыли перед нами громадное жизненное поприще; именно нам предстоит выполнить славную задачу, осуществление которой прервала контрреволюционная секира; именно нам предстоит закончить это дело. Вы нам завещали благородную идею, наши долгие размышления уже ее оплодотворили».

Из этих слов ясно, что проспект открыто и недвусмысленно провозглашал революционно-коммунистическую платформу нового журнала, он указывал и на историческую связь коммунистического идеала, за который тот намерен был бороться, с идеалами революционного коммунизма эпохи французской революции, т.е. бабувизма. Но в то же время издатели журнала решительно заявляли, что отнюдь не были намерены отождествлять себя с именем одного человека, т.е. Бабефа. Более того, они указывали, что если бабувизм оставил им в наследство благородную идею, то они ее теперь развили. Автором проспекта был, безусловно, сам Дезами, и изложенные в нем взгляды отражали его общественно-политическую позицию.

Проспект «Эгалитера» был опубликован, очевидно, еще в апреле 1840 г., так как уже в начале мая вышел в свет первый номер этого журнала. Проспект и первый номер журнала сразу же обратили на себя внимание властей. В сентябре этого года министр внутренних дел направил министру юстиции письмо, в котором перечислялись различные «подрывные» издания, опубликованные за последние месяцы⁶. В нем говорилось: «19 мая г-н префект полиции представил на рассмотрение прокуратуры проспект и первый номер журнала «Эгалитер», главным редактором которого является г-н Т.Дезами, агент Общества трудящихся. Этот ежемесячный сборник имеет основной задачей возбудить класс трудящихся против класса людей, имеющих собственность, изображая первый класс как жертву второго, и все это с целью, чтобы, переходя от вывода к выводу, выдвинуть требование об упразднении собственности».

Мы не станем здесь подробно излагать содержание первого номера «Эгалитера»⁷. Скажем лишь, что уже в нем недвусмысленно провозглашалась необходимость добиться «реального равенства», возможного лишь в условиях общности, и явно проявлялось положительное отношение к революционному преобразованию общества. С этой точки зрения особенно характерна статья «Философия современного кризиса»⁸, в которой подробно описываются рабочие и крестьянские волнения в различных департаментах. Статья, хотя и делает оговорку, что не имеет никакого намерения «возбуждать народные массы», но, по сути, стремится доказать, что волнения эти порождаются существующим общественным строем, что они неизбежны в условиях этого строя и что никакие репрессии ни к чему не приведут. «Скажем же еще раз, что порядок может быть порожден лишь свободой и благосостоянием всех». Близится реальное освобождение «пролетарских классов». Первый номер журнала подтверждает, что Дезами отнюдь не был автором всех опубликованных в нем статей. Так, например, статья «Бессилие уголовных законов» была подписана инициалами Th.C., т.е. была написана одним из сотрудников журнала, адвокатом Т.Контом, имя которого значится в проспекте.

В конце номера было помещено следующее извещение: «13 мая выйдет в свет работа Пийо "Ни замков, ни хижин"». Пийо, идейный вождь Общества коммунистов, считал необходимым написать популярную брошюру для изложения и пропаганды общественно-политической плат-

формы этого тайного общества. Брошюра была опубликована в том же мае 1840 г. почти одновременно с первым номером «Эгалитера», поспешившего рекомендовать ее читателям, что, кстати сказать, свидетельствует о близких связях Дезами с Пийо.

Полное название этой работы Пийо следующее: «Ни замков, ни хижин, или состояние социального вопроса в 1840 г.»⁹ Автор начинает с дефиниций следующих понятий: король, касты, клики, народ. Монархия, заявляет он, является лишь пустым призраком, прикрываясь которым, эксплуататоры человеческого рода пожирают плоды его труда. Она была изобретена лишь для того, чтобы бороться против равенства (13–14). Касты — это священнослужители и дворяне. Религия всегда поддерживала и порождала касты (14–17). Клики — это «различные классы людей, которые пришли на смену кастам в обладании богатством, властью, почестями и всеми другими привилегиями». Они провозгласили формально равенство и различные права, но лишь с тем, чтобы закрепить свою власть (17–20). Народ «представляет всех тех, которые не обладают ничем или обладают весьма малым», т.е. ту часть общества, которую «пожирают паразиты» (23–24). Затем автор переходит к «основному вопросу»: «Имеет ли народ право переменить свою общественную организацию, когда он этого хочет?» «Да,— отвечает он,— народ может и должен переменить свою общественную организацию тотчас же, как только эта перемена покажется ему необходимой и даже полезной» (25). Заявляя, что «закон реального и позитивного равенства» еще не был нигде провозглашен и даже теоретически рассмотрен, автор считает своей основной задачей доказать необходимость провозгласить в кратчайший срок принцип, который должен положить конец всем страданиям человечества. Он не сомневается, что из 35 миллионов человек, населяющих Францию, по крайней мере 30 миллионов сразу поймут, что счастье отнюдь не является химерой. Но привилегированные не откажутся добровольно от своих привилегий; «предыдущие поколения не знали ничего столь страшного, как та битва, которая теперь подготавливается» (29–37). Несмотря на прогресс человечества, развитие наук и искусств, его страдания увеличивались из века в век. Произошло много революций, но, несмотря на это, участь народных масс оставалась абсолютно той же, если только не становилась хуже. По-прежнему существуют хозяева и слуги, тираны и рабы, замки и хижины. Таким образом, все революции «имели своим результатом передачу привилегий из рук одной касты в руки другой». «Отсюда следует вывод, что будущая революция, которая является неизбежной, не должна идти по следам своих предшественниц», она должна «идти иным путем, руководствоваться другими принципами, применить совершенно новый метод» (40–41). Хотя французская революция также не дала никаких результатов, по она указала народу путь, по которому ему надлежит следовать. Теперешняя господствующая каста, чтобы сохранить свое господство, имеет лишь следующий выбор: или вновь, как это было до революции, заставить народ верить в божественную власть, что практически невозможно, или все время держать в руках секиру, использовать темницы, каторгу,

картечь, эшафоты, но это не может длиться вечно и неизбежно приведет к ее же собственной гибели (49–55). Далее излагаются «аксиомы эгалитарного закона». «Так как человечество состоит из абсолютно идентичных существ, оно не может допустить в своей среде ни первых, ни последних, ни больших, ни малых, ни могущественных, ни слабых, ни надменных, ни смиренных, ни высших, ни низших, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, одним словом, ни хозяев, ни рабов... Целью общества является, следовательно, обеспечить каждому из своих членов возможно большую степень благосостояния, делая все для удовлетворения его истинных потребностей, причем взамен получаемого каждый обязан использовать все свои способности ради благосостояния всех». «Полезное и приятное должно распределяться с той же соразмерностью, как и необходимое; излишества должны быть упразднены в обществе, основанном на принципах равенства. Различные должности, необходимые для управления республикой или коммуной, будучи такими же обязанностями, как и все другие, выполняемые гражданами для благосостояния общества, не могут являться поводом или предлогом для тех, кто ими облечен, добиваться каких-либо различий в удовлетворении своих материальных и духовных потребностей». Не должно быть никаких других вознаграждений, кроме общественного уважения. Должна осуществляться система эгалитарного образования. «Принципы эгалитарного закона подходят для всех народов вселенной» (55–58). Последний раздел брошюры озаглавлен: «Общность является единственным подлинным выражением эгалитарного закона. Средства необходимые, чтобы ее осуществить». Пусть сторонников общности не обвиняют в проповедовании аграрного закона и в робеспьеризме. Гракхи и монтаньяры были прославленными мучениками во имя счастья человечества, но нельзя принять их систему общественной организации. «Все наши принципы, все наши цели, все наши надежды резюмируются в одном слове: "Общность". Вне этой системы нет равенства, нет свободы, нет братства и поэтому нет счастья для человеческого рода» (59–60).

Брошюра Пийо сразу привлекла внимание властей. Она появилась в свет 13 мая 1840 г., а уже 16 мая префект полиции обратил внимание министра внутренних дел на этот «подрывной» памфлет¹⁰. Это было вполне понятно, так как публикация Пийо отнюдь не была теоретическим трактатом. Она была пропагандистской брошюрой, предназначенной в первую очередь для тайных обществ, для ведения ими успешной агитации и вербовки новых членов. Только в этом аспекте и можно уяснить себе суть этой брошюры Пийо, как и двух последующих, о которых придется еще говорить ниже. Их нельзя рассматривать в отрыве от текущего момента, под тем же углом зрения, как, скажем, такие теоретические трактаты, как «Путешествие в Икарию» Кабе или «Кодекс общности» Дезами, как неправильно делали, по нашему убеждению, все о них писавшие. Пийо не имел никакой оригинальной теории. Уже рассмотренная нами брошюра «Ни замков, ни хижин...» была лишь популярным изложением принципов революционного коммунизма, причем Пийо в отличие от других коммунистических идеологов того

времени вроде того же Дезами в основном просто пересказывал бабувистскую концепцию. Отсюда его общие рассуждения о привилегированной касте и об эксплуатируемых народных массах без всякой попытки конкретной классовой характеристики современного ему общества, которую мы находим в произведениях других коммунистических авторов того времени. Отсюда его явная склонность к грубой уравнительности, от которой решительно отмежевались и Лапоннере, и Дезами, и многие другие коммунистические теоретики этой эпохи. Но именно подобная проповедь эгалитарного закона, изложенная к тому же впечатляющим, страстным, подчас даже грубоватым языком, и была способна произвести сильное впечатление на рабочих того времени, составлявших основной контингент тайных обществ. Прав был его современник Виктор Бутон, который писал, что хотя доктрины Пийо не содержали ничего нового и были лишь повторением бабувизма, «но их резкий топ и их смелое изложение воздействовали, как удар топора, на рассудок пролетария и внушали ему идею насилия»¹¹.

Действительно, уже первая брошюра Пийо сыграла важную пропагандистскую роль. Ее нашли во время обысков у большинства арестованных членов тайных обществ. Она передавалась из рук в руки и служила прекрасным агитационным материалом для вербовки новых сторонников. Вот, что рассказал, например, Симар во время допроса: в августе 1840 г. он встретился с Дармесом у Консидера, где присутствовали еще два других лица. «Речь зашла об упразднении денег, и разговор коснулся работы, озаглавленной «Ни замков, ни хижин». Так как Дармес слышал уже о ней, хотя еще не читал, я предложил ему экземпляр, который я имел»¹².

Наступил июнь, и появился в свет второй номер «Эгалитера»¹³, который был значительно интереснее и смелее первого номера этого журнала. В нем особенно примечательны две статьи. В первой из них, озаглавленной «Эгалитарное образование. Призыв к демократам»¹⁴, содержался призыв ко всем людям доброй воли, сочувствующим страданиям себе подобных, даже «к рабам эгоистических страстей», отвергающим принципы равенства, присоединиться исходя из своих правильно понятых интересов к сторонникам этих принципов. Но суть статьи заключалась не в этом. Называя в числе предшественников доктрины общности «бессмертных гениев» Мора, Морелли, Бабефа, излагая основные коммунистические идеалы и провозглашая лозунг «Братство! Равенство! Общее счастье», статья содержала следующее обращение к пролетариям. «О вы, несчастные пролетарии, которые переносите все муки, проистекающие от кощунственной организации общества... настал момент, когда вы должны пробудиться и подумать о том, что вы являетесь людьми! ... Разве не время покончить с пашей слишком уж длительной летаргией, противопоставить захватам, осуществленным привилегией, наши объединенные силы». В этой же статье мы находим и следующее примечательное заявление: «Отнюдь не смехотворными сетованиями, не нелепой покорностью может несчастный улучшить свою участь, разбить свои цепи! Нет, нет! Угнетатели не усту-

пают пустым словам. Свобода улыбается тому, кто смело идет на ее завоевание».

Еще больший интерес представляет опубликованное в этом номере «Опровержение статьи "Бабувизм", помещенной в "Журналь дю пёпл"». В этом опровержении оспариваются восемь основных возражений против учения Бабефа и защищается его идея о необходимости революционной диктатуры. В этой связи мы находим там следующее недвусмысленное заявление: «Кроме того, следует помнить, что здесь речь идет о революционном переходе и что в *критические* эпохи необходимо применять не только *гигиену*, но и *хирургию*». В конце опровержения указывалось: «Заканчивая, мы повторяем, что мы отнюдь не хотим застыть в неподвижности на учении Бабефа (*nous immobiliser a Babeuf*) и что, отдавая нашему великому мученику заслуженную им дань уважения, мы в то же время постараемся опередить его на жизненном поприще. Мы льстим себя надеждой, что уже сделали один шаг вперед»¹⁵.

Неудивительно поэтому, что второй номер «Эгалитера» вызвал еще большее раздражение властей. 26 июня префект полиции, пересылая этот номер министру внутренних дел, заявлял, что в нем содержится «прямое подстрекательство к мятежу», ссылаясь на приведенную нами выше цитату о необходимости применения «хирургии»¹⁶. Действительно, в июньском номере «Эгалитера» позиции революционного коммунизма изложены гораздо более открыто, чем в первом номере. Призыв ко всем людям доброй воли, даже к представителям господствующих классов, присоединиться, исходя из своих правильно понятых интересов, к сторонникам равенства, носил чисто теоретический характер. На деле журнал обращался к пролетариям, призывая их к борьбе, чтобы разбить свои цепи и завоевать свободу, подчеркивая, что угнетатели никогда не уступят пустым словам. В то же время в статье в защиту Бабефа, написанной, несомненно, самим Дезами, еще раз ясно излагалась его позиция в отношении бабувизма. Всецело защищая необходимость революционного переустройства общества, даже революционной диктатуры, Дезами в то же время, как и в проспекте «Эгалитера», подчеркивал, что нельзя слепо придерживаться бабувистских догм, а необходимо идти вперед.

Журнал «Эгалитер» также получил широкое распространение среди членов тайных обществ. Он был обнаружен при обысках у многих арестованных, в том числе у того же Симара, который, в свою очередь, давал Дармесу читать и этот журнал.

Но властей беспокоили не только чисто коммунистические «памфлеты», а и другие «подрывные издания». Они считали весьма опасными и некоторые революционно-демократические публикации, которые (и в этом отношении они были правы) лили воду на мельницу коммунистической пропаганды. 4 июля 1840 г. префект полиции обратил внимание судебных властей на приписываемый племяннику Ламенне, Блезу, памфлет, озаглавленный «Жак Простак» (*Jacques Bonhomme*), широко распространяемый членами тайных обществ¹⁷. Товарищ министра внутренних дел со своей стороны сообщал своему шефу: «Г-н префект

департамента Сены и Марны только что обратил мое внимание на различные подпольные публикации, которые распространяются последнее время в его департаменте и в которых содержатся самые опасные подстрекательства, адресованные рабочему классу. Так, например, анархистский памфлет, озаглавленный «Жак Простак», изданный в Париже, расходится в очень большом количестве»¹⁸.

Упомянутый Блез, привлеченный в июне следующего года к судебной ответственности вместе с Пийо и некоторыми другими коммунистами, признал, что он был автором этой брошюры, изданной в количестве 7000 экземпляров, но отрицал, что он является сторонником коммунистических доктрин «при всем своем уважении к искренности убеждений и к позиции людей, пострадавших за них»¹⁹. Действительно Блез по своим взглядам не являлся коммунистом. Его брошюра, экземпляр которой сохранился и в Национальном архиве²⁰, выражала революционно-демократические настроения, требовала всеобщего избирательного права для проведения политических и социальных преобразований, в том числе налоговой реформы, всеобщего обучения, учреждения «приютов» для детей и престарелых, бедных и больных. В то же время в ней подробно описывалось тяжелое положение пролетариев. В случае установления новых демократических общественных порядков, говорилось в ней, «будет существовать реальное равенство между гражданами; тогда пролетарии не будут больше умирать от голода и нищеты, в то время как богатые умирают от несварения желудка, так как займутся тем, чтобы освободить труд и его преобразовать». Подобные высказывания и рассматривались властями как подстрекательство рабочих. Действительно, я такие революционно-демократические брошюры, как брошюра Блеза, также широко распространялись тайными обществами и использовались в пропагандистских целях.

II

К июлю 1840 г. тайные общества эгалитариев и коммунистов не только уже организационно оформились, но и развернули широкую деятельность, стремясь вербовать новых членов и вести пропаганду даже за пределами Парижа, о чем свидетельствует хотя бы приведенный в первой главе факт о поездке еще в начале июня в Лилль одного солдата с копией «формуляра» Общества трудящихся-эгалитариев для ведения пропаганды в воинских частях. Брошюра Пийо, два номера «Эгалитера» Дезами также содействовали широкой пропаганде идей революционного коммунизма. Естественно было поэтому стремление «коммунистов немедленных действий» выступить публично, используя такой распространенный в те годы в политической жизни Франции способ, широко практиковавшийся оппозицией в ее борьбе против режима Июльской монархии, как политические банкеты.

Первоначально как эгалитарии, так и коммунисты намерены были, видимо, использовать в этих целях «реформистские» банкеты, т.е. банкеты, регулярно организуемые в то время сторонниками избирательной реформы, боровшимися за всеобщее избирательное право. Но дело заключалось в том, что не только умеренные буржуазные

оппозиционные деятели, но даже буржуазные республиканцы и демократы все более проникались враждебностью к сторонникам социального равенства. Превью союз между ними, существовавший в 30-х годах, когда в состав тайных обществ входили как буржуазные республиканцы, так и сторонники радикального преобразования общества, был давно нарушен. Поэтому попытки использовать реформистские банкеты оказались безуспешными. Дурилю, официальному руководителю Общества трудящихся-эгалитариев, удалось, правда, выступить на демократическом банкете в 11-м округе Парижа, состоявшемся 23 июня 1840 г. под председательством редактора «Журналь дю пёпель» Дюпоти (сотрудником которого Дюриль тогда был), со следующим тостом: «После катастрофы 9 термидора народ и эксплуатировали, и опорочивали... Граждане, вот уже 40 лет, как мы вскармливаем ажиотаж и проституцию; необузданная страсть к роскоши развращает нацию и оскорбляет почтенную нужду трудящихся. Мы не хотим арифметического равенства всех состояний, лишь наши враги приписывают нам этот абсурд; мы хотим, чтобы земля, как добрая мать, пришла бы на помощь всем трудящимся, так как они тоже являются ее детьми и даже наиболее достойными; другие же являются выродками»²¹. Такие тосты, содержавшие лишь неопределенные намеки на необходимость социального преобразования, еще могли подчас произноситься на реформистских банкетах. Но когда Дезами и Пийо попытались выступить с четко сформулированными коммунистическими тостами на демократическом банкете, который должен был состояться в 12-м округе Парижа, они натолкнулись на решительное сопротивление. Реформистский комитет, организовавший этот банкет, отклонил оба тоста. Каковы были эти тосты, мы знаем из «Эгалитера», во втором номере которого был опубликован их текст. Тост, который намерен был произнести Дезами, гласил: «*За социальное равенство! За эгалитарную демократию! За социальную общность!* За искоренение зла привилегий. За завоевание и консолидацию всех наших прав. За осуществление на этой земле всех упоительных грез, которыми нас убаюкивали в детстве. Граждане, пусть все наши сердца сольются в одном стремлении: *За социальную общность!*». Предполагавшийся тост Пийо был следующим: «*За упразднение привилегий. За предание забвению порочных каст, которые ими обладали! За окончательное торжество в ближайшем будущем абсолютного равенства среди людей. Чтобы последующие поколения столь же сомневались в возможности существования тиранов, как предыдущие поколения сомневались в возможности равенства*»²². Столкнувшись с этим отказом, «коммунисты немедленных действий» приняли решение организовать особый, коммунистический банкет, который должен был дать им возможность впервые выступить публично на политической арене. Говоря об Обществе коммунистов-революционеров, Люсьен де ла Одд в своей книге писал: «Самым ярким актом этих людей был Бельвильский банкет»²³. Действительно, банкет этот был подготовлен и осуществлен именно Обществом коммунистов. Несмотря на то что этот банкет назывался коммунистическим, в нем приняли в

основном участие лишь сторонники революционного коммунизма. Кабе сразу занял по отношению к этому мероприятию враждебную позицию, о чем неоднократно сам же говорил в дальнейшем. Так, год спустя, резко нападая на «ультракоммунистов», он писал: «Я не присутствовал на реформистских и коммунистических банкетах, так как я их осуждал»²⁴.

Сведения о предстоящем банкете власти через своих агентов получили заблаговременно. 25 июня 1840 г. префект полиции в своей ежедневной сводке сообщал: «Среди республиканцев наблюдается большое оживление, но они очень разобщены: те, которыми руководят г-да Лафит, Араго и газета «Националь», оказывают сильное противодействие коммунистам, намеренным под председательством Пийо собраться в Бельвиле 1 июля на банкет, в котором должна принять участие тысяча человек»²⁵.

Банкет в Бельвиле действительно состоялся 1 июля 1840 г. Донесение префекта полиции содержит о нем следующие сведения. Банкет начался в 6 1/2 часов вечера; в нем участвовало 1100 человек, в том числе примерно 60 национальных гвардейцев. Председательствовал Пийо; был произнесен 21 тост, в том числе за общность имуществ и за упразднение собственности. «Впрочем, собрание было удивительно спокойным... оно разошлось без четверти десять очень мирно, не вызвав ни волнений, ни беспорядков»²⁶.

Подробности этого банкета нам хорошо известны. Его организаторы опубликовали специальную брошюру, ему посвященную²⁷. Данные, приводимые в этой брошюре, лишь незначительно отличаются от сведений, содержащихся в докладе префекта полиции. Число участников банкета определяется в 1200 человек, в то время как по полицейским сведениям, на нем присутствовало 1100 человек. Как бы то ни было, совершенно несомненно, что банкет этот носил массовый характер, в нем приняли участие свыше 1000 человек. Число тостов было не 21, как сообщали полицейские власти, а 20; возможно, полицейские агенты сочли за тост и вступительную речь Пийо. Согласно брошюре-отчету банкет начался около шести часов вечера и закончился после десяти. Следует полагать, однако, что полицейские шпики более точно засекали время, ведь это входило в их прямую обязанность: начало банкета в половине седьмого вечера, а его окончание — без четверти десять.

Из отчета мы узнаем также следующие немаловажные подробности. Банкет был подготовлен особой комиссией. 50 назначенных ею комиссаров принимали его участников и рассаживали на заранее определенные места по секциям. Что подразумевалось в этом случае под секциями, остается, однако, неясным. Имелось два «ассессора» — Пийо и Омбер, которые по поручению организационной комиссии должны были временно председательствовать. Но фактически открыл банкет вступительной речью Пийо. Хотя по решению организационной комиссии собрание должно было затем само избрать председателя, но в конечном итоге все предложенные кандидаты отказались, и до конца банкета роль председателя исполнял Пийо. Все произнесенные на банкете тосты были заранее одобрены специально созданной для этого комиссией. В числе 20

ораторов были Пийо, Дезами, Велликюс, Жюль Розье, Гийом Розье, Лионн, Симар. Это делает еще более бесспорным, что Бельвильский банкет был подготовлен именно Обществом коммунистов. Пийо и Дезами были идейными руководителями этого тайного общества. Велликюс, Жюль Розье и Лионн — членами его подпольного руководящего комитета, Гийом Розье и Симар — его активными деятелями.

В своей вступительной речи Пийо следующим образом охарактеризовал цели и задачи организованного ими собрания: «Граждане, мы пришли сюда, чтобы водрузить знамя, которое в ближайшем будущем привлечет внимание всей вселенной... Принципы, которые мы здесь провозгласим, обещают человечеству счастье...». Действительно, во всех произнесенных во время банкета тостах упоминалось об «общности» и «реальном равенстве» как об основной общественной задаче, которую надлежит осуществить. Некоторые из этих тостов подробно развивали и обосновывали эту мысль.

В своем тосте «За эмансипацию трудящихся, за эгалитарное образование!» Дезами провозглашал: «Поспешим отвергнуть аристократию капиталистов, так как любая личная собственность благоприятствует эксплуатации трудящегося бездельником и освящает ее. Отвергнем столь же решительно аристократию способностей, под каким бы видом она ни маскировалась; неравенство является неистощимым источником несчастий и раздоров, вечной причиной ненависти и революций... Да не будет больше монополистов, привилегированных, бездельников! Пусть не будет больше ни рабов, ни хозяев Свобода! Равенство! Братство! Вот в чем состоит истинное счастье, вот истинная цель человечества!». В заключение Дезами указывал, что самый краткий путь к общему счастью — это эгалитарное образование. Как видим, в своем выступлении Дезами осуждал не только «аристократию капиталистов», но и «аристократию способностей», т.е. высказывался против сенсимонизма и фурьеризма, противопоставляя этим социалистическим учениям идеал коммунистического равенства.

Велликюс посвятил свой тост «реальному и совершенному социальному равенству, без которого политическое равенство является лишь смехотворным и лживым». К чему трудящемуся народу так называемые политические права, если он не имеет возможности их реализовать: «Народ не может пользоваться своими политическими правами без полного обеспечения его социальных прав». Жюль Розье обратился с призывом изучать «средства, способные осуществить наилучшим образом и в наикратчайший срок общественную систему, основанную на равенстве и братстве, ради общего счастья». Он указывал, что народ уже взялся за это, что «уже сейчас эта благородная отвага его разума наряду с революционным брожением является ужасом всех аристократий, предвестником их гибели».

Весьма детальным и впечатляющим был тост другого активного члена Общества коммунистов — Гийома Розье «За равное распределение прав и обязанностей, т.е. за общность труда и пользования». «Изолированная от социальной реформы, политическая реформа

является гнусной ложью, так как она сохраняет старое общество и вместе с ним эксплуатацию человека человеком; если эксплуатируемые захотят воспользоваться своими политическими правами, жестокие и дорожащие своими привилегиями эксплуататоры выбросят их на улицу, где они станут жертвой нищеты; вследствие этого трудящиеся принуждены будут жертвовать своими правами ради своего существования или же, если они не захотят отказаться от своего человеческого достоинства, они должны будут взяться за оружие, но тирания будет тем более опасной, что их будут тогда расстреливать, опираясь на мнимо демократическую конституцию». Эти поистине пророческие слова заставляют невольно вспомнить последующие события революции 1848 г., когда взявшихся за оружие рабочих расстреливали на июньских баррикадах во имя «демократической республики» войска, руководимые «республиканцем» Кавеньяком. Таким образом, указывал далее Розье, беспринципные революционеры, провозглашающие исключительно политическую реформу, расставляют, по существу, ловушку, будучи удрученными «прогрессом и истинностью коммунистических принципов». Но они сильно ошибаются. Они не могут отвлечь народ «от общественных идей, которые только и способны обеспечить счастье человечества; то, что хочет народ, — это удовлетворение его физических и моральных потребностей». Поэтому коммунисты были бы беспринципными простаками, если бы говорили лишь о политической реформе.

«Коммунисты, — призывал со своей стороны Лионн, — будем говорить всем, чего мы хотим и что мы отвергаем, дабы за нами всегда шли те, которые, следуя по нашему пути, стремятся достичь нашей цели, дабы мы знали, кого нам нужно убедить, а с кем нам нужно бороться... Будем сторониться тех людей, уста которых не осмеливаются заявить об открытой поддержке коммунистической доктрины и практики, так как обычно их осторожность связана с задней мыслью». Симар в своем тосте «за эгалитарную общность» анализировал уроки истории. «В 89 г. народный гнев захоронил под развалинами Бастилии 14 веков монархии и привилегий. Но, увы, государственную колесницу взял в свои руки лишь эгоисты буржуа». Тщетны оказались усилия Комитета общественного спасения сорвать замыслы всех враждебных народу группировок. «Конституция II года сохранила в государстве всепожирающую язву: частную собственность... Термидор погрузил в траур все подлинно французские сердца; прериаль и вандемьер завершили наши несчастья... и социальное возрождение было отсрочено на 50 лет». Обращаясь к «пролетариям — жертвам эксплуатации», Вилли, сапожник, сделал следующее характерное заявление; «Если бы можно было эксплуатировать солнце, то Пролетарий никогда бы его не видел». Высказываясь за «полную общность в труде и пользовании», за «реальное равенство», оратор в то же время выражал наивную веру, что можно будет убедить «самых жестоких врагов» в справедливости коммунистической доктрины. В противоположность этому тост некоего Берিশона (его профессия не указана) отражал бабувистские настроения. Он упоминал о вандомском мученике и выражал убеждение, что вскоре

все народы поднимутся как один человек, чтобы сбросить кощунственное иго варварской цивилизации (термин, свидетельствующий о знакомстве оратора и с фурьеристским учением). «Это нам, братья, это нам предстоит начать это дело... Это мы должны установить величественную общность, при которой порок будет заменен добродетелью, отупение — образованием, эгоизм — счастьем всех! Именно тогда на развалинах эксплуатации, монополии и тирании будет поднято славное знамя социального братства... Сплотимся же вокруг блистательного девиза: Равенство! Братство! Общее счастье!». Такой же характер носило и выступление рабочего Кинера, заявившего, что меч равенства «обрушивается на виновные головы лишь с тем, чтобы освободить народ от мучений и нищеты; если знамя равенства является ужасом тиранов, то пусть же оно будет тем магнитом, который привлекает к себе свободных людей...» Нужно стремиться к счастью всех в условиях социальной общности.

Провозглашая тост «за свободу», Курмон указывал, что он имеет в виду свободу, «которая не будет допускать эксплуатации себе подобного, которая будет опираться на свою сестру и спутницу — равенство, которая требует социальной общности как гарантии освобождения всех — как пролетариев Европы, так и негров Америки и крепостных всех наций». Гроссель, переплетчик, ратовал «за братство трудящихся», подчеркивая тот факт, что угнетатели используют против народа его же детей. Ведь именно дети народа служат в армии, ведь именно им поручается шпионить за своими согражданами. Так они сами же куют свои цепи. Если трудящиеся будут едины, то вскоре взойдет заря равенства. Парикмахер Люваль, провозглашая тост «за упразднение свободной конкуренции», «за освобождение индустрии», заявил: «Лили, при режиме эгалитарной общности благодетельная индустрия может щедро наделять нас своими сокровищами». В своем кратком тосте «за общность» Неве выражал пожелание, чтобы все народы объединились в нерушимый союз, а Селье призывал удвоить усилия для завоевания общего счастья, для окончательного торжества общности. Художник Вильям-Луи призывал к единению всех истинных демократов. Он указывал, что после десяти лет борьбы настоящие демократы объединились вокруг «стола пролетария». К старому девизу равенства и братства они прибавили новое слово: общность. Они не должны бояться препятствий, которые им придется преодолеть, для того чтобы укоренить эти великие принципы. «Предоставим же близоруким людям обзывать нас утопистами и мечтателями», — сказал он в заключение.

На банкете были и тосты, носившие несколько иной характер. Так, два тоста были посвящены Польше. Один из них был произнесен самим Пийо «от имени поляков, присутствующих на банкете», как было сказано в отчете. Он выражал уверенность, что «гнусный царь не похоронил всех героев Польши под развалинами Праги». Он призывал поляков не только надеяться на Францию, но и вместе с французами провозгласить «вечные принципы абсолютного равенства». Типографский рабочий Пандель также заверял «храбрых поляков» в симпатии к ним французского

народа. «Когда, — добавил он, — принципы истинного эгалитарного закона будут наконец установлены среди нас, нельзя сомневаться, что поляки будут первыми из всех народов, которых мы сможем называть сладостным именем братьев». Подобные выступления были вполне понятными. Польское восстание 1830–1831 гг. вызвало глубокое сочувствие в демократических кругах Франции. Освободительная борьба польского народа рассматривалась в тесной связи с освободительной борьбой всех народов, с революционным движением в самой Франции, где в то время проживало много польских эмигрантов, которые имели непосредственные связи с французскими революционерами, с представителями французской передовой общественной мысли. Со слов Пийо ясно, что группа поляков присутствовала и на банкете в Бельвиле.

Конт выступил со специальным обращением к армии. Солдаты - тоже дети народа; они храбро защищают родину и проливают свою кровь на африканской земле. «Все мы, — сказал он в заключение, — вышедшие из народа, не можем иметь других интересов, кроме интересов народа; сплотимся же вокруг одного и того же знамени, чтобы совместно провозгласить царство реального равенства»²⁸. Гражданин Лалеман поднял тост «за подлинных монтаньяров, за энергичных людей, которые организовали победу и спасли родину». Хотя текст его тоста в отчете не приводится, но ясно, что он обращался с призывом к тем республиканцам-демократам, которые продолжали называть себя в то время монтаньярами, имели подпольные организации и установление связи с которыми входило, как увидим ниже, в задачу тайных обществ. Наконец, офицер национальной гвардии Журден требовал в своем выступлении отмены смертной казни, этого «легального убийства», высказываясь в то же время за «братскую общность».

Подводя итог банкету, Пийо в своей заключительной речи заявил: «В течение нескольких часов, проведенных нами вместе, мы выполнили громадную работу, последствия которой неисчислимы. Еще вчера, когда каждый из нас говорил об общности, о средствах ее осуществления и о ее результатах, всякий слушатель мог еще сказать: это лишь ваше личное мнение... Сейчас, когда я обращаюсь к вам, никто не имеет больше права так говорить». Вскоре вся Франция узнает, «что на этом большом собрании общность была открыто провозглашена... и что она была немедленно попята, единодушно одобрена аплодисментами... Граждане, если бы нам позволило время, мы бы вам доказали, что общность... является не только понятной и желанной, по что она является также вполне осуществимой не через тысячу, не через сто лет, но сегодня же, немедленно... Пусть каждый из нас сообщит другим о полученных им здесь впечатлениях, и наши ряды быстро возрастут и не сомневайтесь, что очень скоро прекрасная утопия вчерашнего дня превратится в радужную действительность завтрашнего».

Действительно, Бельвильский банкет сразу же получил широкий общественный резонанс. Сам факт, что свыше тысячи человек открыто выступили на общественной арене под знаменем коммунизма, не мог не произвести сильного впечатления. Неудивительно, что пресса

постаралась или замолчать это событие, или исказить его суть. Этим занялись и оппозиционные газеты, не только «Националь»), но и наиболее демократическая газета «Журналь дю пёпл», которая попыталась изобразить Бельвильский банкет как обычный демократический банкет, преследовавший, по существу, те же политические цели, что и другие «реформистские» мероприятия аналогичного рода. Это вызвало бурю негодования со стороны его участников и всех приверженцев доктрины общности. В архиве редактора «Журналь дю пёпл» Дюпотти, конфискованном впоследствии властями, мы находим неоспоримые тому свидетельства. Наиболее интересным является адресованное ему письмо от 7 июля 1840 г., подписанное тремя лицами — Менье, Пиэ и Кутюра²⁹. О сапожнике Менье, привлеченном год спустя к судебной ответственности по процессу группы коммунистов, нам еще предстоит говорить ниже. Кем был Пиэ, мы точно не знаем. Что касается 126-летнего сапожника Кутюра, арестованного по делу Кениссе, то на допросе он дал следующее показание по поводу этого письма: «Я не являюсь составителем этого письма, и не я его писал, я только его подписал, так как был с ним согласен; оно было представлено мне человеком, которого я хорошо знаю и который рассказал мне обо всем, что произошло на собрании в Бельвиле»³⁰. Авторы письма заявляли, что они были настолько наивны, что в какой-то мере верили демократической фразеологии газеты, хотя и знали, что так называемая демократическая пресса не имеет никаких принципов и лавирует между различными оппозиционными группировками, выполняя скорее негативную, чем позитивную роль. «Мы знали, какие упреки можно было бы сделать так называемым стражам цивилизации за то, что они не удосуживались действовать на основе эгалитарных принципов, более или менее развитых Кампанеллой, Мором, Морелли, Бабефом, Оуэном и другими, за то, что они использовали слова «свобода, равенство, братство», не понимая их и даже не давая им какую-либо позитивную интерпретацию, и, наконец, за то, что они щеголяли своим преклонением перед суверенитетом народа, не раздумывая над тем, что солдат, голосовавший за Бонапарта, не совершал действия, основанного на подлинном суверенитете, и что пролетарий принадлежит к среде, еще более зависимой от своих эксплуататоров, что он более страдает от нужды, чем солдат от дисциплины и спеси своих командиров. Но мы думали, что эти писатели по крайней мере станут доискиваться, не получила ли после Бабефа эта система большего распространения, большего единства, большей достоверности, а в особенности больших возможностей для ее осуществления, чем это предполагают. Однако это значило слишком многого ожидать от этих господ». В то время как сотни рабочих прониклись новыми доктринами, их пытаются изображать как экстравагантных и антиреволюционно настроенных мечтателей, сектантов, стремящихся навязать свои фантастические выдумки, чуть ли не как сенсимонистов и фурьеристов. Демократия «Журналь дю пёпл» застыла на теориях 1789 г. и хочет заставить и их пребывать в социальной косности. «Если вы ставите вопрос в такой плоскости, —

писали далее авторы письма, — мы могли бы, собрав соответствующие подписи, представить вам список имен 800 коммунистов, присутствовавших на банкете, которые скажут вам, если вы этот не знаете, что ни один тост не был поднят за избирательную реформу, но, что, наоборот, наиболее антиреформистские и наиболее радикальные коммунистические тосты были встречены повторными и почти единодушными аплодисментами. Мы могли бы присоединить к этим 800 именам еще имена по меньшей мере 2000 человек, которые не участвовали в манифестации в Бельвиле, но приверженность которых принципу общности не вызывает сомнения». Авторы просили опубликовать их письмо и заявляли о своем отказе от дальнейшей подписки на газету. В постскриптуме Кутюра сообщал Дюпотти, что за последние два дня он получил ряд писем, в которых лица, которым он разносил «Журнал дю пёпл», также извещали о своем отказе от подписки на эту газету. Так авторы письма разоблачали фальшь буржуазной демократии и противопоставляли ей подлинное, а не формальное общественное равенство, о котором и шла речь в Бельвиле. Действительно, первый коммунистический банкет, состоявшийся 1 июля 1840 г. в Бельвиле, был важной вехой в истории коммунистического движения во Франции. Если до этого коммунистические идеалы пропагандировались отдельными лицами или органами печати, если их осуществление являлось конечной целью различных тайных обществ, то в Бельвиле впервые в истории на многолюдном собрании приверженцев радикального переустройства общества на основе реального равенства коммунизм был открыто провозглашен политической программой, за осуществление которой надлежало вести политическую борьбу. Так сторонники коммунизма, коммунисты, как они сами себя назвали, публично выступили на политической арене и, противопоставляя себя другим оппозиционным группировкам, в частности буржуазным демократам, заявили о себе, как о новой политической силе, намеренной принять активное участие в общественно-политической жизни Франции. Тот факт, что на этом банкете присутствовало более тысячи человек, являлся лучшим свидетельством, что коммунизм получил уже к тому времени довольно широкое распространение, что он действительно являлся не мечтой отдельных лиц, а новым политическим течением. Не следует при этом забывать, что на банкете присутствовали отнюдь не все сторонники нового учения. Если нельзя доверять цифре 2000 человек, которые, по словам авторов письма в «Журнал дю пёпл», не были на этом банкете, но являлись приверженцами принципа общности, то все же несомненно, что по тем или иным причинам в нем не приняли участие многие убежденные коммунисты, о чем свидетельствует хотя бы пример того же Кутюра, одного из авторов упомянутого письма. Нужно помнить также о том, что Бельвильский банкет был организован парижскими коммунистами, а, как увидим ниже, коммунизм был к тому времени распространен и далеко за пределами столицы.

Кабе открыто бойкотировал этот банкет, подготовленный и проведенный тайным Обществом коммунистов. Если некоторые икарийцы

и присутствовали на нем, то в целом, как свидетельствуют произнесенные тосты, он прошел под знаменем революционного коммунизма. В нем, безусловно, приняло участие и большинство членов тайных обществ. Кстати, если нам и знакомы имена некоторых членов обществ эгалитариев и коммунистов, то лишь по материалам процессов Дармеса и Кениссе. Поэтому, если мы знаем точно, что из числа двадцати ораторов семь были непосредственно связаны с Обществом коммунистов, это еще отнюдь не значит, что остальные ораторы не имели никакого отношения к тайным обществам. Такие проникнутые революционным духом выступления как выступления Берিশона, Гроссея, Кинера, Курмона, говорят об обратном. Данные, приводимые в отчете об ораторах, свидетельствуют также, что большинство из них были рабочими различных профессий, как и те «сотни рабочих», которые присутствовали на собрании в Бельвиле.

Организаторы банкета, публикуя о нем подробный отчет, в следующих словах пытались резюмировать его историческое значение: «Начиная с аристократов газеты "Котидьен" и кончая радикалами "Журнал дю пёпл", все консерваторы находятся в смятении: для мира только что началась новая эра»³¹. С этим, конечно, нельзя согласиться. Банкет в Бельвиле никак не мог означать начала новой эры в истории человечества. Хотя он и поднял публично знамя коммунизма, но не оказался еще в состоянии наметить истинные пути для осуществления общественного преобразования. Хотя на нем и преобладали революционные настроения и говорилось о грядущей социальной революции, но не было сколько-нибудь научного обоснования коммунизма. Некоторые из ораторов, вроде Вилли, исходя из старых рационалистических представлений, провозглашали «реальное равенство» «даром природы, предписываемым самой природой»; другие наряду с этим делали упор на эгалитарное образование как на необходимую предпосылку достижения подобного равенства. Все ораторы говорили о «народе» и «пролетариате», но приравнивали эксплуатируемый пролетариат к народу в целом. Именно отсутствие научной теории коммунизма и не могло превратить Бельвильский банкет в отправную дату новой исторической эры. Эта новая эра началась лишь восемь лет спустя, после опубликования «Манифеста Коммунистической партии», заложившего основы научного коммунизма. Но коммунистический банкет в Бельвиле, безусловно, явился одним из предвестников скорого наступления этой новой исторической эры.

III

Бельвильский банкет еще более оживил коммунистическую и революционную пропаганду. Уже сам отчет об этом банкете, опубликованный в июле 1840 г. в виде отдельной брошюры, был широко использован для коммунистической агитации. Недаром среди прочей коммунистической литературы он имелся у большинства арестованных по делу Дармеса.

У самого Дармеса при аресте была найдена изданная в том же июле 1840 г. книжка Дуриля «История заговора генерала Мале». Относительно

Дуриля следует сказать, что хотя он официально и возглавил «большую ассоциацию», возникшую после распада Общества времен года и принявшую затем название Общества трудящихся-эгалитариев, но сам он не выступал как теоретик и пропагандист идеалов коммунизма. Его общественно-политическое лицо было настолько неопределенным, что некоторые считали его даже не коммунистом, а просто реформистом, подобно Блезу, автору уже известной нам революционно-демократической брошюры «Жак Простак»³². Быть может, это и было преувеличением, но несомненно, что Дуриль основной упор делал на революционно-республиканскую пропаганду и лишь косвенно намекал на необходимость социального равенства, о чем свидетельствует и его тост на реформистском банкете 29 июня 1840 г. Эту цель преследовала и книжка, изданная им в июле. В ней Дуриль пытался всячески идеализировать генерала Мале и его заговор 1812 г., чтобы показать достойный подражания образец борьбы против деспотизма. Более того, он пытался изобразить Мале как человека, «оставшегося верным эгалитарным принципам», т.е. вопреки исторической истине представить его чуть ли не поборником социального равенства. Все это делалось им, разумеется, в определенных пропагандистских целях, связанных не с историческим прошлым, а с современной ему действительностью. В этой книжке мы находим фразу, которая, очевидно, объясняет, почему Дармес имел ее при себе в момент покушения на короля: «Чем больше деспотическое правительство считает себя сильным, тем скорее оно может рухнуть под ударом бесстрашного человека, решившегося умереть»³³. Книжка Дуриля также получила значительное распространение среди членов тайных обществ.

Протесты, адресованные редактору «Журналь дю пёплъ» в связи с неверной оценкой Бельвильского банкета, заявления многих подписчиков, главным образом рабочих, об отказе от дальнейшей подписки на его газету произвели, по-видимому, очень сильное впечатление на Дюпотти. Как было правильно отмечено в письме трех от 7 июля, он старался до этого лавировать среди всех оппозиционных течений, не порывая связи ни с одним из них. Он всячески пытался сохранить за своей газетой репутацию самого левого, демократического органа прессы. Ему нужно было теперь восстановить эту репутацию. Этим, очевидно, и объясняется, что 2 августа на первой странице очередного номера «Журналь дю пёплъ» появилась анонимная статья, озаглавленная «Об освобождении труда». Кто был автором статьи, мы не знаем. Зато мы можем с большой долей вероятности предположить, кто побудил Дюпотти опубликовать эту статью. Ведь его ближайшим сотрудником, ведавшим распространением газеты, был не кто иной, как Дуриль. Вряд ли можно сомневаться, что именно Дуриль «протолкнул» эту статью, используя смятение Дюпотти, вызванное острой реакцией рабочих кругов на его позицию в отношении Бельвильского банкета.

Статья «Об освобождении труда»³⁴ следующим образом характеризовала существующие во Франции общественные отношения: «Что является сущностью современной организации общества?

Эксплуатация человека человеком. Общество разделено на два лагеря. Здесь — хозяева, там — трудящиеся. Первым дано командовать, вторым — подчиняться, не имея даже права выдвигать какие-либо условия... При феодальном режиме право меча прикрепляло крепостного к земле. При нашем буржуазном режиме голод порабощает пролетария игу монополии и аристократии». Это происходит потому, что орудия производства находятся в руках хозяев. Поэтому нужна ассоциация, чтобы орудия производства были бы непосредственно в распоряжении трудящихся. «Реорганизованный таким образом труд становится свободным. Нет больше хозяев, а есть лишь равные, работающие для общего блага под защитой ассоциации... Будет ли это преобразование труда последним? Как бы то ни было, это преобразование является промежуточным этапом, который обязательно нужно пройти, чтобы достигнуть более полного усовершенствования... Наступит день, когда человечество, свободное от своих пут, освободившееся от всех предрассудков и бедствий всякого рода... будет мирно пользоваться плодами своего труда в условиях свободы, равенства, братства. Быть может, мы не увидим этот день, но мы его подготовим».

Совершенно очевидно, что эта статья прямо подводила к коммунистическим выводам. Осуждая буржуазный режим, порабощающий пролетариев, она указывала на основную причину эксплуатации человека человеком — собственность хозяев на орудия производства. Выдвигая в духе социалистических учений идею передачи средств производства ассоциации трудящихся, она рассматривала это, однако, лишь как промежуточный этап для достижения полного коммунистического равенства.

Статья эта сразу же была издана и отдельной брошюрой³⁵, которую стали широко распространять среди рабочих и членов тайных обществ, причем не только в Париже. Префект Сены и Марны сообщил, например, что «перепечатка статьи из "Журналь дю пёплъ" от 2 августа 1840 г., озаглавленной "Об освобождении труда", была недавно распространена в Ланьи через посредство некоего Дюрана, который, как говорят, содержит кафе в Розуа»³⁶.

Статья «Об освобождении труда» была опубликована 2 августа 1840 г., а несколько дней спустя вышла в свет и стала также широко распространяться новая пропагандистская брошюра Пийо, на которую уже 14 августа префект полиции Делессер обратил внимание судебных властей³⁷. Брошюра Пийо была озаглавлена: «История равных, или средства, необходимые для установления абсолютного равенства среди людей»³⁸. Она являлась лишь введением к обширной работе, которая должна была быть посвящена истории народа, установившего в результате «окончательной революции» эгалитарный режим, причем автор не скрывал, что речь идет о Франции и о французах. В брошюре излагался план этой работы, которая должна была состоять из введения и четырех разделов, освещающих период порабощения, революционный период, период нормальный, или равенства, и период упадка. Указанная брошюра соответствовала (и то не полностью) лишь первому разделу задуманной

работы, которую Пийо намерен был опубликовать пятью отдельными выпусками. Что он действительно собирался написать и опубликовать и последующие выпуски «Истории равных», подтверждается его письмом от 17 сентября 1840 г., написанном уже после его ареста Шарлю Нуаре в Руан. В постскриптуме этого письма мы читаем: «Хотя я и нахожусь в тюрьме, я надеюсь, что мой второй номер «Истории равных» не замедлит появиться и свет»³⁹. Однако последующие «номера» «Истории равных» не были изданы, поскольку, очевидно, так и не были написаны.

Опубликованная брошюра была посвящена изложению «Манифеста современных равных». С самого начала своей истории, указывал Пийо, человечество вынуждено было постоянно бороться против бесчисленных зол. Теперь настало время все в корне изменить: «Речь идет не о чем ином, как о радикальных переменах на всем земном шаре, с тем, чтобы немедленно заменить теперешний образ жизни его обитателей совершенно новым, примера которому нельзя найти в прошлом» (9–10). «Коммунисты, — обращается он далее к своим единомышленникам, — нам предназначено осуществить эту важнейшую задачу». «Коммунисты не должны допустить, чтобы их отклонили от этой главной цели ни те, кто видит предел революционных усилий лишь в том, чтобы кое-что оторвать у теперешних владык, ни трусы, предпочитающие нищенство борьбе за свои социальные права». Еще вчера и те и другие боролись вместе с ними, а сегодня они являются их врагами. Но это только к лучшему. В припадке бешенства они сами теперь заявляют, «что нет ничего общего между ними и нами». Но это как раз и было нужно коммунистам, чтобы завоевать общественное доверие (11–13). Коммунисты не должны отвечать на ругательства, которыми сейчас их осыпают, а должны с еще большим усердием пропагандировать свои принципы, и это будет их лучшим ответом. Коммунистам нечего бояться, так как они не хотят стать ни королями, ни придворными, ни священниками, ни богачами, не хотят жать в безделье за счет трудящихся. (17–20) Он обращается ко всем людям доброй воли. «Но я тружусь особенно для вас, люди разума и убеждений, для вас, искренние, просвещенные и храбрые коммунисты, воспринявшие с восторгом возвышенные принципы равенства. В начале немногочисленные, обособленные, считавшие себя в известном смысле одиночками, вы, несмотря на это, осмелились проповедовать свои идеи, атаковать и сражаться врукопашную с несметным обществом, отупевшим и развращенным... А между тем вы ведь знали, что оно может вас заклеить, вас погубить, вас истязать и, более того, вас убить» (31). «Я подаю вам сигнал сбора; я предоставляю вам аргументы, чтобы убеждать, оружие, чтобы бороться, и советы, как воспользоваться победой... Я хочу, чтобы в будущем было признано ... что если вы с таким рвением поспешили сплотиться под знаменем абсолютного равенства, то это не потому, что тогда вы будете работать меньше, а потому, что никто тогда не будет работать больше, чем вы, не потому, что у вас не будет больше хозяев и эксплуататоров, а потому, что никто, как и вы, не будет больше рабом и эксплуатируемым... Я хочу, чтобы всякий раз, когда каждый из вас будет проповедовать общность, он был бы в состоянии

незамедлительно и без колебаний отвечать на все возражения» (32–33). «Коммунисты, — писал Пийо в заключение, — да будет среди нас взаимное доверие и испытанная дружба, да будет в наших сердцах непримиримая ненависть к тирании, олицетворяющей гнусное неравенство, да будет единство в наших наставлениях и в наших усилиях, полное соответствие в наших надеждах, и тогда мы в ближайшее время преодолеем расстояние, отделяющее нас от счастливого будущего, которое мы ожидаем с таким большим и справедливым нетерпением» (34).

Вторая брошюра Пийо, опубликованная после коммунистического банкета в Бельвиле, в еще большей мере, чем даже первая, носила пропагандистский, агитационный характер. В ней он прямо обращался к коммунистам, призывая их к сплочению и борьбе за осуществление возложенной на них исторической задачи низвержения существующего общественного строя и построения нового коммунистического общества. Констатируя полный разрыв между буржуазными демократами и коммунистами, раньше боровшимися совместно, но теперь ставшими врагами, он призывал коммунистов не отклоняться от своей конечной цели, которая может быть достигнута лишь в результате замышляемой ими «великой революции». Он откровенно говорил о том, что основная задача его новой работы — дать в распоряжение коммунистов соответствующие аргументы для ведения пропаганды и для ответов на все возражения. Таким образом, и эта новая брошюра Пийо может быть правильно понята и оценена лишь при учете конкретной ситуации, сложившейся во Франции в июле-августе 1840 г. после Бельвильского банкета, первого публичного политического выступления сторонников коммунизма. «Манифест современных равных», обнародованный Пийо, явился как бы развитием мыслей, высказанных им в своей заключительной речи на этом банкете.

В том же августе 1840 г. не только один Пийо предпринял попытку публикации серии брошюр для дальнейшей пропаганды нового учения. Нам знакомо уже имя Майера, того Майера, который на первых порах составлял очередные директивы и другие документы Общества коммунистов. Об этом Майере мы не имеем никаких сведений. Мы знаем только, что он был рабочий. В «Биографическом словаре французского рабочего движения» упоминается лишь некто Мишель Майер, родившийся в 1810 г., сапожник по профессии. О нем сказано, что он организовал забастовку лионских сапожников, начавшуюся 1 октября 1838 г. и продолжающуюся еще 15 декабря, когда Майер был осужден на два месяца тюремного заключения⁴⁰. Был ли это именно этот Мишель Майер (который мог, разумеется, перебраться затем в Париж) или какой-то другой Майер, мы пока что точно сказать не можем, поскольку во всех известных нам документах его имя не приводится. Мы знаем конкретно лишь следующее. Год спустя, рассказывая об обстоятельствах возникновения газеты «Попюлер», Кабе писал, что его со всех сторон просили основать печатный орган. «Настаивали на этом еще более упорно потому, что молодой рабочий коммунист г-н Майер⁴¹ опубликовал

в августе (1840 г. — А.И.) первый выпуск Своего рода журнала под названием «Унитарная система», в котором он также хотел указать путь рабочим и разъяснить им систему общности, основывая ее на материализме, т.е. беря за основу то, что обычно отвергали»⁴². Товарищ министра внутренних дел приводил несколько иную дату выхода в свет «безбожного и аморального памфлета некоего Майера», а именно первые числа сентября 1840 г.⁴³. В июне 1841 г. во время процесса над десятью лицами, обвиняемыми в принадлежности к незаконной «коммунистической ассоциации», Гийом Розье, разъясняя, что представлял собой найденный у него во время обыска перечень фамилий, заявил следующее: «Это был список имен подписчиков "Унитарной системы"». В нем значилось и имя Жюль Розье, в связи с чем Гийом Розье указал, что он с ним знаком, но это не он, а другой Розье. Вслед за тем был допрошен сапожник Жан Менье, тот самый Менье, который вместе с другими подписал в июле 1840 г. уже известное нам письмо редактору «Журналь дю пёплъ» Дюпотти. Дело в том, что его домашний адрес (улица Сент-Оноре, 108) был указан как место хранения брошюры «Унитарная система». В этой связи Менье дал следующее показание: «Да, эта брошюра была вручена мне автором, фамилия которого Майер. Он пришел ко мне и сказал, что он изложил систему организации общества. Он попросил меня представить рукопись какому-нибудь издателю, чтобы узнать, во сколько обойдется ему издание этой работы. Я обратился от его имени к нескольким издателям. Меня спрашивали об адресе Майера, но я его не знаю. Я удивлен, что его до сих пор не нашли. Это человек довольно хорошо известный». На это председатель суда сказал: «Гораздо более удивительно то, что вы, поддерживавшие все эти сношения с Майером, не знаете его адреса». В ответ Менье заявил, что Майер в силу своей профессии, часто отлучается из Парижа и подолгу живет в провинции»⁴⁴.

Итак, в конце августа или в первых числах сентября 1840 г. Майер предпринял издание «своего рода журнала», по выражению Кабе, под названием «Унитарная система», причем он действовал не в одиночку, а в тесном контакте со своими друзьями, коммунистами-подпольщиками. Менье после переговоров со многими издателями, добился опубликования рукописи Майера и все отпечатанные экземпляры этой брошюры хранил у себя на квартире, откуда она затем и распространялась. Гийом Розье не только активно участвовал в этом деле, но и имел список подписчиков, среди которых фигурировал и Жюль Розье, член руководящего комитета того же Общества коммунистов. Таким образом, брошюра Майера усиленно распространялась членами этого тайного общества.

Майер задумал «Унитарную систему» не как журнал, а как своего рода периодическое издание типа «Трибуна народа», публиковавшегося Пийо в 1839 г. «Унитарная система» должна была выходить отдельными выпусками в форме писем некоего Френуа своему другу. Полное название этого издания гласило: «Унитарная система, или Философские письма другу, проживающему в провинции». На обороте обложки первого

выпуска имеется следующее примечание: «Публикуя эти письма, автор не ставит себе целью понравиться кому-либо или выражать чьи-либо мнения. Он воздержался бы писать, если бы у него не было сложившихся взглядов... Автор посвятит каждому письму достаточно времени и усилий с тем, чтобы предавать гласности лишь зрелые мысли... Эта публикация составит том размером от 500 до 600 страниц, содержащий материал трех обычных томов». Принимая во внимание, что первый выпуск был объемом всего в 16, правда набранных мелким шрифтом и очень компактных, страниц, следует заключить, что автор намерен был опубликовать еще 30–35 таких выпусков.

Первое и единственное опубликованное Майером письмо, адресованное некоему Жюлю, помечено 12 августа 1840 г. Излагая свои взгляды, Майер прибегает к следующему приему. Он одновременно приводит контраргументы, которые мог бы выдвинуть упомянутый Шюль. Делает он это с двойной целью. С одной стороны, он их опровергает, что дает ему возможность более детально обосновывать выдвигаемые им положения. С другой стороны, он соглашается с некоторыми из них, дабы тем самым показать, что некоторые мнения его предшественников опровергаются здравым смыслом рядовых людей.

Письмо начинается со следующего сравнения. Вообрази, обращается он к своему «другу», что ты перенесен в эпоху феодализма, в эпоху безраздельного господства монархов и сюзеренов, к которым простак Жак должен униженно обращаться со своими смиренными мольбами. Разве сама мысль об этом не является невыносимой? «Но именно это я испытываю в благодатном 1840 г. С моей точки зрения, изменились только слова, суть вещей осталась прежней или даже во многих отношениях стала хуже» (1). Поэтому он намерен в своих письмах подробно изложить философскую и социальную систему, на которой он окончательно остановился после долгих размышлений. «Что касается чисто философского раздела,— пишет он далее,— поскольку я категорически отрицаю не только реальность, но и возможность существования одного или нескольких духов, т.е. разумного небытия, единого или множественного, и приводимых им в движение инертных предметов, должен ли я называть себя материалистом?» (2). Все его последующие рассуждения, как и ответы на контраргументы «Жюль», дают положительный ответ на этот вопрос, хотя он и подчеркивает, что слово «материалист», понятое в превратном смысле, ему не подходит (6). Все свойства человеческого разума обусловлены не нематериальной, а натуральной причиной (2). Все человеческие чувства, даже чувство собственного я, связаны с физической структурой человека, с его нервной системой (3). Человек называет спиритуальными причины, ему неизвестные. Так, если ночью видят нечто белое, похожее на человеческое существо, то принимают это за призрак, и лишь утром, при свете, убеждаются, что это не что иное, как развешенное белье (3). Таково именно истинное происхождение веры в богов, духов и прочие нематериальные существа. Это не просто ложные идеи, это настоящая интеллектуальная и моральная болезнь, это настоящее

умопомешательство (5). Слово имматериальное столь же негативно, как и понятие небытия, оно отрицает первейшее условие любого существования: пространство. Разве не является абсолютным абсурдом утверждение, что миллиарды ангелов и душ находятся всюду, не занимая никакого места (4). Разум человека является не имматериальным, а материальной субстанцией. Столь же натуральными и материальными являются и чувства человека. Лишь материалисты способны дать объяснение взаимосвязи и нерушимой последовательности следствий и причин, а незнание этого и порождает веру в существование нематериального бытия (4). Говорят, что материализм — это доктрина фатализма и что можно без угрызений совести творить зло, если, подобно Оуэну, предполагать, что человек не ответственен за свои поступки. Но ведь здесь есть большая разница между деистами и материалистами. Если, согласно деисту, события происходят неизбежно, так как они фатально предопределены божественной волей вопреки всему существующему, то материалист рассматривает эти события как происходящие из самой природы, включающей и самого человека (6).

Мы не намерены пересказывать здесь все рассуждения автора, поскольку суть его философских воззрений и так ясна. Укажем лишь, почему Майер считал необходимым отбросить «спиритуализм» и исходить из материалистического мировоззрения. «Спиритуализм,— пишет он,— не ограничивается тем, что, связывая разум человека, отдаёт его во власть всяким бредням; он делает его неспособным воспринимать естественную преобладание вещей, он ввергает его в состояние идиотского недоверия в отношении всего, что позитивно или вероятно; вследствие этого он является самым большим препятствием для прогресса и использования наук вообще, но особенно для прогресса и использования социальной науки» (5). Таким образом, Майер считает материалистическое мировоззрение обязательной предпосылкой для прогресса социальной науки и использования ее достижений, т.е. для правильного решения общественных проблем.

Вслед за тем автор переходит к предварительному краткому изложению своих общественных воззрений. Если он является решительным противником эксплуатации, то это еще не значит, что он просто-напросто эгалитарист, сторонник раздела земли и всех ресурсов, что он намерен провозгласить «аграрный закон». Но если это так, то означает ли это, что он является коммунистом? Прежде чем ответить на это, он задает целый ряд вопросов. Если он вместе с сенсимонистами и фурьеристами станет требовать, чтобы женщина была свободна, свободна не только от принуждения, но и от всякого целомудрия и всякого чувства и чтобы она была доступна всем, то не законно ли будет спросить: с каких пор проституция является моральным качеством? Если он вместе с Мором будет требовать осмотра женихом перед браком своей невесты в голом виде, то не следует ли спросить: разве женщина является товаром, который можно приобрести с торгов? Если он, подобно Мору и другим, станет требовать, чтобы все носили единый национальный костюм, столь же неизменный, как одежда религиозного

ордена или военная униформа, то разве нельзя задать вопрос: должен ли человек быть лакеем, носящим ливрею, или дикарем, вечно покрытым шкурой? Если он будет требовать, как это, видимо, делал Бабеф, по примеру Руссо, Мабли и других, упразднения искусств и отказа от всего, что нельзя предоставить в равной мере всем, то ему справедливо возразят, что тогда необходимо было бы упразднить и все блюда, так как вкусы у людей различны, за исключением хлеба, нужного всем. Разве общий интерес заключается в том, чтобы каждый человек приносил тысячу жертв ради скудного удовлетворения своих потребностей, имеющее лишь то почтенное преимущество, что оно одинаково и одновременно для всех. Наконец, столь же неприемлемо было бы, если бы он требовал вместе с моравскими братьями и основателями всех христианских общин монастырей или казарм для членов общин, чтобы все одновременно вставали, ложились спать, принимали пищу, работали, гуляли «под барабанную дробь или звон колокола» (7–8).

Из всего этого «Жюль» может сделать заключение, что в своих кардинальных и главных основах система общности является слишком противоестественной и слишком тягостной, чтобы люди когда-либо ей подчинились, и что, следовательно, она неосуществимая мечта. Но это совершенно неверный вывод. Нельзя отождествлять систему общности с отдельными выдвигавшимися неверными положениями, связанными с ее конкретным осуществлением. «Общность — это только единство интересов и мощи всех граждан. Следовательно, если руководствоваться абсурдным стремлением сделать всех людей несчастными и рабами, то нужны коммунистические регламенты совсем другого рода, чем в том случае, если хотят сделать их взаимно счастливыми. Таким образом, при всякой общности *ситуация* (под этим термином автор понимает общественный строй. — А.И.) является превосходной, только установления могут быть отвратительными, в то время как сегодня именно существующая ситуация препятствует общественному благу и даже любой доброй воле» (8–9). Общность может немедленно заменить существующий строй антагонизма и хорошо функционировать с помощью «крепкой организации», созданной энергичными людьми. «Более того, мне кажется, что при теперешнем положении вещей имеется больше средств и больше шансов для тотальной трансформации (общества. — А.И.), чем для трансформации частичной и прогрессивной» (9). «Целью общества должно быть по распределению равными долями, так как это укрепляет индивидуализм, а наиболее разумное использование общих ресурсов согласно правилам, внушаемым исключительно заботой о благосостоянии всех граждан без исключения». Установление «коммунистической ситуации», т.е. нового коммунистического общественного строя, сразу же сделает более сносными условия существования граждан, лишенных в настоящее время самого необходимого, а затем обеспечит всем невозможное счастье. Но его друг может ему возразить, что люди не могут в один день освободиться от своих пороков и стать сразу же хорошими гражданами. «Замечу тебе, что я не строю иллюзий и поэтому провожу различие между двумя

понятиями — жить в условиях общности и получить от общности все хорошие результаты, особенно моральные, так как только в условиях общности подлинный прогресс является безграничным, может развиваться без промедлений и препятствий и, начиная с ограниченного круга, можно до бесконечности его расширять. Но ведь нужно прежде всего оказаться в этом первом кругу; и именно потому, что люди являются порочными, и порочными исключительно в результате теперешнего положения изоляции, необходимо их из него вырвать, чтобы они не оставались вечно такими. Ждать устранения причины лишь тогда, когда ее следствия не будут больше существовать,— это значит ждать чуда, но не забывай, что я не являюсь деистом. Состояние антагонизма, предопределяющее неизбежность эксплуатации, совершенно лишено нравственной силы и не только не излечивает причиненные им раны, но еще больше их растрavляет. Наоборот, только общность интересов, называемых *материальными*, может привести к общности братских и социальных чувств. ...Исходя из этого, я утверждаю, что никакие человеческие пороки... не препятствуют установлению *материальной* общности у всех цивилизованных народов. Однако эти пороки категорически препятствуют практическому осуществлению планов, рассчитанных на ограниченное число лиц, как-то: мютюалистские ассоциации, отдельные общины и т.д., так как при этих опытах недостаточность ресурсов превращает эту идею в ложную, так как для доказательства своей истинности она нуждается во всех ресурсах большой нации и в мощных социальных рычагах, направляемых железной рукой» (9-10).

Упоминание о «железной руке» не случайно. Автор не скрывает, что он считает возможным установление строя общности лишь путем диктатуры, с применением необходимой силы. Он едко высмеивает избирательную систему и даже всеобщее избирательное право. При временном общественном строе это лишь средство для отдельных личностей политической и материально эксплуатировать своих сограждан. При этом он ссылается на пример Америки, «где народные массы именем демократии объявили почетной аристократию, а именем равенства и братства объявили почтенной эксплуатацию». Так «глупцы эксплуатируемые голосуют за свою эксплуатацию, свою забитость, свою нужду и их голосованием оправдывают самые гнусные спекуляции» (11). Поэтому он решительно высказывается против кампании за избирательную реформу во Франции, предназначенную лишь вводить в заблуждение народ, тем более что теперешние реформисты «всецело противятся радикальному решению социальных проблем». Связывая свои надежды с «избирательным горнилом», можно в лучшем случае добиться «лишь незначительных и предательских уступок». «Тогда становится невозможным действовать иначе, как только путем улучшений. Однако все улучшения в условиях порочной ситуации (т.е. порочного общественного строя. — А.И.) становятся пагубными для человечества, так как они увековечивают то, что *срочно* необходимо полностью изменить» (15–16). Но если нельзя полагаться на всеобщее

избирательное право и волю большинства, то столь же неприемлемой является и анархия: «Анархия не является лекарством, это снадобье, которое только усиливает зло; это не врач, а шарлатан, выдающий яд за чудодейственный бальзам» (12). Общественное переустройство может быть осуществлено лишь с помощью централизованной диктатуры, причем автор не скрывает, что он имеет даже в виду диктатуру одного лица, осуществляющего социальное переустройство с помощью своих многочисленных сторонников. Это отнюдь не будет деспотизм, опирающийся на слепую силу, а сила, руководимая разумом, ставящая, наоборот, преграду деспотизму и всякому нарушению человеческих прав (10–11). Подобный законодатель сможет использовать сполна власть только для общего счастья; он не будет иметь возможности отклониться от принципов, для осуществления которых он и был наделен властью. Истинный суверенитет народа обеспечивается этими принципами, которые будут положены в основу нового общества. Поддержка народными массами проводимых общественных реформ, обеспечивающих их благосостояние и счастье, и явится подлинным, самым убедительным народным голосованием (14–15).

Излагая основные принципы «унитарной системы», автор провозглашает себя ее сторонником, хотя и признает, что его можно было бы называть коммунистом и даже «коммунистом немедленных действий», как в то время называли приверженцев революционного коммунизма.

«Унитарная система» Майера, бесспорно, выдающийся, хотя и несправедливо преданный забвению, памятник коммунистической мысли. Она отличается оригинальностью мышления и не является лишь популяризацией общеизвестных коммунистических догм. Три основные характерные черты придают ей особое своеобразие. Прежде всего, развивая и обосновывая основные положения материалистической философии (исходя, разумеется, из материализма XVIII в.), автор подчеркивает непосредственную связь между материализмом и «социальной наукой», указывая, что «спиритуализм» несовместим с идеалами социального прогресса. Далее он резко и последовательно выступает против грубой уравнительности, столь характерной для утопического коммунизма XVI–XVIII вв. Единая для всех одежда, полное единообразие в удовлетворении жизненных потребностей, отказ от всего, что нельзя было бы предоставить в равной степени всем, отрицательное отношение к искусству и другим культурным ценностям, казарменный распорядок жизни — все это, по его мнению, не только не характерные черты коммунистического общества, а, наоборот, «отвратительные установления», противоречащие подлинной сути общности. Наконец, вопреки многим своим современникам, считавшим необходимым путем всеобщего образования подготовить людей к переустройству общества на коммунистических началах, искоренив предварительно эгоизм и другие людские пороки, автор «Унитарной системы» полагает, что невозможно устранить следствия, не устранив их причины, что связывать осуществление общности с моральным перевоспитанием людей — это

значит ждать чуда. Нужно поступить как раз наоборот. Необходимо сперва установить «материальную общность», т.е. *сил* дать материальную базу нового общественного строя, которая только и может привести к упразднению эгоизма и других пороков, свойственных людям при существующих теперь общественных порядках, «привести к общности братских и социальных чувств». Именно поэтому он и не считал возможным создание отдельных коммунистических общин в условиях существующего общественного строя. Вопреки многим своим сотоварищам-коммунистам, поддерживавшим требование избирательной реформы как необходимой предпосылки для борьбы за «истинное равенство», Майер решительно высказывался против «реформистов», лишь введя в заблуждение. В его брошюре мы находим впечатляющую критику буржуазной демократии, при которой народ сам голосует за свою эксплуатацию и которая может обеспечить только незначительные улучшения, способные лишь укрепить существующие общественные порядки. Чтобы осуществить общественную трансформацию, нужна революционная диктатура, причем Майер склонен мыслить ее как диктатуру одного лица, облеченной; четкими полномочиями для реализации принципов общности и поддерживаемого своими многочисленными сторонниками, т.е. коммунистами, приверженцами нового общественного строя.

Майер, конечно, так же как и все его современники, был представителем утопического коммунизма. Его обоснование системы общности оставалось в основном рационалистическим. Излагая план своей работы, он недаром указывал, что весь ее второй раздел должен быть посвящен «истинной системе природы», которой он в конечном итоге и обосновывал свои коммунистические убеждения. Революцию он также мыслил себе как дело рук энергичных людей, способных в этих целях создать «крепкую организацию». Но исходя из материализма как логической основы коммунизма, решительно отметая грубую уравнивательность, обуславливая не бытие сознанием, а сознание бытием, считая необходимым сперва создать «материальную общность» как необходимую предпосылку духовного перевоспитания людей, Майер, бесспорно, принадлежал, подобно Дезами и некоторым другим, к той группе французских коммунистических мыслителей 40-х годов XIX столетия, которых К. Маркс называл уже «более научными коммунистами».

Говоря о революционных публикациях, получивших в те месяцы широкое распространение среди приверженцев тайных обществ, нельзя не упомянуть и о брошюре Анри Селье «Долг революционеров». Анри Селье, родившийся в Париже в 1806 г.⁴⁶, в юности примкнул к сенсимонистам и даже сотрудничал в их органе «Глоб». Закончив юридический факультет, он сперва был адвокатом в Блуа, а затем, как раз в 1840 г., перебрался в Париж. В 1841 г. он активно выступал в качестве защитника на процессах коммунистов и членов тайных обществ. Товарищ министра внутренних дел в своем письме министру от 13 октября 1840 г. характеризовал его как «адвоката, называющего себя литератором,

активно вовлеченного в республиканские интриги»⁴⁷. Его брошюра была опубликована не позже начала осени 1840 г., так как уже к тому времени она получила широкое распространение. Именно о ней и шла речь в упомянутом выше письме. Несколько дней спустя эта брошюра была найдена у Дармеса во время обыска, произведенного у него на квартире сразу же после совершенного им покушения. Затем ее нашли и у ряда других лиц, арестованных в связи с этим делом.

Брошюра Селье⁴⁸ состоит из трех разделов: «Что такое революция — какова ее цель?», «Что такое контрреволюция—почему она правит Францией?», «Долг революционеров». Революция, заявляет Селье, является выражением социальной активности, путем, по которому нации идут к коллективному и индивидуальному совершенствованию. Революция до сих пор прошла две фазы связанные с событиями 1789 — 1793 гг. и 1830 г. Теперь приближается новая, третья фаза революции. Во Франции царит полный общественный беспорядок. «Те, кто владеет землей и капиталами, кто является хозяином труда и его изделий, кто, по их выражению, политически правит страной, ведут между собой ожесточенную войну под видом конкуренции. Это называют свободой. Среди тех, кто не владеет ни землей, ни капиталом, среди трудящихся, которые располагают лишь своей головой, своими руками и своей отвагой, нет никого, кому была бы обеспечена возможность удовлетворять, трудясь, свои самые насущные жизненные потребности». Народные массы держат на положении «наемных пролетариев». Поэтому народ настроен революционно. В 1789 г. борьба шла между третьим сословием, с одной стороны, и дворянством и духовенством — с другой. «Тогда третье сословие, т.е. класс буржуазии, или, иначе говоря, собственников и капиталистов, которые не были ни дворянами, ни священниками, отнял у дворян и священников их самые важные привилегии. Он отнял их от имени нации, но фактически в пользу буржуазии». С тех пор завоевавшая власть буржуазия объявила революцию завершенной. Она стала контрреволюционной. Лишь когда в период Реставрации была предпринята попытка восстановить привилегии дворянства и духовенства, буржуазия вновь побудила народ прогнать королей, представлявших старый режим. Ей удалось осуществить это в 1830 г. «Но и на этот раз она захотела остановиться сразу же, как только достигла своей цели. Она избрала короля, который не был королем дворянства и духовенства, а являлся королем буржуазии». Теперь во Франции «правят собственность и капитал». «Буржуазия, таким образом, завоевала свою хартию, и, несмотря на потенциальную силу народа, ей удалось сохранить эту конституцию, которая обеспечивает социальные и политические привилегии собственникам и капиталистам. Она снова провозглашает революцию законченной».

Господствующая в обществе буржуазия всегда пыталась препятствовать распространению революционных идей. Однако еще во время первой революции была предпринята попытка осуществить доктрину равенства. В эпоху Империи и Реставрации появились мыслители, пытавшиеся наметить новые пути развития общества.

«Самыми выдающимися из них были Фурье и Сен-Симон. Но главной ошибкой социалистов-теоретиков было то, что они отделяли себя от революционного движения, формулируя теории организации общества, они как бы не принимали во внимание социальную среду, в которой эти теории должны были быть применены... Поэтому, когда после 1830 г. эти доктрины получили широкую гласность, они смогли, конечно, привлечь к себе некоторые умы; молодежь, жадная до новшеств, набросилась на них. Но здравый смысл народа вскоре обнаружил порочность этих построений, задуманных вне связи с его жизнью. Вскоре начали понимать, что лишь союз новых идей с революционными традициями мог бы дать и тем и другим жизнеспособность и возможность получить распространение в обществе, дабы его трансформировать. Социалисты и революционеры поняли, что социальная революция не может осуществиться без революции политической, а политическая революция – без революции социальной, или, точнее говоря, что может быть лишь одна революция, одновременно политическая и социальная. Эта тенденция становится с каждым днем все более явной... Она ежедневно проявляется в том, с какой жадностью самые активные и самые разумные трудящиеся, самые пылкие революционеры воспринимают даже еще не доработанные социальные теории, лишь бы они выступали во имя Равенства».

Поэтому перед революционерами стоит двойная задача: разрабатывать социальные идеи и возбуждать революционные чувства. «Нужно сделать для демократии то, что собственники и капиталисты делали и делают для буржуазной монархии. Нужно направлять в интересах народа развитие философии, социальной экономики и политики, используя труды всех наших предшественников и избрав своей целью Равенство». «Речь идет не о том, чтобы провозгласить незамедлительно новую организацию общества, которая установила бы с сегодняшнего же дня нерушимые правила всех социальных и политических отношений; речь идет не о том, чтобы сформулировать непоколебимый закон, которому должно подчиниться общество под поручительством и по благоусмотрению того или иного диктатора. Речь идет о том, чтобы заменить старый принцип *laissez faire, laissez passer* новым принципом – братская ассоциация всех трудящихся». «Разве народная справедливость не выдвигает требование, чтобы орудия труда, капиталы и земли не были бы предоставлены в произвольное распоряжение отдельных лиц, поскольку эти привилегированные люди плохо их не пользуют и эксплуатируют их только для собственной выгоды, вместо того чтобы их эксплуатировать на благо всех ... Разве сегодня не признано, что каждый гражданин имеет право и обязан развивать свою деятельность, во всех направлениях, используя все свои способности? Научимся чинить нашим хозяевам непреодолимые препятствия. Посмотрите, как они все время заняты консолидацией и увековечиванием своей политической и социальной системы. Посмотрите на этих приверженцев некоторых социалистических школ; примкнув к этим школам, не имея никакого революционного сознания, они не сумели

найти его и там; теперь они находятся в лагере буржуазии. Они трудятся над тем, чтобы увязать некоторые свои принципы с буржуазной конституцией, дабы окончательно закрепить разделение на хозяев и трудящихся. Они хотят организовать труд; их охотно слушают, так как под этим предлогом... хотят оставить трудящихся в подчиненном положении и обеспечить господство хозяев. Это большая опасность. Они хотят организовать труд в теперешнем обществе, основанном на неравенстве. Мы, люди народа, думаем о преобразовании общества в целях Равенства с тем, чтобы обеспечить свободное развитие активности всех граждан».

Приверженец сенсимонистской школы Анри Селье вскоре отошел от нее. Но это было не потому, что он, подобно многим сенсимонистам, которых он так беспощадно высмеивал, оказался в лагере буржуазии. Наоборот, он пришел к убеждению, что как сенсимонисты, так и фурьеристы – эти теоретики, оторванные от народа, отделяя себя от революционного движения, шли по неверному пути, что лишь союз новых социальных идей с революционным движением мог привести к трансформации общества, что грядущая революция должна быть одновременно и политической и социальной. Каковы же должны были быть ее результаты? Селье считал ее окончательной целью – установление равенства. Но он нигде не употребляет слово общность или какую-либо другую принятую в то время коммунистическую терминологию. Более того, осуждая провозглашение новой неизменной общественной структуры, непоколебимого во всех деталях расписанного закона, которому должно подчиняться общество, руководимое тем или иным диктатором, Селье открыто отмежевывается от бабувизма. Но в то же время он указывает на необходимость радикального общественного переустройства, открыто и недвусмысленно требует обобществления «орудий труда, капиталов и земель». Все заставляет поэтому думать, что, будучи учеником сенсимонистской школы, он оставался по своим общественным взглядам социалистом, превратившись, однако, из мирного социалиста в социалиста-революционера. Он считал необходимым соединение социализма с революционным движением, объединение социалистов (таков был его собственный термин) и революционеров.

Брошюру Селье отличает исключительно четкое понимание классового характера современного ему общества. Французскую революцию он характеризует (и в этом, несомненно, сказалось влияние сенсимонистского учения) как борьбу «класса буржуазии» против дворянства и духовенства. Он показывает, как после революции буржуазия стала контрреволюционной, и что даже в 1830 г., когда ей вновь пришлось с помощью народа прогнать династию, представлявшую старый режим, она поспешила объявить революцию законченной. Июльскую монархию Селье характеризует как «буржуазную монархию», Луи-Филиппа как «короля буржуазии», указывая, что во Франции «правят собственность и капитал». Существующая буржуазная конституция «обеспечивает социальные и политические привилегии собственникам и

капиталистам». Им он противопоставляет «трудящихся», «наемных пролетариев», которые, по его мнению, и составляют основную массу народа. Их освобождение от господства «хозяев» не может обеспечить никакая «организация труда» в условиях существующего общества; это может быть достигнуто только революционным путем.

Неудивительно поэтому, что брошюра Селье получила большой общественный резонанс и имела такой успех среди тайных обществ. Беспощадно разоблачая классовую сущность Июльской монархии, она четко ставила проблему грядущей революции как революции не только политической, но и социальной, имеющей целью как ниспровержение буржуазной монархии, так и радикальное социальное переустройство общества с обобществлением средств производства.

Параллельно с различного рода брошюрами, критиковавшими существующий политический и общественный строй, призывавшими к переустройству общества на новых началах, пропагандировавшими коммунистические идеалы, в эти месяцы распространялись и воззвания, специально обращенные к рабочему классу. Одним из них было стихотворное обращение под названием «Рабочие, объединяйтесь»⁴⁹. В нем мы находим следующие знаменательные строки: «Вы, которые страдаете скорбью ваших братьев, вы, которые держите в своих руках участь всех, чтобы избавить трудящегося от его невзгод, рабочие, объединяйтесь... Поднимите знамя ваших предков, дабы победить, соединяйтесь все вместе. Пусть ваша доблесть разобьет наконец ваши цепи... Возьмемся же за дело истинные сыны Франции; внемлите все голосу вашей матери, вашим тяжким трудом докажите невежеству, что только праздный является подлинным бичом, что вашими руками закладывается наше будущее. Будьте же мужественными, друзья, небо будет сиять всем. Оставим нашим детям в наследство лучший мир: рабочие, объединяйтесь».

Подобные воззвания к рабочим были более чем актуальными. Они совпали с мощным подъемом рабочего движения, вскоре приведшим к общественно-политическому событию, которое потрясло всю Францию. То была всеобщая забастовка, вспыхнувшая в Париже в начале сентября.

IV

Сентябрьской стачке в Париже посвящена специальная статья О.Фести, написанная в 1913 г., главным образом на основе газетных материалов⁵⁰. О ней говорилось еще в «Социалистической истории», издававшейся Жоресом, в седьмом томе, написанном Фурниером⁵¹. Ей отводится место во всех монографиях по истории рабочего движения во Франции, в частности в тех, которые мы упоминали в предисловии. Из всех этих работ наиболее значительной и ценной является монография Агэ «Забастовки в период Июльской монархии»⁵², написанная на основании довольно широкого круга источников. Но, как справедливо указывал составитель описи фондов префектуры полиции, относящихся к Июльской монархии, Ж.Тюлар⁵³, существенным недостатком этой работы (и это особенно относится к сентябрьским событиям в Париже) является то, что автор не использовал ежедневные докладные записки префекта

полиции Делессера. В советской исторической литературе особое внимание сентябрьской забастовке в Париже уделит Ф.В.Потемкин во втором томе своего капитального исследования «Промышленная революция во Франции»⁵⁴. Исходя из правильной методологии, Ф.В.Потемкин справедливо критикует тенденцию буржуазных историков изображать это стачечное движение как чисто экономическое; но, имея под рукой необходимых материалов и всей литературы (ему неизвестна была даже монография Агэ, и он использовал в основном статью Фести), он не располагал всеми необходимыми данными.

Мы не намерены здесь, разумеется, посвящать особый очерк истории сентябрьской стачки, поскольку это выходит за рамки нашей темы. Остановимся лишь на главных событиях, с ней связанных, на основе не только имеющейся литературы, но и докладов префекта полиции и материалов Военного архива Франции, также почему-то оставшихся вне поля зрения исследователей.

Хотя в 1840 г. последствия промышленного кризиса 1839 г. постепенно изживались и основная масса рабочих была обеспечена работой, однако условия труда не только оставались тяжелыми, но часто даже ухудшались. Хозяева систематически отвергали, несмотря на рост дороговизны, все требования рабочих о повышении заработной платы и о сокращении рабочего дня. Они также категорически отказывались оплачивать сверхурочную работу, не применять систему подрядов, крайне невыгодную для рабочих, и вновь пытались ввести там, где ил не было, рабочие книжки, порабоцевавшие рабочих и в экономическом отношении (ставя их в полную зависимость от хозяев), и в политическом (облегчая полицейский надзор над ними). Неудивительно, что в течение первых восьми месяцев 1840 г. в Париже все более нарастала стачечная волна. В забастовки последовательно вовлекались представители различных профессий, причем в этих стачках участвовало все большее число рабочих данной профессии. После стачки булочников в апреле началась все более разраставшаяся забастовка рабочих-портных, в которой вскоре приняли участие более 3000 человек, т.е. практически все рабочие этой профессии. Эта забастовка, вспыхнувшая в Париже, была поддержана портными некоторых других городов Франции. Еще более знаменательным было то, что стачку портных поддержали представители других профессий, в частности типографские рабочие, собиравшие даже денежные пожертвования в пользу стачечников. Вскоре, в июле, и сами типографские рабочие объявили забастовку, так же как и рабочие-сапожники, и рабочие-ювелиры. В августе в стачечную борьбу включились каменотесы, строительные рабочие, столяры, а затем представители многих других профессий. К 31 августа бастовали столяры, каменщики, каретники, слесари, механики. Забастовщики устраивали массовые сходки, вторгались на различные предприятия, чтобы вовлечь в забастовку других рабочих; происходили уже многочисленные столкновения с полицией, пытавшейся разгонять забастовщиков; были произведены многочисленные аресты.

Это постепенное нарастание стачечной борьбы, в которую

включались все новые отряды рабочих, и привело к бурным событиям в Париже в первых числах сентября. В своем донесении от 1 сентября префект полиции сообщал следующее о положении в столице: «Сегодня рабочие разных профессий прекратили работу; коалиция распространилась на каретников, слесарей, трикотажников, механиков, рабочих кровельных фабрик предместья Сен-Марсо, столяров-краснодеревщиков и т.д. С раннего утра многочисленные рабочие пришли, чтобы побудить рабочих королевской почтово-пассажирской конторы и Тулузской почтово-пассажирской конторы на улице Фобур-Сен-Дени прекратить работу; вовремя подоспевшие отряды муниципальной гвардии окружили эти мастерские, где работа продолжалась; однако несколько позже рабочие этих предприятий также их покинули. Сборища рабочих имели место в Исси, Шатле и Пантене, где они сравнительно легко разошлись по предписанию властей; однако в Исси потребовалось вмешательство национальной гвардии. В 4 часа рабочие-механики пришли, чтобы побудить прекратить работу рабочих г-на Адама на бульваре Сен-Жак, и образовали сборище, рассеянное муниципальной гвардией. Три вожака были арестованы»⁵⁵. В этот же день в Париже было расклеено воззвание Делессера, напоминавшее о законе 10 апреля 1831 г. относительно сборищ и предлагавшее местным властям, а также комиссарам полиции принять необходимые меры, чтобы рассеивать согласно этому закону любые сборища»⁵⁶.

Несмотря на это предупреждение, на следующий день, 2 сентября, выступления рабочих возобновились с новой силой. В сводке префекта полиции мы читаем: «Сегодня был очень беспокойный день; рабочие, образовавшие коалицию, собрались в нескольких пунктах: в Гренеле, в Сен-Дени и в Пантене; они были разогнаны, не оказав никакого сопротивления. Одновременно всюду в Париже рабочие ходили по мастерским и принуждали всех прекратить работу... Удалось не допустить, чтобы пришедшие рабочие помешали трудиться рабочим г-на Пийе, механика на авеню Пармантье в Сен-Антуанском предместье; воинский отряд остался там, чтобы охранять около 200 рабочих, которые там работают; однако в пять часов банда из 500 или 600 рабочих пришла, чтобы предпринять новую попытку (заставить рабочих этого предприятия прекратить работу. — А.И.); три полицейских бросились навстречу смутьянам, которые пытались взломать решетку ограды; полицейских опрокинули наземь и бросились на них с ножами; один из них был смертельно, два других серьезно ранены; после этого рабочие ворвались на предприятие и принудили трудившихся там последовать за ними; один из вожаков этой банды был арестован. На улице Албани толпа также пришла, чтобы заставить прекратить работу на одной прядильной фабрике, однако быстрое вмешательство комиссара полиции привело к аресту 136 лиц из числа этих людей. Еще в шесть часов рабочие повсеместно продолжали свой обход, когда наконец сильный дождь заставил их разойтись, так же как и тех любопытных, которые за ними наблюдали. Коалиция очень возросла по сравнению со вчерашним днем; рабочие всех профессий прекратили работу; население весьма

обеспокоено».

Итак, 2 сентября мощное рабочее движение не только не прекратилось, а приняло еще более грозный характер. Рабочие не только продолжали устраивать «сборища» в предместьях Парижа, по и обходили предприятия, чтобы добиться полного прекращения работы. Происшествие на оружейном заводе Пийе свидетельствовало о том, что события перерастали уже в открытый бунт. Агэ, не знакомый с докладами префекта полиции, излагает это происшествие по версии, опубликованной в официальной «Газет де Трибюно», — версии, явно рассчитанной на то, чтобы возбудить неприязнь населения к бастующим рабочим (которые будто бы топтали ногами раненных по лицейских, в том числе отца пяти детей и т.п.). Она содержит, однако, одно очень интересное свидетельство: по утверждению газеты, власти опасались, что рабочие хотели проникнуть на этот завод не только для того, чтобы добиться прекращения там работы, но и с тем, чтобы захватить хранившееся там оружие»⁵⁸.

3 сентября Делессер в своем ежедневном донесении писал: «Рабочие снова не работали; число вступивших в коалицию увеличилось за счет каменщиков, также покинувших свои мастерские; начиная с утра, рабочие всех профессий ходили взад и вперед с возбужденным видом; в 11 часов многочисленное собрание рабочих всех профессий состоялось в Ла Шапеле; будучи оттуда отброшенными, они направились в Сент-Уан, где были разогнаны жандармерией и отрядом 67-го полка. Но самыми значительными были сборища, возникшие уже с 10 часов в Пантене и Бонди. Они состояли в Пантене по крайней мере из 10000 человек, в Бонди — приблизительно из 2000, преимущественно каменщиков. Туда были направлены эскадроны муниципальной гвардии и драгунов под командованием начальника эскадрона муниципальной гвардии; когда они прибыли на место, комиссар полиции предложил собравшимся разойтись, что они сперва отказались сделать, но вслед за тем они были немедленно рассеяны кавалерией; после того как кавалерия несколько раз помешала им вновь собраться, они окончательно разошлись. В половине восьмого многочисленные группы образовались у ворот Сен-Дени; после приказа разойтись они были разогнаны муниципальной гвардией... к половине одиннадцатого все было закончено без какого-либо несчастного случая»⁵⁹.

- Положение, с точки зрения властей, продолжало резко ухудшаться. Всеобщая забастовка не прекращалась. Между бастующими рабочими отдельных профессий устанавливался все больший контакт, о чем свидетельствовало собрание, состоявшееся в Ла Шапеле. «Сборища» принимали все более грозный характер; в одном Пантене собралось свыше 10 тыс. человек. При этом новым, очень тревожным для властей фактом было то, что участники этих сборищ отказывались теперь добровольно расходиться по первому же требованию; их вынуждены были силой разгонять не только полицейские, но и войсковые подразделения, а в Пантене кавалерия должна была повторно атаковать их, чтобы не дать им вновь собраться»⁶⁰. Ввиду создавшегося положения

Делессер в тот же день обратился с новым воззванием, на этот раз непосредственно к рабочим. Вновь напоминая о том, что всякого рода сборища, имевшие место за последние дни, являются противозаконными и уголовно наказуемыми, он призывал «разумных и трудолюбивых» рабочих не поддаваться влиянию «плохих рабочих», предупреждая, что все незаконные сборища будут разгоняться вооруженными силами, а сопротивляющиеся арестовываться и предаваться суду и что подлежат аресту все лица, пытающиеся проникать в мастерские и принуждать других рабочих примкнуть к забастовке⁶¹.

Но власти прекрасно понимали, что подобные угрожающие воззвания совершенно недостаточны, и спешно принимали экстренные меры, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в Военном архиве. Того же 3 сентября военный министр отдал следующее распоряжение: «Коалиции рабочих продолжаются в Париже и делают необходимым увеличение военных сил с тем, чтобы было возможным одновременно рассеивать все сборища и чтобы они не могли перерасти в беспорядки». Поэтому он предписывал немедленно перебросить в Париж два батальона войск. Другие документы, имеющиеся в этом деле, свидетельствуют, что этот приказ был незамедлительно выполнен. Войска перебрасывались в Париж водным путем, на речных судах. К вечеру 4 сентября было доставлено на пяти судах около тысячи солдат и ожидалось прибытие еще трех судов с 500—600 солдатами, а три из уже прибывших судов, отправившиеся в обратный путь, должны были в течение ночи доставить еще дополнительные резервы⁶².

День 4 сентября пробудил у властей некоторые надежды. «День был лучше предыдущего, — писал Делессер в своем донесении, — некоторое число рабочих возобновило работу, однако в других мастерских работа была прекращена; так, например, железнодорожные рабочие прекратили в полдень работу под влиянием рабочих подстрекателей и страха, который они им внушали; каменщики пришли сегодня в свои мастерские; столяры продолжают отказываться работать, так же как и слесари; некоторые рабочие-каретники возобновили работу, но в незначительном количестве. Сегодня утром состоялось собрание в Сент-Уане. Мэр Сент-Уана принудил собравшихся разойтись, однако не без сопротивления; национальная гвардия Сент-Уана, а также жандармерия проявили большое рвение... В Париже атмосфера была менее напряженной, чем в предыдущий день... Вечер прошел спокойно; некоторые попытки устроить сборище Шали предприняты у ворот Сен-Дени, но присутствие полицейских оказалось достаточным, чтобы рассеять собравшихся».

Однако надежды властей на скорое прекращение рабочих волнений оказались преждевременными. «Сегодня, — сообщал Делессер 5 сентября, — в 10 часов состоялось собрание около восьмисот рабочих-слесарей в Шатильоне: оно было легко разогнано отрядами жандармерии и национальной гвардии. В тот же час очень многочисленное сборище рабочих-краснодеревщиков состоялось у заставы Трон; жандармерия и муниципальная гвардия с помощью отряда 39-го полка тотчас же его разогнали; некоторые сопротивлявшиеся были арестованы; когда их вели

в префектуру полиции через Сент-Антуанское предместье, сборище в несколько тысяч человек попыталось их освободить; град камней обрушился на сопровождавший их отряд, который был вырван поспешившей ему на помощь муниципальной гвардией... Сегодня вечером в восемь часов, у ворот Сен-Мартен и Сен-Дени образовалось многочисленное сборище, состоявшее из людей в рабочих блузах, подростков и любопытных; они кричали, оскорбляли людей, ехавших в каретах, и тушили газовые фонари; они были немедленно разогнаны муниципальной гвардией и полицейскими, которые действовали столь энергично, что сборище не смогло вновь образоваться; к 10 1/2 часам спокойствие было восстановлено»⁶⁴. На следующий день Делессер писал военному министру по поводу утреннего инцидента: «Вчера значительное сборище рабочих-краснодеревщиков образовалось у заставы Трон: они сравнительно легко уступили требованиям местных властей (разойтись. — А.И.); когда два или три красная были арестованы... тогда рабочие спохватились, позвали на помощь своих товарищей из предместья (их собралось от трех до четырех тысяч), окружили войска, вопили и бросали в них камни»⁶⁵.

Положение, как видим, продолжало оставаться весьма напряженным. Хотя работа местами возобновилась, но 4 сентября 1840 г. подавляющее большинство рабочих продолжало бастовать. Многолюдные собрания рабочих не прекращались; их приходилось разгонять с помощью полиции, муниципальной гвардии и даже армейских подразделений, причем с большим трудом. Характерно, что для разгона «сборища» в самом центре Парижа, у ворот Сен-Мартен и Сен-Дени, потребовалось два с половиной часа, причем демонстранты были очень активны, кричали, тушили фонари. Еще более знаменательной была попытка нескольких тысяч человек в Сент-Антуанском предместье освободить арестованных «краснобаев», т.е. ораторов, выступавших на рабочем собрании, бросая камни в отряд, их сопровождавший. Все это предвещало бурю.

Если 6 сентября, совпавшее с воскресным днем, прошло относительно спокойно (имели место лишь отдельные сходки в парижских пригородах, в частности в Иври), то подлинная буря разразилась в понедельник, 7 сентября. Этот день является кульминацией мощного рабочего движения, вспыхнувшего в столице Франции. Ф.В.Потемкин был, безусловно, прав, характеризуя события этого дня как «попытку восстания»⁶⁶. Впрочем, именно так оценивали эти события и сами французские власти того времени. Но Ф.В.Потемкин глубоко ошибается, полагая, что, мобилизуя крупные войсковые части, «парижские власти прибегли, как и в апреле 1834 г., к провокации»⁶⁷. Дело обстояло отнюдь не так.

С раннего утра многие улицы столицы, особенно Сент-Антуанского предместья, были наводнены тысячами рабочих. Сначала на улицу вышли рабочие-краснодеревщики, к которым стали присоединяться рабочие других профессий. Вскоре число демонстрантов, по свидетельству «Газет де Трибюно», превысило 22 тысячи человек. Первое воинское

подразделение, посланное, чтобы очистить улицы от демонстрантов и восстановить свободное движение в Сент-Антуанском предместье, натолкнулось на решительное сопротивление. Обстановка накалялась с каждой минутой. На улицах Траверсьер, Сент-Антуан и Ленуар из тачек, омнибусов, повозок и строительных материалов были сооружены четыре баррикады⁶⁸. В составленной вечером полицейской сводке события первой половины этого дня описываются следующим образом: «Кожевники, разогнанные вчера в Иври, начали собираться и побуждать к мятежу всех других рабочих предместья Сен-Марсо; в то же время рабочие-краснодеревщики, так же как и множество других рабочих Сент-Антуанского предместья, волновались и громко угрожали представителям властей; когда им было повторно предложено мирно разойтись, они оказали сопротивление, перевернули омнибусы и построили баррикады; они были чрезвычайно возбуждены; среди них были замечены мрачные личности с бородами и красными поясами, подстрекавшие их к восстанию. Шумное собрание происходило одновременно у заставы Мэн. В патрули, по мере того как они появлялись, швыряли камни; наконец, пост линейных войск был окружен и была сделана попытка его разоружить, что было предотвращено благодаря самообладанию солдат и появлению отряда муниципальной гвардии»⁶⁹.

В фондах Военного архива сохранилась записка, спешно написанная Делессером военному министру 7 сентября, в первой половине дня. Она состоит всего из нескольких слов: «Сию минуту происходят серьезные волнения, я спешу предупредить вас об этом, дабы вы приняли надлежащие меры»⁷⁰. Важен, однако, не только сам текст этой записки. Наспех написанная, она является наглядным свидетельством той паники, какой был охвачен в эти утренние часы префект полиции, который еще за три дня до этого был настроен оптимистически, полагая, что движение рабочих идет на убыль. Военный министр без промедления наложил резолюцию на имя командующего национальной гвардией маршала Жерара, который, в свою очередь, около 12 часов дня отдал соответствующее распоряжение командиру дислоцированной в Париже первой военной дивизии Брао.

О том, что произошло в тот день в Париже и какие были приняты военные меры, мы имеем сведения из отчета Брао на имя военного министра от 8 сентября.

«Вчера утром я был поставлен в известность, что несколько сборищ рабочих расположились на подступах к предместьям Сент-Антуан, Сен-Марсо, на площади Бастилии и около бульваров. Лишь муниципальная гвардия противостояла этим массам и рассеивала их, а точнее сказать, заставляла их передвигаться с одного места на другое. Она сразу же разрушила четыре баррикады, которые пытались возвести в Сент-Антуанском предместье». В полдень Брао получил распоряжение маршала Жерара занять воинскими частями стратегически важные пункты Парижа. «Войска вскоре со всех сторон проникли в столицу, и к трем часам все стратегические пункты были заняты воинскими частями». Войска вместе с национальной гвардией стали разгонять сборища, кото-

рые становились все многочисленнее. Последнее сборище на площади Бастилии было разогнано лишь к 12 часам ночи.

Принятый Жераром план подавления возможного восстания в Париже был разработан заранее, дополнительные войска были переброшены за три дня до этого, и поэтому потребовалось всего три часа, чтобы занять войсками столицу. Рабочие были безоружны. Они были бессильны не только перед регулярными воинскими частями, но даже перед муниципальной гвардией, которая разрушила сооруженные ими баррикады еще до вмешательства войск. В этих условиях удивительно не то, что выступление парижских рабочих было в конце концов подавлено, а то, что, несмотря на все это, они оказали столь упорное сопротивление вооруженным силам, которые лишь к полночи сумели разогнать все «сборища» и восстановить «порядок».

После событий 7 сентября мощное рабочее движение, потрясавшее Париж в течение целой недели, быстро пошло на убыль. В ближайшие дни имели еще место отдельные выступления, попытки организации новых «сборищ», но все они носили локальный характер. Постепенно заканчивались и забастовки рабочих различных профессий. Уже с 8 сентября во всю заработал судебный аппарат и началась судебная расправа над лицами, арестованными во время событий предыдущей недели. Согласно данным, приведенным генеральным прокурором в своем докладе министру юстиции от 25 сентября, всего по 8 сентября включительно было произведено 409 арестов. Среди арестованных было 140 прядильщиков 62 слесаря, 38 каретников, 29 каменотесов, 14 рабочих-портных, 5 переплетчиков, 10 сапожников и 05 рабочих других профессий. В докладе генерального прокурора приводились и приговоры, вынесенные 257 рабочим, дела которых были рассмотрены трибуналами с 8 по 18 сентября. Расправа была очень суровой: достаточно сказать, что 18 из них были приговорены к тюремному заключению, превышающему двухлетний срок⁷¹. Процессы над другими арестованными продолжались до конца октября, а некоторые затянулись и до 1841 г.

Теперь мы подошли к главному для нас вопросу: о связи сентябрьского выступления парижских рабочих с революционно-коммунистическим движением, с деятельностью тайных коммунистических обществ. Полицейский осведомитель де ла Одд делает на этот счет самое категорическое заявление. Говоря об Обществе коммунистов-революционеров, он безоговорочно утверждает: «Их самым значительным свершением была организация всеобщей забастовки 1840 г., грозной лавины, нависавшей над Парижем в течение недели»⁷². Такова была и версия официальных властей, приписывавших сентябрьские выступления парижских рабочих коммунистической агитации. Эта точка зрения была следующим образом резюмирована в докладе барона Жиро суду пэров. «Среди рабочих распространяли в изобилии пасквили, в которых хозяев изображали как эксплуататоров и бездельников и только рабочих — как тружеников, нужду которых беспощадно эксплуатировали хозяева; в них содержались обещания иллюзорного равного распределения труда и пользования. Эти

обманчивые доктрины оказали на рабочих сильное воздействие... Несмотря на то, что работа была в изобилии, а заработки высокие, рабочие стали покидать одновременно свои мастерские, как будто по приказу высшего руководства, и образовывать громадные сборища, иногда в пределах столицы, иногда в соседних коммунах; потом, когда момент был сочтен подходящим, попытались побудить их к всеобщему восстанию; но прежде их скомпрометировали убийством несчастного полицейского; наконец, восстание началось 7 сентября: в Сент-Антуанском предместье были воздвигнуты баррикады...»⁷³

С подобными утверждениями нельзя согласиться, так как они противоречат исторической истине. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что сентябрьская забастовка в Париже никем не была заранее спланирована и организована. Она была естественным результатом подъема рабочего движения, наблюдавшегося во всей Франции в 1840 г. Забастовки рабочих отдельных профессий, вызванные указанными нами выше экономическими причинами и связанные с конкретными экономическими требованиями, стихийно слились в Париже к началу сентября в почти всеобщую стачку. Это не значит, конечно, что стачечники не имели своих руководителей. Они были у рабочих различных профессий. Более того, когда забастовка приняла всеобщий характер, то установились непосредственные контакты между всеми рабочими, о чем свидетельствует хотя бы состоявшееся 3 сентября в Ла Шапеле собрание рабочих всех профессий. Но всеобщая стачка в Париже не была организована, как то утверждает де ла Одд, подпольным Обществом коммунистов-революционеров, и сентябрьские события не были искусственно вызваны коммунистической агитацией, как пытался истолковать их в своем докладе Жиро.

Это не значит, однако, что коммунистическая агитация, которую и в письменной, и в устной форме вели тайные общества, и прежде всего Общество коммунистов, не сыграла никакой роли в подготовке и проведении всеобщей забастовки в Париже. Совершенно несомненно, что деятельность тайных обществ, коммунистическая пропаганда и агитация, широко развернувшаяся весной и летом 1840 г., содействовала росту классового самосознания рабочих. Она содействовала сплочению рабочих, пониманию ими своих классовых интересов, побуждала их к борьбе. В своей докладной записке от 19 октября 1840 г. генеральному прокурору об Обществе коммунистов Делессер не без основания указывал, что, «организуя банкеты и распространяя многочисленные памфлеты, анархическая партия постепенно пытается возбудить класс бедных, класс трудящихся, против тех, кто, по их выражению, владеет всем, ничего не производя, и проповедовать царство абсолютного равенства, неистово нападая на все наши общественные институты и весь общественный строй в целом». В этой связи он писал: «Нельзя сомневаться, что этому пагубному чрезмерному возбуждению и следует приписать недавние коалиции рабочих... Если даже эти коалиции не были заранее предусмотрены и руководимы исключительно

демократической партией, все же они являются первыми симптомами морального недоумения низших классов, печальным результатом столь многочисленных согласованных маневров, чреватых для общества самыми большими опасностями. Враги монархии и всех наших общественных институтов идут к своей цели с невероятной дерзостью и упорством»⁷⁴. Эта оценка Делессера (если отбросить, разумеется, его терминологию и его эпитеты) была, несомненно, ближе к истине. Если тайные общества и не организовали по заранее разработанному плану сентябрьскую стачку, то, несомненно, Бельвильский банкет, в изобилии распространявшаяся среди рабочих коммунистическая литература и повседневная коммунистическая агитация активизировали рабочее движение. Об этом свидетельствует и следующий факт. Сразу же после сентябрьских событий генеральный прокурор, пересылая министру юстиции различные «подрывные публикации», в том числе и брошюры Пийо, писал: «Г-н префект полиции в своем письме от 17 числа этого месяца (сентября. — А.И.) сообщил мне один очень важный факт, а именно, что многочисленные экземпляры этих произведений были найдены почти у всех лиц, арестованных или подвергшихся обыску в связи с беспорядками, нарушившими спокойствие столицы. Кто может утверждать, что эти публикации не оказали пагубного влияния на недавние волнения рабочих классов?» Это обстоятельство действительно заслуживает серьезного внимания. Почти у всех арестованных в связи с сентябрьскими событиями (а ведь их было 409 человек!) была обнаружена «подрывная литература», прежде всего коммунистическая. Это является дополнительным и чрезвычайно важным свидетельством непосредственного воздействия коммунистической пропаганды на участников этих событий.

Всеобщая забастовка, вспыхнувшая в Париже в сентябре 1840 г., сразу же приобрела политический характер. Забастовки рабочих отдельных профессий, возникшие на почве экономических требований, слившись вместе, превратились в мощное выступление против всего режима Июльской монархии, против «законного порядка». Начались столкновения с полицией, муниципальной гвардией, а затем и с армейскими частями. Громадные «сборища» рабочих выкрикивали лозунги против властей, оказывали им открытое сопротивление, забрасывали камнями полицейских и гвардейцев, пытались отбивать арестованных, вторгались в различные промышленные предприятия. 7 сентября дело дошло даже до сооружения баррикад, до попытки открытого восстания, предотвращенного властями лишь с помощью введения военного положения, занятия всех важных стратегических пунктов столицы крупными воинскими подразделениями. Что в эти дни открыто велась политическая агитация против существующего режима, видно хотя бы из следующего факта. 7 сентября командующий первой военной дивизией писал военному министру: «Я имею честь направить вам памфлет, который был вручен вчера стрелку 4-го линейного полка, когда он шел по Сент-Антуанскому предместью, где этот памфлет раздавали». 12 сентября товарищ министра внутренних дел сообщал по

этому поводу министру: «Вы передали мне 11-го числа этого месяца крамольное сочинение, озаглавленное «Филиппика», которое было вручено 6 сентября одному стрелку 4-го линейного полка в момент, когда этот военный пересекал Сент-Антуанское предместье. Этот гнусный памфлет был также расклеен в различных местах Парижа, где в последние дни имели место волнения»⁷⁶. К сожалению, в архиве этот памфлет не сохранился, но совершенно ясно, что эта «Филиппика» носила политический характер и была направлена против режима Июльской монархии.

Кто же вел политическую агитацию в эти сентябрьские дни? Кто пытался придать всеобщей стачке политический характер и стремился, чтобы стачка эта переросла в открытое восстание? В своем донесении от 4 сентября Делессер сообщал: «Произведены многочисленные аресты, в результате которых установлено, что республиканская партия находится в союзе с коалицией рабочих»⁷⁷. На следующий день он писал: «Тайные общества очень воодушевлены и ищут всеми способами извлечь выгоду из сложившейся обстановки»⁷⁸. Конечно, и отдельные левые республиканцы-демократы могли в эти дни проявлять политическую активность, хотя у нас нет никаких данных, что реформистские организации как таковые, объятые страхом перед мощным социальным движением рабочего класса, пытались использовать это движение в своих политических целях. Зато мы хорошо знаем, какую роль играли подпольные коммунистические организации, особенно члены тайного Общества коммунистов.

Скажем сразу, что Дуриль, формально возглавлявший Общество трудящихся-эгалитариев, оказался не на высоте. Дуриль, человек посредственных способностей, колеблющийся и непоследовательный, был явно застигнут врасплох и не знал, что предпринять. По свидетельству де ла Одда, которому в данном случае у нас нет никаких оснований не верить, Дуриль «оказался не в состоянии дать этой толпе (бастующим рабочим. — А.И.) сигнал к выступлению. Он отправился в Сен-Шомон, где в течение двух дней располагалась лагерем индустриальная армия... Он ограничился переговорами с заправилами, пытаюсь проповедовать старую демократическую чушь, которую не стали слушать»⁷⁹. К тому же 3 сентября у Дуриля был произведен обыск, и он был арестован, так что в последующие дни он не мог принимать участия в дальнейших событиях.

Но члены тайных обществ, особенно члены Общества коммунистов, действовали, и действовали смело и решительно. Под их влиянием находились почти все вожак стачечного движения. Де ла Одд утверждает даже следующее: «Вожак отдельных профессий, вдохновленные коммунистическими идеями, объединились и образовали своего рода конгресс, чтобы поддержать решимость рабочих»⁸⁰. Если наличие какого-либо центрального органа, руководившего всем забастовочным движением представляется спорным⁸¹, то совершенно несомненно, что многие «вожаки» забастовки придерживались коммунистических убеждений, о чем свидетельствует и найденная у них при

аресте литература. Это подтверждает и письмо Пийо, арестованного в связи с сентябрьскими событиями по обвинению «в заговоре против безопасности государства», датированное 17 сентября и адресованное Шарлю Нуаре, в котором он писал: «Вы, должно быть, знаете из газет, с какой гнусной свирепостью трибуналы судят наших братьев (курсив мой.— А.И.), обвиненных в коалиции. Я, находящийся в центре этих позорных событий, заверяю вас, что цинизма здесь даже еще больше, чем жестокости. Но я счастлив, что имею возможность одновременно сообщить вам, что жертвы соревнуются друг с другом в отваге и преисполнены надеждой. Да не обманет будущее их ожидания»⁸².

В сентябре были арестованы наряду с многочисленными рабочими-забастовщиками также и лица, непосредственно связанные с сентябрьскими волнениями. Если дола прочих арестованных были рассмотрены в основном в течение сентября — октября 1840 г., то их процесс несколько задержался и состоялся только 8—10 июня 1841 г. в шестой палате уголовного трибунала Парижа. В отчете об этом процессе, опубликованном в «Газет де Трибюно», в этой связи говорится следующее: «Деятельность, за которую десять обвиняемых предстали сегодня перед шестой палатой, связана в основном с коалицией сентября прошлого года. Обыски, произведенные полицией, привели к аресту в то время многочисленных лиц, против которых, не считая обвинения в участии в коалиции, было начато следствие и по обвинению их в принадлежности к незаконным ассоциациям, хранении и ношении запрещенного оружия»⁸³. Среди этих обвиняемых был уже известный нам республиканец-демократ Блез, автор брошюры «Жак Простак», которую власти также считали подрывной и имевшей пагубное влияние на рабочих. Другим был Пийо, который, отрицая свою принадлежность к тайным обществам (такова была тактика и всех других обвиняемых), в своем красноречивом выступлении на суде открыто называл себя коммунистом, цитируя Мабли и отрывки из своей новой работы «Общность не является больше утопией», о которой нам придется говорить ниже. Среди обвиняемых был и Дуриль, арестованный еще в первые дни забастовки.

Из членов Общества коммунистов, представших перед судом и принимавших самое непосредственное и самое активное участие в сентябрьских событиях, наиболее выдающейся фигурой был, безусловно, Гийом Розье. Виктор Бутон, лично хорошо его знавший, писал о нем несколько лет спустя: «Розье погиб на июньских баррикадах (1848 г. — А.И.). Он был коммунистом в самом полном смысле этого слова». Весной 1848 г., намереваясь выдвинуть свою кандидатуру в Учредительное собрание, он передал Бутону текст своей речи, которую произнес в этой связи в одном из клубов и которую последний приводит в своей книге. В этой речи Розье заявлял: «В 1840 г., после того как я был одним из тех, кто организовал те многочисленные забастовки, которые явились прелюдией Февральской политической и социальной революции, после того как во время этих самых забастовок я вызвал восстание в Париже, побудив соорудить несколько баррикад в Сент-Антуанском предместье, я

был арестован с оружием в руках»⁸⁴. Что он был арестован именно в этих условиях, подтверждается и обращенными к нему словами председателя суда на июньском процессе 1841 г.: «Вы были арестованы 7 сентября на площади Бастилии среди группы рабочих. Вы имели при себе заряженный пистолет и патроны». Кроме того, у него было найдено обращение к солдатам⁸⁵.

Среди обвиняемых на этом процессе был Мари Самезен, содержатель меблированных комнат, арестованный одновременно с Розье и тоже имевший при себе оружие. Мы уже упоминали имя другого члена Общества коммунистов – сапожника Жана Менье, подписавшего в июле 1840 г. письмо редактору «Журналь дю пёпл», а затем принимавшего активное участие в издании и распространении «Унитарной системы» Майера. Он также предстал теперь перед судом по обвинению в принадлежности к нелегальной ассоциации и участии в сентябрьских событиях. Одним из обвиняемых был и типографский рабочий, наборщик Анри Теотем Лефюэль, которому председатель суда заявил: «У вас конфисковали сочинения, свидетельствующие о вашей большой экзальтации и о сложившихся у вас принципах, указывающих, что вы состояли членом этих (тайных. — А.И.) обществ». Другими привлеченными к суду лицами были портной Феликс-Уильям Картер, Эжен Одри, студент медицинского факультета (который, подобно Блезу, был не коммунистом, а революционным демократом) и виноторговец Франсуа Ламбрэн. У последнего тоже было найдено оружие, и он также был членом Общества коммунистов⁸⁶.

В своей речи прокурор пытался доказать, что все обвиняемые принадлежали к тайным обществам, имевшим прямое отношение к сентябрьским событиям предыдущего года. Адвокаты (среди которых был и Лаотьер, адвокат Розье) строили свою защиту на том, что у обвинения не было никаких конкретных доказательств принадлежности их подзащитных к тайным обществам. С этим вынуждены были согласиться и судьи, которые приговорили к тюремному заключению лишь троих: Розье — к 6-месячному, Самезена — 15-дневному и Ламбрэна — к 11-месячному, за незаконное владение оружием⁸⁷. Но прокурор опротестовал этот приговор, в результате чего высшая судебная инстанция приговорила Розье к восьми месяцам тюрьмы, Пийо — к шести месяцам, Ламбрэна, Лефюэля и Картера — к пяти, Блеза, Одри и Дуриля — к двум месяцам.

Не следует, однако, полагать, что в сентябрьском выступлении в Париже активно участвовали лишь те члены Общества коммунистов, которые были арестованы в эти дни, а затем преданы суду в июне 1841 г. Так, член этого же тайного общества Борель был арестован несколько позже в связи с делом Дармеса. Но он также активно участвовал в сентябрьском движении. По свидетельству Дармеса, Борель находился на равнине Пантена, где 3 сентября происходило 10-тысячное «сборище» рабочих, и «подстрекал к восстанию»⁸⁸.

До нас дошли и следующие сведения. Адольф Шеню, старый подпольщик, поддерживавший уже в те годы подозрительные отношения

с полицией, в своей книге о заговорщиках и тайных обществах в период Июльской монархии, опубликованной в 1850 г., сообщает о непосредственном участии в сентябрьских событиях 1840 г. и двух старых коммунистов — Бернара Порнена и Галлана. Мы говорим «старых» потому, что оба они входили в тайную коммунистическую организацию «Демократические фаланги», возникшую еще в 1837 г. и действовавшую параллельно с Обществом времен года. В 1840 г. оба они были членами Общества коммунистов. Еще в августе этого года Порнен был арестован по обвинению в заговоре и принадлежности к незаконной ассоциации, но освобожден две недели спустя⁸⁹. По словам Шеню, во время сентябрьской стачки Порнен и Галлан пытались побудить забастовщиков к мятежу против правительства. Вскоре прибыли полицейские и на площади Шатле, где происходило дело, начались столкновения, но когда полицейские получили подкрепление, Порнен и его люди обратились в бегство. Однако затем они напали на военный пост на улице Монсей, разоружили его и унесли с собой захваченные ими ружья⁹⁰.

Итак, члены тайных обществ, и прежде всего Общества коммунистов, не только приняли самое активное участие в сентябрьской забастовке парижских рабочих, но именно они содействовали тому, что она приобрела политический характер. Более того, именно они и пытались добиться, чтобы это движение переросло в восстание, а 7 сентября явились инициаторами возведения баррикад.

В сентябрьские дни 1840 г. еще не было объективных предпосылок для победоносной революции. В стране еще не сложилась революционная ситуация. Парижские рабочие были не только безоружны, но, что самое главное, полностью изолированы. Они не имели поддержки даже в мелкобуржуазных слоях населения. Что касается оппозиционных буржуазных кругов, выступавших под знаменем избирательной реформы, то они все еще надеялись добиться своих целей мирными средствами. Однако сентябрьское выступление парижских рабочих, в течение целой недели парализовавшее жизнь столицы, привлекшее к уличным столкновениям и вынудившее правительственные власти прибегнуть к помощи армии для его подавления, имело все же большое историческое значение. Оно было, по справедливому определению Розье, «прелюдией» Февральской революции 1848 г. Оно открыто выдвинуло те социальные проблемы, которые сыграли столь большую роль в революции 1848 г. Оно было примечательно и тем, что прошло при непосредственном участии людей, мечтавших о радикальном социальном переустройстве общества, революционных коммунистов того времени, еще не руководствовавшихся научной теорией, но самоотверженно боровшихся за интересы рабочего класса.

V

15 октября 1840 г. в конце дня какой-то человек стоял на углу площади Конкорд. Он дожидался кареты короля, который направлялся в Сен-Клу. Когда без десяти минут шесть на Тюильрийской набережной появилась эта карета, он вынул спрятанный под одеждой карабин и выстрелил в нее. Сидевшие в карете не пострадали; был ранен в ногу

один из выездных лакеев, стоявших позади кареты. Однако и сам покушавшийся был ранен в левую руку, так как карабин при выстреле взорвался. Он был тут же арестован, и личность его немедленно установлена. То был Эдмонд Мариус Дармес, 43 лет, полотор по профессии.

«Этот человек, — писал в своем донесении префект полиции, — воодушевленный необычайным фанатизмом, заявил, что он профессиональный заговорщик, что он враг королей, что он питает неприязнь к королю, поскольку тот тиран и не объявляет войны англичанам; он сказал также, что решил совершить покушение лишь за час до этого»⁹¹. Он имел при себе книгу Дуриля «Заговор генерала Мале». Во время произведенного в тот же день обыска у него на квартире по улице Паради № 41 были найдены многочисленные печатные издания, в том числе «Размышления об истории Франции» Мабли, проспект «Эгалитера». «Долг революционеров» Селье, «Ни замков, ни хижин» Пийо, а также различные рукописи, в том числе и его собственные⁹².

Вскоре выяснилось, что Дармес не только придерживался коммунистических убеждений, но и откровенно всем об этом говорил, даже своим работодателям. Некий Ост, директор одного учреждения на Монмартре, где в свое время работал Дармес, заявил на следствии: «В те дни, когда состоялся банкет в Бельвиле, он часто говорил о коммунистах... Он говорил по этому поводу: мы приняли новую систему пропаганды, а именно: говорить старухам об Иисусе Христе, рабочим — об их эксплуатации хозяевами, бедным — о черствости богатых с тем, чтобы потворствовать их страстям». Некая мадам Гребен, у которой Дармес также натирал полы, утверждала: «Главной темой его разговоров была общность...»⁹³. Выяснилось также, что он был знаком с Борелем, который и передал ему один из рукописных экземпляров устава Общества трудящихся-эгалитариев, а также с Симаром, от которого получил брошюру Пийо «Ни замков, ни хижин» и номера «Эгалитера»; что он встречался у виноторговца Консидера и с другими коммунистами, в том числе с кучером Дюкло (доставившим его в день покушения на площадь Конкорд), что он присутствовал на банкете в Бельвиле. Впрочем, и сам Дармес не думал скрывать своих убеждений. На допросах, категорически отрицая, что он имел сообщников в организации покушения на короля, он в то же время признавал, что был коммунистом и вел коммунистическую пропаганду. «Я был апостолом, который пытался поучать людей, которые лишь напивались и играли в карты. Я вел только одну пропаганду, пропаганду за общность»⁹⁴.

Не вызывает никакого сомнения, что Дармес был членом Общества трудящихся-эгалитариев (устав которого у него и нашли), вернее его фракции, принявшей название Общества коммунистов, в которой видную роль играл Борель. Последний на допросе совершенно недвусмысленно заявил по этому поводу следующее: «Дармес, который был принят в общество гораздо раньше меня, принадлежал к той части коммунистов, которой руководил Ж.Ж.Пийо»⁹⁵.

Однако покушение на короля Дармес задумал и осуществил

самостоятельно, без какого-либо прямого или косвенного участия тайного общества, к которому он принадлежал. Даже Жюст (Бразье), опустившийся до неприглядной роли доносчика и сообщивший властям много сведений о деятельности тайных обществ, писал по этому поводу следующее: «Я скажу вам также, что тайные общества не ставят себе целью совершать убийства, и поэтому Дармес, совершивший покушение на короля, не нашел поддержки среди тайных обществ, где говорили, что убить короля значит превратить его в невинного человека; исходя из своих принципов тайные общества стремятся осуществить революцию... и затем судить короля, а не убить его»⁹⁶.

В связи с покушением Дармеса было арестовано множество лиц, когда-либо общавшихся с ним и даже вовсе его не знавших. Но, несмотря на усилия следственных: властей, установить наличие заговора с целью убийства короля, им это так и не удалось. В конце концов перед судом пэров предстали вместе с Дармесом лишь Консидер и Дюкло, которые, за неимением никаких улик об их соучастии в покушении Дармеса, были оправданы. Суд пэров приговорил к смертной казни только самого Дармеса. Он был гильотинирован 31 мая 1841 г.

Дармес действовал как одиночка. Человек экзальтированный настолько, что не умел даже скрывать своих чувств перед теми, у кого он работал, фанатически преданный своей идее, готовый на самопожертвование, он находился под сильным впечатлением сентябрьских событий. Последовавшие за ними репрессии лишь еще больше ожесточили его. Он, несомненно, искренне полагал, что убийство короля приведет к крушению всего ненавистного ему политического и социального строя.

Для нас представляет интерес не покушение Дармеса как таковое, а те рукописи, которые он после себя оставил⁹⁷. Они дают нам уникальную возможность установить воздействие коммунистической пропаганды на рядовых людей труда. Конечно, пропаганда коммунистических идеалов велась не только представителями интеллигенции. Были и образованные рабочие, вроде того же Майера, которые сами не только устно, но и письменно пропагандировали и обосновывали эти идеалы. Но как воспринимались они рядовыми тружениками, людьми без всякого образования, большей частью малограмотными, как преломлялись в их сознании эти новые внушаемые им идеи, мы, как правило, не знаем. И вот именно с этой точки зрения рукописи Дармеса являются бесценными документами, так как дают нам возможность хоть в какой-то мере получить ответ на этот вопрос.

Невозможно на другом языке воспроизвести все их своеобразие. Написаны они малограмотно, если не сказать, безграмотно, не только с грубейшими грамматическими ошибками, но часто и без знаков препинания, без правильной структуры фраз, путаным языком. Первая из этих рукописей, озаглавленная «Речь человека из народа», относится еще к августу 1839 г. Видимо, Дармес уже тогда замыслил покушение на короля, потому что это не что иное, как предполагаемая речь, которую он намерен был произнести перед судом пэров. В этом сумбурном тексте

без какой-либо логической последовательности упоминаются имена Сократа, Платона, Ликурга, Руссо, события французской революции, содержатся резкие выпады против режима Июльской монархии. «Революция 1830 г., — читаем мы там, — была лишь убудком 89, но не забывают, что вскоре она родит доношенную дочь... не далек тот час, когда народный лев начнет свой быстрый бег, этот народ, который вы хотите подчинить вашим капризам, разбудит вас пушками, ружьями, кавалерийскими шпагами, революционными патриотическими песнями, которые воодушевляют умы и головы, возбуждают храбрость и отвагу, образуют республики во Франции и во всем мире». Среди других бумаг Дармеса следует отметить его обращение «Братья и друзья». В нем также мы находим путаное изложение истории Франции, народ которой был поработан еще при Хлодвиге и остается в рабстве, несмотря на революции 1789 и 1830 гг. В результате революции вместо прежних привилегированных всю власть захватили новые богачи, которые эксплуатируют трудящихся. Они только «заменяли название виллан названием пролетарий». Привилегированным классам общества противостоит «класс людей, которых мы называем трудящимися; добродетель, отвагу, гуманность и преданность своей родине можно в большинстве случаев найти именно среди них». Особого внимания заслуживает его обращение к солдатам, написанное в сентябре 1840 г. Речь идет о войсковых частях, сосредоточенных в Пантене, где происходили массовые собрания и демонстрации рабочих. «Солдаты! Мы являемся вашими безоружными и беззащитными братьями, мы пришли, чтобы обсудить наши права, равенство в распределении труда, эксплуатируемого в течение многих лет нашими хозяевами, мы хотим наконец покончить с эксплуататорами человеческого рода». Обращение это, в котором Дармес призывал солдат не стрелять в своих братьев-рабочих, свидетельствует о том огромном впечатлении, которое произвели на него сентябрьские события. Основываясь на этом документе, следователи пришли к выводу о его личном участии в этих событиях, что было вполне вероятно. Ведь вряд ли он написал это обращение лишь для собственного назидания. Не забудем, что среди рабочих, собиравшихся в Пантене, находился его близкий знакомый и единомышленник Борель, который, по его же собственным словам, подстрекал рабочих к восстанию. В докладе, представленном суду пэров, категорически утверждалось, что Дармес присутствовал на этих рабочих собраниях⁹⁸.

Дармес продолжал откровенно излагать свои взгляды и после ареста. Он послал из тюрьмы два обращения к властям. В первом из них он утверждал, что действовал вполне самостоятельно и не имел никаких сообщников, во втором — он ссылался на традиции Французской революции, казнившей Людовика XVI. «Теперь, — писал он, — вы хотите продолжать нас эксплуатировать, не оставляя ни малейшей возможности жаловаться». Люди, которых обвиняют в антиобщественных стремлениях и в пропаганде воровства, на самом деле хотят положить конец «эксплуатации человека человеком», «упразднить эксплуатацию

рабочих»⁹⁹.

Рукописи Дармеса свидетельствуют, что простые труженики вроде него своим классовым чутьем правильно воспринимали самую суть революционного коммунизма: надежду на новую, подлинно народную революцию, которая покончит с «эксплуататорами человеческого рода», положит конец эксплуатации рабочих.

Дармес пошел по неверному пути. Он думал индивидуальным террором, убийством короля, развязать эту революцию. Но уместно ли нам теперь в отрыве от исторической действительности того времени упрекать его за это? Можно только поражаться необыкновенному мужеству этого человека. Он знал, на что шел, и жертвовал своей жизнью вполне сознательно. В течение всего следствия он не пытался оправдаться, не изворачивался, не принимал никаких мер, чтобы спасти свою жизнь. Когда ему был вынесен смертный приговор, он категорически отказался подать прошение о помиловании. Даже стоя уже на эшафоте, он пытался произнести речь о грядущем «освобождении»¹⁰⁰. Имя Мариуса Дармеса не должно быть поэтому предано забвению при изучении истории революционного рабочего движения.

Хотя властям и не удалось привлечь к процессу Дармеса всех арестованных в связи с этим делом ввиду полного отсутствия улик, они все же не были намерены отпустить на свободу членов тайных обществ, попавших в их руки. Через месяц после процесса десяти, включая Пийо и Гийома Розье, арестованных еще в связи с сентябрьскими событиями 1840 г., в уголовном трибунале Парижа был организован новый процесс над семью коммунистами, арестованными по делу Дармеса: Рокари, Бужем, Периесом, Гере, Бельгизом, Мартеном, Робером (имена, профессии и возраст которых мы упоминали уже в первой главе)¹⁰¹. Этот процесс начался в седьмой палате уголовного трибунала 23 июля 1841 г. Все обвиняемые придерживались одной и той же тактики. Признавая себя коммунистами, они отрицали свою принадлежность к каким-либо тайным обществам. Рокари отрицал, что вместе с Борелем, оправданным по делу Дармеса и вернувшимся в Швейцарию, состоял в тайном обществе. Буж, у которого, по словам председателя суда, были найдены коммунистические брошюры «Все люди равны» и «Земля принадлежит всем», также это отрицал. Периес на вопрос председателя, является ли он коммунистом, ответил: «Это правда, я хочу торжества этих принципов», отрицая при этом, что он был членом тайного общества. Гере тоже признал, что он коммунист, но заявил, что «коммунисты не создают ассоциаций, они открыто излагают свои принципы». Он подтвердил, что общался в тюрьме с Пийо: «Он мыслит, как я, или, вернее, я мыслю, как он». Бельгиз, Мартен и Робер также признали себя коммунистами. Спустя две недели процесс был продолжен. После свидетельских показаний (из которых выяснилось, что Робер участвовал в коммунистическом банкете в Бельвиле) выступили с речами прокурор и защитники, среди которых был и Анри Селье. Суд, признав, что все обвиняемые принадлежали к незаконной ассоциации коммунистов, приговорил их к тюремному заключению от 15 дней до 6 недель¹⁰².

- 1 Archives Nationales, F7, 3890.
- 2 Cabet E. Ma ligne droite ou le vrai chemin du salut pour le peuple. P., Septembre 1841, p.45. — Bibliotheque Nationale, 8R, 18074(8). (Далее: BN).
- 3 См.: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981.
- 4 Cabet E. Op.cit, p.43.
- 5 Archives Nationales, CC 781.
- 6 Archives Nationales, BB18, 1386, N 868. Письмо министра внутренних дел от 22 сентября 1840 г.
- 7 Egalitaire: Journal de l'organisation sociale, 1840. mai. N 1. — BN, Lca. 2857.
- 8 Ibid., p.19-23.
- 9 Pillot J.J. Ni chateaux ni chaumiere ou etat de la question sociale en 1840. P., 1840. — BN, Lb5i, 3080. (Далее ссылки на эту брошюру даются в тексте).
- 10 Archives Nationales, BB18, 1386, N 858. Письмо министра внутренних дел министру юстиции от 22 сентября 1840 г.
- 11 Bouton V. Profile revolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848— 1849, p.152.
- 12 Archives Nationales, CC 773. Допрос Симара от 22 октября 1840 г.
- 13 Ibid., p.48-58.
- 14 Ibid., p.35-39.
- 15 Egalitaire, 1840, N 2.
- 16 Archives Nationales, BB18, 1386, N 858.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid., N 849. Письмо министру внутренних дел от 19 сентября 1840 г.
- 19 Gazette des Tribunaux, 1841, 9 juin. p.802—803; 11 juin, p.809—810.
- 20 Archives Nationales, CC 781.
- 21 Banquets democratiques. 3eme banquet democratique. Onzieme arrondissement. P., 1840, p.5—6.
- 22 Egalitaire, N 2, p.62—63.
- 23 Hodde L. de la. Histoire des societes secretes et du parti republican de 1830 a 1848. P., 1850, p.269.
- 24 Cabet E. Op.cit., p.24.
- 25 Archives Nationales, F7, 3890.
- 26 Ibid.
- 27 Premier banquet communiste le 1er juillet 1840Publiee par le Comite de redaction: J.J.Pillot, Th. Dezamy, Dutilly, Homberg. — BN, Ld39 782.
- 28 В работе М.Н.Машкина «Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос 1830—1871» (М., 1981, с.163) справедливо подчеркиваются колониалистические идеи в этом тосте, поскольку Конт не только не осуждал захватническую войну французских колонизаторов в Алжире, но и выражал пожелание, чтобы Алжир стал навсегда составной частью Франции.
- 29 Archives Nationales, CC 782. Бумаги, конфискованные у Дюпютя.
- 30 Cour des Pairs. Attentat du 13 septembre 1841. Interrogatoires des inculpes. P., 1841, p.352. Допрос Кютюра от 19 сентября 1841 г.
- 31 Premier banquet communiste..., p.1. 32Fraternite: Journal moral et politique, 1841, juill., p.3—4.
- 33 Dourille H. Histoire de la conspiration du general Malet. P., 1840, juill., p.9, 32.
- 34 Journal du peuple, 1840, 2 aout, p.1.
- 35 De l'afiranchissement du travail. P., 1840. — BN, Lb51, 3098.
- 36 Archives Nationales, BB18, 1386, N 849. Письмо товарища министра внутренних дел от 19 сентября 1840 г.
- 37 Ibid., N 858. Письмо министра внутренних дел министру юстиции от 22 сентября 1840 г.
- 38 Pillot J.J. Histoire des egaux ou moyens d'etablir Tegalite absolue parmi les hommes. P., 1840. — BN, R 14226. (Далее ссылки на брошюру даны в тексте).
- 39 Archives Nationales, CC 791. Бумаги, конфискованные у Нуаре.
- 40 Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier frangais. P., 1973, t.3, p.73.
- 41 Кабе пишет М.Майер, что может означать и «г-н Майер» и «М. Майер». В последнем случае это было бы подтверждением, что речь идет именно о Мишеле Майере. Но дело в том, что на предыдущих страницах Кабе, упоминая, например, о Пийо и Дезами, пишет: «М.М. Pillot, Dezamy etc.», т.е. использует заглавную букву «М» для обозначения не инициала, а слова «месье».
- 42 Cabet E. Op.cit., p.46.
- 43 Archives Nationales, BB18, 1398, N 2845. Письмо министру внутренних дел от 17 августа 1841 г.
- 44 Gazette des Tribunaux, 1841, 9 juin, p.803.
- 45 Systeme unitaire, ou lettres philosophiques a un ami de province Par E.Fresnoy. — BN, Rp., 2694. (Далее ссылки на это издание даны в тексте).
- 46 Dictionnaire de biographie frangaise. P.. 1959. Т.8.
- 47 Archives Nationales, BB8, 1387, X 998.
- 48 Cellier H. Devoir des revolutionnaires. P., 1840.— BN, Lb51, 3212,
- 49 Ouvriers associez-vous (1840). — BN, Lc, 48729.
«Vous qui souffrez des douleurs de vos freres
Qui dans vos mains tenez le sort de tous
Du travailleur pour guerir les miserres.
Ouvriers, associer vous...
De nos aieux relevez la banniere...
Comme eux pour vaiancre ensemble unissez-vous,
Par vos vertus briser enfin vos chatnes.
Ouvriers, associer vous...
Que par vos mains notre avenir se fonde
Courage, amis, le ciel luira pour tous,
A nos enfans leguons un meilleur monde.
Ouvriers, associons-nous.
- 50 Festy O. Le mouvement ouvrier a Paris en 1840. — Revue des sciences politiques, 1913, juill. -aout.
- 51 Histoire socialisteSous la direction de Jean Jaures. P., 1906. Vol.7. Fourniere E. Le regne de Louis-Philippe.
- 52 Aguet J.P. Les greves sous la Monarchie de Juillet (1830—1847). Geneve, 1954.
- 53 Tulard J. La prefecture de police sous la Monarchie de Juillet. P., 1964.
- 54 Потемкин Ф, В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т.2. Положение трудящихся масс и социальные движения, с. 136—150.
- 55 Archives Nationales. F7. 3890. Текст этого донесения полностью напечатан в описи фондов префектуры полиции, составленной Тюларом. См.: Tulard J. Op.cit., p.153.

56 Aguet J.P. Op.cit, p.206.
57 Archives Nationales, F7, 3890.
58 Aguet J.P. Op.cit., p.206.
59 Ibid.
60 Насколько ненадежны данные «Газет де Трибюно», которые использует Агэ в своей монографии, свидетельствует тот факт, что, говоря о «сборище» в Бонди, газета утверждала, что «рабочие не оказали сопротивления и быстро разошлись» (Aguet J.P. Op.cit., p.212). По вполне понятным причинам официальная газета стремилась, с одной стороны, возбудить неприязнь к бастующим рабочим, а с другой — преуменьшить их отвагу и стойкость.
61 Это воззвание на следующий день было опубликовано в «Газет де Трибюно».
62 Service historique de Гартёе де terre, E5, 146, N 6. Troubles a Paris, 1840.
63 Archives Nationales, F7, 3890. Донесение префекта полиции от
64 Ibid.
65 Service historique de l'annee de terre. 1840. E5, 166, sept, N 1492.
66 Потемкин Ф.В. Указ.соч., с.148.
67 Там же, с.149.
68 Aguet . P. Op.cit, p.215.
69 Archives Nationales, F7, 3890. Донесение префекта полиции от 7 сентября 1840 г. Текст этого донесения также напечатан в описи Тюлара. См.: Tulard J. Op.cit, p.153.
70 Service historique de l'armee de terre, E5, 166, Septembre 1840, N 1421.
71 Aguet J.P. Op.cit., p.222.
72 Hodde L. de la. Naissance de la Ropublique en fevrier 1848. P., 1850, p. 20.
73 Cour de Pairs. Attentat du 15 octobre 1840. Rapport fait a la Cour par le baron Girod (de l'Ain). P., 1841, p.52–53. Далее: Rapport... Girod (de l'Ain).
74 Archives Nationales. CC 772.
75 Ibid., BB18, 1386, N 858. Письмо генерального прокурора министру юстиции от 23 сентября 1840 г.
76 Service historique de Гартёе де terre, 1840, E5. 166, sept., N 1431,
77 Archives Nationals, F7. 3890.
78 Ibid.
79 Hodde L. de la. Histoire des societes secretes, p.278–279.
80 Ibid., p.278.
81 Один из участников забастовки — Мартин Надо в мемуарах, опубликованных в 1895 г., утверждал, что такой комитет существовал и он даже был его секретарем, но его свидетельство пока что не подтверждается другими данными. См.: Aguet J.P. Op.cit., p.212–213.
82 Archives Nationales, CC 791. Бумаги, конфискованные у Нуаре.
83 Gazette des Tribunaux, 1841, 9 juin, p.802.
84 Routon V. Op.cit. p.163.
85 Gazette des Tribunaux, 1811, 9 juin, p.803.
86 Это выяснилось еще во время следствия по делу Дармеса. См.: Rapport,.. par Girod (dc l'Ain), p.33.
87 Полный отчет о процессе см.: Gazette des Tribunaux, 1841, 9, 10, 11 juin, p.802–803, 805–806, 809–810.
88 Archives Xationalcs. CC 776. Допрос Дармеса на суде 24 мая 1841 г. Дармес, не

скомпрометировавший в своих показаниях никого из своих бывших сотоварищей, сделал это признание, поскольку считал Бореля предателем.

89 Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais, III, p. 243–244.

90 Chenu A. Les conspirateurs et les societes secretes. Deuxieme partie. P., 1850, p.101–102. — BN, Lb53, 14.

91 Archives Nationales, F7, 3890. Донесение префекта полиции от 15 октября 1840 г.

92 Покушению Дармеса посвящены папки 772–781 серии CC в Национальном архиве. Имеется и дело в Военном архиве Франции (Service historique de l'armee de terre. 1840, E5, 168. Attentat contre la vie du roi le 15 octobre 1840), но оно состоит в основном из рапортов командующих различных воинских подразделений с выражением возмущения в связи с этим покушением и заверением в верноподданнических чувствах. Любопытна, однако, докладная записка от 16 октября 1840 г. о некоем молодом человеке, по фамилии Рестригу, выразившем публично в кафе сожаление, что Дармес промахнулся. В Архиве префектуры полиции также имеется соответствующее дело, но оно посвящено в основном произведенным арестам и не содержит каких-либо ценных документов. См.: Archives de la Prefecture de Police, Aa. 426.

93 Rapport...par Girod (de FAin), p. 7, 11.

94 Archives Nationales, CC 780. Допрос Дармеса от 16 декабря 1840 г.

95 Ibid., CC 773. Допрос Бореля от 17 января 1841 г.

96 Ibid. GC 783. Brazier dit Juste. Dossier supplemental. Письмо Бразье герцогу Деказу.

97 Ibid., CC 781.

98 Rapport... par Girod (de l'Ain), p.53.

99 Archives Nationalcs, CC 777.

100 Process do Darmes devant la Cour des Pairs. P., 1840. — BN, Lb51, 3465.

101 См. выше, с.22.

102 Gazette des Tribunaux, 1841, 24 juill., 9 aout.

Глава третья

Революционно-коммунистическое движение в Лионе и Руане. Тайные коммунистические общества в Лионе. Общество «Будущее». Общество реформированных карбонариев. Журнал «Травай». Обращение «Коммунисты Руана своим парижским братьям». Бофур. Шарль Нуаре, его публицистическая деятельность и его письма «К трудящимся».

I

Революционно-коммунистическое движение существовало не только в Париже. Подпольные коммунистические организации имелись и в других городах, и прежде всего в Лионе. Лион, один из крупнейших индустриальных городов Франции, центр шелкоткацкой промышленности, город, где в 1831 и в 1834 гг. произошли первые рабочие восстания, был еще с 30-х годов XIX в. одним из очагов коммунизма. Из рукописных мемуаров Жозефа Бенуа, хранящихся в Лионе, известно, что еще в конце 1836 г. он организовал там первое коммунистическое общество

«Общество цветов» («Societe des Fleurs»). В середине 1838 г. в Лионе возникло «Общество семейств», вернее, отделение этого общества, центр которого находился, как известно, в Париже¹. Нет поэтому ничего удивительного, что в 1840 г. в Лионе было раскрыто новое тайное коммунистическое общество, носившее название «Будущее». Лионский прокурор Жирарден в своем докладе от 13 декабря 1840 г., озаглавленном «Записка о деле коммунистов Лиона» сообщал по этому поводу следующее. 27 августа этого года около полудня полицейский Брюне получил сведения, что в доме на улице Ретц № 43 были обнаружены на чердаке различные предметы, принадлежавшие, очевидно, какому-то тайному обществу. Там действительно были найдены не только фригийские колпаки, маски и другие аналогичные атрибуты, но обнаружена и подпольная типография. Там же были найдены 18 экземпляров устава общества «Будущее», а также списки лиц, вносивших членские взносы, т.е. членов этого общества. Это дало возможность арестовать ряд лиц, а именно: Альфонса Фавье, Жана-Франсуа Ру, Жана-Мари Брокера, Доминика Перье, Жана-Пьера Беля. Луи Кастеля, Пьера Кёра, Этьена Белорже, Антуана-Эмиля Морена, Антуана Байи, Дюмона, Шалона, Понжибо и Гробье. При обыске у этих лиц были найдены различные рукописи и документы. Так, у Фавье был найден черновик письма, в котором, между прочим, говорилось: «Я писал им, чтобы выразить всю мою признательность и чтобы развить верный план, который поможет нам завоевать обетованную землю Мабли, Ж.Ж. (Руссо. — А.И.), Бабефа, Буонарроти и др.». В одной из рукописей, найденных у Ру (видимо, проекта речи), мы читаем: «Вы будете пребывать в нужде до того времени, пока ни один человек не сможет больше сказать: эта земля принадлежит мне... Подобные рассуждения вызывают о мщении интриганам, которые низвели нас до этого ужасного положения. И кого же, думаете вы, я стану порицать при этих обстоятельствах? Я буду порицать нас, так как мы не имеем даже смелости сделать хоть одно движение, чтобы избавиться от бремени, которое нас угнетает». У Перье были найдены рукописи, где «шла речь о возрождении и о великом деле». У Беля были обнаружены республиканские песни, а также «проект экономического декрета». Тот же проект был найден и у Брокера.

В этом же архивном фонде³ имеются и доклады, представленные лионскому прокурору комиссаром полиции Бурдосом сразу же после раскрытия нового тайного общества. В первом из них он утверждал, что трудно установить, когда это общество было организовано. В докладе же от 31 августа 1840 г. он высказывался более определенно: «Общество, называемое "Будущее", организовалось в 1838–1839 гг. Однако, организовавшись в виде отдельного общества, оно продолжало признавать руководящий комитет Общества семейств Лиона».

В другом фонде Национального архива, в фонде уголовных дел, мы находим также два письма лионского прокурора, посвященные обществу «Будущее». В первом письме, от 16 декабря 1840 г. Жирарден утверждал, что раскрытое недавно в Лионе тайное общество коммунистического характера «является лишь ответвлением главного общества коммунистов

и ему подчиняется». Во втором письме, от 22 марта 1841 г., лионский прокурор, подтверждая, что общество «Будущее» имело свою подпольную типографию, сообщал, что там печатались «мятежные и анархические плакаты»⁴. К сожалению, он не переслал эти плакаты вместе со своим письмом в Париж.

Устав общества «Будущее» сохранился не только в архиве по и был приведен в докладе Жиро по делу Дармеса как свидетельство коммунистического «заговора», распространявшегося на всю Францию⁶. Наибольший интерес представляет введение к этому уставу. «Поскольку современное общество не дает никакой гарантии людям из народа, оно побудило их искать источник бед, их пожирающих; после зрелых размышлений они пришли к заключению, что необходимо сбросить столь тяжело угнетающее их иго и что надо употребить самые быстрые и самые действенные средства, дабы навеки уничтожить подавляющую нас тиранию. Поскольку ассоциация — самый короткий путь для достижения этого, нашим долгом является осуществить ее на практике». Этот принцип единственно истинный и справедливый, и ему должны посвятить всю свою жизнь люди, желающие блага человечества. Необходимо, чтобы народ пробудился и оросил землю кровью своих угнетателей. Они клянутся продолжать дело революционеров 93 г. и дать миру Свободу, Равенство и Братство. Каков же конкретно этот «великий принцип, устанавливающий высшую справедливость», за который надлежит бороться? Ответ на этот вопрос четко сформулирован во второй статье первого раздела устава, который гласит: «Общество имеет целью уничтожить любое монархическое правительство и заменить его республикой, основанной на принципе национальной общности».

Таким образом, этот устав вместе с документами, захваченными у арестованных, с несомненностью свидетельствуют, что лионское общество «Будущее» было тайным коммунистическим обществом, стремившимся революционным путем учредить коммунистическую республику. Оно вело активную пропаганду, имело даже подпольную типографию, где печатались «мятежные и анархические плакаты», распространявшиеся в Лионе. В докладе лионского прокурора при перечислении имен арестованных членов общества не указываются, к сожалению, их профессии. Но вряд ли можно сомневаться, что они в большинстве также были рабочими, как и члены парижских тайных обществ.

Архивные документы дают возможность установить существование в Лионе и другого коммунистического тайного общества под названием Общества реформированных карбонариев. Оно было организовано в 1840 г., а раскрыто лишь в октябре 1841 г.⁷ Поскольку общество «Будущее» было разгромлено в августе 1840 г., то новое тайное общество явилось как бы его непосредственным преемником. Наиболее полные сведения о реформированных карбонариях мы находим в заключительном докладе лионского прокурора Жирардена от 8 февраля 1842 г.⁸: «В 1840 г. в Лионе была создана ассоциация реформированных карбонариев. Там находилась центральная вента под названием "Постоянная Лиона". Эта

вента дала разрешение в сентябре 1841 г. на создание другой, названной "Бдительной". Она установила также связь с другими венти́ми, находившимися вне города, а именно с вентой, называемой "Авангард", основанной в Вильфранше, с вентой "Санкюлотов", существующей в Ансе, и вентой, находившейся недалеко от Лиона в коммуне Милери... Почти у всех обвиняемых нашли большое количество коммунистических публикаций... я должен даже отметить деятельное усердие прозелитов и удивительно широкое распространение этих сочинений». Рукописи арестованных являлись, по-видимому, текстами речей, подготовленных для заседаний тайного общества: «Один излагает свои идеи о формировании национальной гвардии, в которой, принимая во внимание, что добродетели чужды всякие внешние различия, их не будет существовать и между офицерами и солдатами. Другой приводит в экономическом аспекте номенклатуру паразитов...». О коммунистическом характере этого нового тайного общества свидетельствуют не только рукописи, найденные у арестованных, не только конфискованная у них коммунистическая литература, но и текст клятвы при приеме в общество, который гласил: «Во имя бога и человечества, во имя всех мучеников, проливших свою кровь за святую свободу и святое равенство, я (имя рек), веря, что все люди являются равными, что все люди — братья, добровольно и от всего сердца примыкаю к реформированным карбонариям... Я клянусь быть всегда готовым в случае необходимости сражаться против тирании, за права народа и общность». Согласно докладной записке прокурора, по этому делу были привлечены к ответственности 38 человек, из них 28 осуждены и 10 оправданы. Возглавляли эту «ассоциацию» Бурэ, Бриньеман и Пико.

Как видим, эта новая тайная коммунистическая организация, развернувшая свою деятельность в Лионе в 1840—1841 гг., была построена по образцу карбонарских вент. Примечательно, что она имела свои ответвления и в других близлежащих городах и коммунах. О распространении в то время коммунистических настроений в Лионе свидетельствует, например, и такой частный факт. Среди бумаг, конфискованных у Коломбье, было письмо из Лиона от 8 октября 1841 г., написанное неким солдатом Пайотом, называвшим себя коммунистом. Этот Пайот, по всей видимости член Общества трудящихся-эгалитариев, будучи мобилизованным и отправленным в Лион, писал оттуда Коломбье: «Несмотря на то, что мы носим военную одежду, мы и здесь нашли братьев»⁹.

Свой доклад об Обществе реформированных карбонариев Жирарден заключал следующими словами: «Я счел необходимым представить журнал «Травай», публикуемый в Лионе орган, выражающий идеи коммунизма, поскольку это начинание тайного Общества реформированных карбонариев»¹⁰.

Итак, лионский прокурор был твердо убежден, что издававшийся в июне—сентябре 1841 г. в Лионе журнал «Травай» был органом этого тайного коммунистического общества. Так ли это, сказать без дополнительных данных трудно. Тот факт, что в этом журнале

проскальзывали подчас «спиритуалистические» настроения, даже ссылки на христианство, отнюдь не является доказательством противного. Не во всех тайных коммунистических обществах доминировало материалистическое мировоззрение. Общество реформированных карбонариев, во всяком случае, не принадлежало к их числу, поскольку сама формула клятвы при приеме в это общество начиналась словами: «Во имя бога и человечества». К тому же журнал «Травай» отнюдь не превозносил христианскую религию как таковую. Отвечая на упрек, что на проповедуемых им доктринах лежит религиозный отпечаток, «Травай» писал по этому поводу следующее: «Мы имеем о боге то широкое представление, какое дала ему рационалистическая философия. И если мы используем эту идею при выражении некоторых наших мыслей, то она отнюдь не побуждает нас абстрагироваться от разума...»¹¹. Следовательно, журнал в мировоззренческом плане опирался не на религиозные догмы, а на рационалистическую философию, толкуя понятие бога в духе учения деистов. Да и не это являлось характерной чертой «Травай». Журнал пропагандировал идеи революционного коммунизма, и именно в этом заключалась его суть.

Первый номер журнала¹², опубликованный еще до выхода его первого номера и подписанный членами редакционной комиссии Бомом, Куанье, Катабаром, Раймоном и Бюском, следующим образом определял его цели: «Основанный рабочими, редактируемый людьми, вышедшими из их среды, "Травай" будет верно отражать идеи и убеждения всех трудящихся». Они отнюдь не хотят углублять раздор, «существующий между различными классами общества», а, наоборот, хотят устранить все причины «раздоров и борьбы». «Мы хотим совместного пользования всеми благами природы... Мы являемся коммунистами».

Первый номер «Травай» вышел в свет 20 июня 1841 г. Как первый, так и последующие номера журнала имели следующий эпиграф: «Поскольку никто на земле не может жить ничем, и так как ничего не производится из ничего, отсюда следует, что труд является основным и постоянным условием существования каждого и никто не может от него уклоняться, не совершая несправедливости и не обременяя своей долей труда долю другого. Свобода, равенство, братство! Святой девиз наших отцов! Можно стремиться его упразднить или высмеять, но он никогда не будет ни по-настоящему упразднен, ни подорван нанесенными ему оскорблениями, так как он истина, он свет; он идеал, которому надлежит следовать; он раскрытое будущее; он провозглашен уже в принципе, вскоре он будет осуществлен в реальной действительности; он незабываем и бессмертен». В первой статье, озаглавленной «Союз. К нашим братьям демократам», журнал призывал к объединению всех сторонников переустройства общества. «Угнетенные, какими мы являемся, объединимся же все в одном чувстве братского согласия с целью избавить себя от стольких несчастий и более надежно и в наикратчайший срок завоевать счастливое будущее, которое мы предчувствуем» (№ 1). Некоторые сомневаются, являются ли они революционерами. «Если революционер — это тот, кто хочет революции,

т.е. изменения существующего порядка вещей, то совершенно несомненно, что никто не является в более широком смысле этого слова революционерами, чем мы, которые стремимся к радикальной перестройке общества» (№ 1, с.2).

Второй номер журнала вышел в конце июля 1841 г.¹³ Он открывался программной статьей «Почему мы являемся коммунистами» (№ 2, с.9–10). Статья ставила вопрос: «Почему мы являемся коммунистами? Почему большая часть наших братьев, рабочих, также являются коммунистами?». Народ, хотя и не имеющий образования и работающий 15–18 часов в сутки, руководствуется своим здравым смыслом, своими страданиями, своими несчастьями. «Раб в античности, крепостной в средние века, пролетарий сегодня, всюду и всегда народ, т.е. самая многочисленная и единственно трудящаяся часть общества, был постыдно ограблен и эксплуатирован меньшинством, которому благоприятствовал случай». Хотя рабочий теперешних индустриальных городов и не является объектом купли-продажи, как колониальный раб, но фактически его положение не лучше; его рассматривают лишь как разумную машину, используемую для обогащения хозяев. Поэтому в настоящее время нельзя думать лишь о чисто политических реформах. «Человек, прежде всего, имеет право на жизнь, и чтобы это право не было иллюзорным или эфемерным, необходима широкая и предусмотрительная организация, охватывающая все взаимоотношения людей с целью извлечь пользу из свободных трудовых усилий и способностей каждого». Нельзя забывать прошлого. Нужно помнить о тех, кто пожертвовал собой во имя победы равенства, так и не достигнув своей цели. Нужно чтить их память и принять их святое наследие, но надлежит в то же время сделать вывод из уроков прошлого. «Если в течение 50 лет все имевшие место революции оставили нас в эксплуатации и нужде, если ни один из различных образцов правления, поочередно сменявших друг друга, не излечил раны общества, то необходимо признать, что эти беды не обуславливаются только тем или иным политическим устройством, а коренятся в самой социальной базе, т.е. в *собственности*, единственной и неизменной причине эгоизма, корыстолюбия, угнетения и всех пороков, всех гнусностей, которые оскверняют общество. Поэтому мы имеем основание полагать, что средство против стольких бед можно найти лишь в такой общественной организации, которая превратит всю *индивидуальную* собственность в собственность *национальную, общую*, при которой все люди будут иметь равное право пользования в результате равных обязанностей, предусмотренных для всех в силу принципа братства, вне которого нельзя надеяться на счастье». Пусть те, которым мало приходится жаловаться на пороки теперешнего общественного строя, требуют расширения политических прав или улучшений, лишь несколько облегчающих нужду народа. «Но если мы, бедные парии, удовлетворились бы подобными крохами... это было бы больше чем ошибкой, это было бы безумием». «Общность — не что иное, как средство осуществить полностью и на непоколебимой основе три великих принципа, провозглашенных нашей славной революцией: свобода, равен-

ство, братство. Общность! вот решение великой проблемы всеобщего счастья... С установлением общности исчезнут чудовищные наименования: дворянство и непривилегированные, буржуазия и народ, бедные и богатые, праздные и трудящиеся, эксплуататоры и эксплуатируемые. Именно общность обеспечит быстрое развитие прогресса во всех областях; именно она обеспечит осуществление самых обширных замыслов человеческого гения; именно в ее условиях будут наконец достигнуты великолепные цели, которые ставили перед человечеством». Идея общности обладает непреодолимой силой. «Достаточно было ознакомить с ней народ, как она сразу же завоевала горячие симпатии. За несколько месяцев она приобрела больше прозелитов, чем все другие социальные системы, вместе взятые, за десять лет... поэтому, несмотря на громовые обвинительные речи прокуроров, несмотря на вопли подкупленной прессы... она продвигается, опираясь на сильную и разумную демократию; она продвигается, расширяя с каждым днем круг своих побед; и вскоре можно будет сказать о ее мощи то, что победитель Италии сказал в Кампоформии относительно Французской республики: "Слеп тот, кто ее не видит"».

Из других материалов, помещенных в этом номере журнала, заслуживает внимания рецензия на книгу Бойе «О положении рабочих и его улучшении путем организации труда» (№ 2, с.13–15). Книга Адольфа Бойе, который сам был типографским рабочим, наборщиком, пользовалась в то время большим успехом. Впервые опубликованная за год до этого, она вышла в 1841 г. вторым изданием¹⁴. В своей книге Бойе подробно описывал тяжелое положение рабочего класса. Не ограничиваясь констатацией фактов, Бойе предлагал и некоторые средства, «которые можно было бы незамедлительно применить, чтобы улучшить положение пролетария». Бойе, однако, прекрасно понимал, что все эти средства — только паллиативы. «Не вызывает никакого сомнения, — писал он, — что рабочий будет свободен и по-настоящему освобожден лишь тогда, когда он будет владеть орудиями труда; все наши усилия — как правительства, так и общества — должны быть направлены на достижение этой цели». Этого можно достигнуть путем организации при поддержке правительства рабочих ассоциаций. Как видим, идеи Бойе были весьма близки к идеям Луи Блана, изложенным последним в своей известной книге «Организация труда», появившейся в 1839–1840 гг. Рецензия, помещенная в журнале «Травай», давала высокую оценку книге Бойе, однако выражала решительное несогласие с автором в связи с его предложением об организации рабочих ассоциаций при поддержке правительства. «В особенности, — читаем мы там, — не следует надеяться, что правительство приложит малейшее усилие, чтобы оказать нам содействие в осуществлении наших проектов реформ... Поэтому мы скажем автору рассматриваемого нами проекта: Вы хотите организовать, гармонизировать общество и вы не хотите ничего ниспровергнуть, ничего нивелировать?» Но это же совершенно невозможно.

Третий, последний номер, «Травай» вышел в сентябре 1841 г. В

статье «Об обществе», помещенной в этом номере журнала (№ 3, с.17–19), говорилось: «Совершенно очевидно, что у буржуа и пролетария нет никаких общих интересов; когда первый дает работу второму, он стремится обеспечить себе его труд по возможно более низкой цене, так как его доход увеличивается в результате снижения заработной платы». В статье «О труде и заработной плате» можно было прочесть: «Мы должны были бы краснеть за человечество, если бы нам пришлось рассказать некоторые подробности той постоянной, ожесточенной войны, которую ведут хозяева и рабочие и издержки которой в конечном счете всегда несут последние. Жестокая война... в которую пролетарий вступает нагим и без другого оружия, кроме своих рук, чтобы бороться против проходимцев, чья усадьба превратилась в фабрику, а мастерская является теперь тюрьмой, которые, огражденные защищающими их законами, забронированные в эгоизм, пользуются своим социальным положением, чтобы раздавить рабочего тяжестью своих сейфов».

Содержание «Травай» наглядно свидетельствует, что журнал этот не только пропагандировал коммунистические идеи, но и стоял на позициях революционного коммунизма. Прежде всего бросается в глаза необычно четкая характеристика классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом, непрерывной, ожесточенной «войны» между ними. Журнал считал не только ошибкой, но и настоящим безумием, если «бедные парии» согласятся удовлетвориться «крохами» — политическими и иными частичными реформами. Он с благоговением писал о людях, пожертвовавших в эпоху французской революции своей жизнью во имя победы равенства, считая необходимым принять их «святое наследие». Он призывал угнетенных «завоевать» свое счастливое будущее, считал не возможным осуществить радикальную общественную перестройку, ничего не «ниспровергнув», и именно поэтому резко осуждал планы «организации труда» в условиях современного общества. Тот факт, что последний номер журнала вышел в сентябре 1841 г., а с октября, когда было разгромлено Общество реформированных карбонариев, он прекратил свое существование, лишь подтверждает убеждение властей, что журнал «Травай» был, по существу, органом этой подпольной революционно-коммунистической организации.

II

Среди бумаг, изъятых у Пийо во время ареста в сентябре 1840 г., находилась и рукопись, озаглавленная «Коммунисты Руана своим парижским братьям»¹⁵. Это письмо-обращение помечено 17 августа 1840 г. Поводом для него послужил коммунистический банкет в Бельвиле, поскольку в этом обращении сказано: «Мы заверяем вас в нашем горячем сочувствии и просим принять наши поздравления в связи с важной манифестацией 1 июля... Среди порочного общества вы водрузили знамя, которое станет знаменем всего человечества; ведь люди не могут быть вечно разделенными, и эгалитарный принцип должен в скором времени привести в согласие их чувства. Постигнув эту истину, мы спешим стать под это освободительное знамя, которому мы останемся верными».

В письме-обращении подвергался критике существующий

общественный строй и провозглашались основные коммунистические принципы. «Напрасно говорят о прогрессе: тот, который сегодня осуществляется, является лишь прогрессом зла... Свобода уничтожена там, где существует неравенство. В чем же заключается свобода, если один может быть принужден делать то, от чего другой избавлен? И в чем же равны капиталист и трудящийся? Кто работает? Пролетарий. Кто пользуется продуктами труда? Богатый. На ком лежит все общественное бремя? На пролетарии. Кто имеет привилегии? Богатый... Какая может быть общность интересов между спекулянтами и теми, кого заставляют умирать от истощения, между теми, которые определяют размер заработной платы, и теми, которые, несмотря на чрезмерный труд, не имеют возможности восстановить свои истощенные силы». Между тем ведь задачей революции 1789 г. было упразднение чудовищной привилегии обогащаться за счет труда другого, которой пользовались дворянство и духовенство. Однако и сейчас «в странах, где политические нравы наиболее обширны, существует тем не менее постоянное преступление — эксплуатация человека человеком». Причина этому та, что буржуазия лишь использовала народ, чтобы отнять власть у других привилегированных каст. Желая обмануть народ, она вместо естественного равенства провозгласила равенство перед законом, политическое равенство, и в результате народ оказался еще более угнетенным, чем когда-либо. «Дело идет, следовательно, о том, чтобы заменить власть этих гнусных наследников прошлого народной властью... Нам, коммунистам, надлежит объявить эту добрую весть: люди труда, только от вас зависит избавление от ваших горестей... Да, обездоленные труженики, чужие на земле, орошаемой вашим потом, вы увидите зарю счастливых дней, если любовь к справедливости заставит биться ваши сердца. Привилегия — вот гидра, которую необходимо уничтожить. Институт индивидуальной собственности, происхождение которого то же, что и рабства, порождает эгоизм, сопровождаемый всеми пороками, и показывает нам уродливую картину богатства и нужды. Чтобы покончить с этим положением вещей, нужно заменить теперешние общественные порядки ассоциацией, в которой будет существовать общность обязанностей и прав всех ассоциированных, равное распределение общественных обязанностей и преимуществ в соответствии с возможностями каждого, что и является подлинным благосостоянием и что будет результатом общности имуществ... Индустрия — эта кормилица, оплодотворенная наукой, укрепленная искусствами, обещает нам благосостояние; будем же достаточно разумными, чтобы этим воспользоваться. Развитие всех способностей и удовлетворение всех законных потребностей — вот, что обязано обеспечить всем своим членам общество, цель которого соответствует законам природы... Прекратим же работу, которая лишь поддерживает развращенность наших хозяев, перестанем сносить их капризы... не будем больше терпеть, чтобы человечество находилось во власти каких-либо интриганов; граждане, станем наконец братьями, и тогда наши тираны будут побеждены...» В обращении резко осуждаются те, которые стремятся убедить, что не

следует говорить о социальном равенстве, и ищут каких-то окольных путей.

Обращение руанских коммунистов не отличается оригинальностью в обосновании коммунистического идеала как общественного строя, соответствующего «законам природы», обеспечивающего «естественное» равенство вместо формального равенства перед законом. Но в нем ясно чувствуется та социальная среда, которая являлась питательной почвой для распространения в эти годы идей коммунизма не только в Париже, но и во всей Франции. В нем противопоставляются капиталисты и трудящиеся, хозяева и пролетарии, говорится о «людях труда», «обездоленных тружениках». Именно в их интересах и выдвигается требование замены существующего строя новым, основанным на общности имущества. Интересно отметить, что авторы обращения называют этот строй ассоциацией, в условиях которой развитая индустрия, опирающаяся на достижения наук и искусств, обеспечит всеобщее благосостояние. Авторы обращения придают, таким образом, большое значение техническому прогрессу, развитию наук и искусств. В обращении не говорится подробно о том, как следует установить «ассоциацию», по всюду подчеркивается, что это — дело самих трудящихся, и прямо заявляется, что в этих целях необходимо заменить власть буржуазии народной властью. Интересен в этой связи и призыв к «прекращению работы» на хозяев, хотя эта мысль и недостаточно развита. Все это дает нам основание рассматривать обращение руанских коммунистов как документ, отражающий настроения не мирных, а революционных коммунистов. И, очевидно, не случайно, что документ этот был направлен не кому иному, как Пийо.

Письмо-обращение «Коммунисты Руана своим парижским братьям» подписано «от имени коммунистов» неким Бофуром. В архиве имеется найденная, очевидно, у того же Пийо и листовка этого Бофура, напечатанная в одной из руанских типографий и озаглавленная «Сильным мира сего»¹⁶. Бофур констатирует, что «повсюду человек труда испытывает лишения, хотя именно он создает изобилие». Бедный неизбежно зависит от богатого. Существует «гнусная эксплуатация человека человеком». Свободная конкуренция допускает спекуляцию, возможность обогащаться за счет чужого труда. Участь большинства людей — «унижение, страдания, забитость». «Избирательное право является гарантией всех других прав, но политическая реформа без реформы социальной могла бы явиться лишь средством для интриганов увековечить существующее зло благодаря непреодолимому влиянию тех, которые по своему усмотрению распоряжаются своим богатством: свидетельство тому — Англия, где нужда достигла своего апогея». «Всякое социальное устройство, противоречащее принципу первоначального равенства, является результатом тирании. Общность труда и его продуктов отвечает, следовательно, требованиям самой природы. Работа должна быть распределена согласно способностям каждого и сообразно его силам. Распределение продуктов труда должно как общее правило иметь целью удовлетворение потребностей всех. На

смену теперешнему порядку вещей должна прийти ассоциация трудящихся, благодаря которой продукты труда, количество которых станет умножаться до бесконечности, будут распределяться по-братски, невзирая на талант, согласно принципу: все члены общества взаимно необходимы для его благосостояния, каков бы ни был род их деятельности». Правда, ученые и артисты, имеющие потребности, незнакомые другим людям, получают большее вознаграждение за свои большие труды, но это обусловлено самим масштабом их активности, а в принципе каждый равен всем другим членам ассоциации. Бофур заканчивает свое обращение следующим призывом: «Трудящиеся, изменим институты, попирающие наши права и являющиеся источником всех наших несчастий, а вы, сильные мира сего, научитесь ценить то чистое наслаждение, которое дает любовь к человечеству».

Листовка Бофура повторяет требование, содержащееся в обращении руанских коммунистов, о замене существующего общественного строя ассоциацией трудящихся, основанной на общности имущества и коммунистическом принципе «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Бофур решительно отвергает фурыеристский тезис о вознаграждении за талант, но в то же время не считает потребности всех людей равными и, по-видимому, допускает даже большую долю «пользования» для «ученых и артистов», но не в силу их таланта, а принимая во внимание характер их труда. В листовке содержится призыв к трудящимся самим изменить существующие общественные институты, попирающие их права, но в то же время она призывает и «сильных мира сего» проникнуться любовью к человечеству.

Кем был этот Бофур, выпускавший в 1840 г. коммунистические листовки в Руане? Очевидно, что это был тот самый Бофур из Руана, «икарийский коммунист», который пытался в 1848 г. выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание в департаменте Нижней Сены¹⁷. Был ли Бофур икарийским коммунистом уже в 1840 г. или стал он им впоследствии? Ведь в 40-х годах происходил двойной процесс: с одной стороны, многие приверженцы Кабе становились сторонниками революционного коммунизма и членами тайных обществ, с другой стороны, к учению Кабе примыкали некоторые лица, ранее разделявшие революционно-коммунистические настроения. Вероятнее, видимо, второе предположение. Ведь этот же Бофур в 1836 г. был приговорен к двухлетнему тюремному заключению за изготовление пороха¹⁸, т.е. был до этого связан с революционными кругами и занимался отнюдь не мирной деятельностью.

Говоря о коммунистах Руана, следует иметь в виду следующее. Мы пока что не имеем никаких данных о существовании в Руане, как это было в Лионе, какого-либо тайного коммунистического общества. Коммунистами Руана называла себя группа лиц, выступавшая за коренное общественное переустройство с целью ликвидации «эксплуатации человека человеком», за освобождение от этой эксплуатации «обездоленных тружеников» и «пролетариев». У одного из руанских

деятели — Шарля Нуаре, имя которого нам приходилось уже упоминать в связи с его перепиской с Пийо, была найдена петиция, подписанная десятками лиц; в ней содержалось требование «справедливого распределения бремени, преимуществ и пользования». Петиция состояла из десяти пунктов, в которых речь шла об отмене всех привилегий, о всеобщем избирательном праве, о всеобщем обязательном и бесплатном образовании, о прогрессивном налоге и т.п. Десятый пункт этих требований гласил: «Организация труда, чтобы покончить с эксплуатацией человека человеком»¹⁹.

Петиция эта ясно отражала политические требования коммунистов Руана. Сопоставление стоящих под ней подписей с материалами департаментского архива Нижней Сены и муниципального архива города Руана дало бы, очевидно, возможность выяснить социальный состав этой группы и получить сведения, если не обо всех, то о некоторых ее членах.

В бумагах, конфискованных у Нуаре, имеется следующий интересный документ. Это текст тоста некоего Бриера, сапожника, который он произнес или намерен был где-то произнести. Среди выраженных в нем пожеланий мы встречаем и такие: «За объединение патриотов», «за ассоциацию, за согласие», «за гармонию интересов пролетариев», «за упразднение всех привилегированных каст», «за возрождение принципов равенства и братства», «за годовщину 14 июля, славный и памятный день нашей великой революции 89 г., которая показала нам пример, как надо сокрушать иго тиранов и врагов человечества». В заключение этого тоста говорилось: «Не дадим поработать себя как несчастных рабов, будем всегда готовы поддержать неоспоримые права нашего будущего и благо родины. Да настанет день, когда все наши права будут признаны». Тост Бриера — еще одно свидетельство революционных настроений, распространенных среди руанских коммунистов²⁰.

Но наиболее выдающимся руанским деятелем был, безусловно, сам Шарль Нуаре²¹. Он родился в Руане 20 октября 1802 г. и по профессии был ткачом. Уже в 1836 г. опубликовал свою книгу «Записка руанского рабочего»²², в которой ярко описал ухудшение положения ткачей за предшествующее десятилетие. Он предлагал создавать рабочие индустриальные общества. 500 или 1000 рабочих должны были бы собирать по подписке 1–2 фр. в месяц. Через несколько лет, собрав необходимую сумму, можно было бы организовать своего рода кооперативное предприятие. «Сегодняшние рабочие, — писал он, — не являются рабочими, а машинами, совершенно лишенными способности мышления, и это потому, что хозяева присваивают все доходы промышленности... Дело обстоит бы совершенно иначе, если бы рабочие эксплуатировали индустрию совместно и за свой собственный счет...»²³

Итак, в начале своей общественной деятельности Нуаре выступал как один из пропагандистов «рабочих ассоциаций», т.е. за создание кооперативных предприятий в условиях существующего общественного строя, думая тем самым оградить рабочих от эксплуатации со стороны хо-

зьев. Одновременно он выступал и как поборник всеобщего избирательного права и других демократических реформ. Он стал сотрудничать в «Журналь дю пёплъ». Среди бумаг, конфискованных у редактора этой газеты Дюпотти, имеется и шесть писем Нуаре от 9 ноября 1839 г. до 13 июля 1841 г.²⁴ 28 апреля 1840 г. он писал Дюпотти: «Я пришел к заключению, что наши доктрины преподносятся путем дискуссий изолированно и что настало время объединить их в одно единое, компактное целое, которое явилось бы как бы нашим знаменем. Именно это я и попытался сделать в "30 условиях", содержащихся в рукописи, которую я вам пересылаю и прошу опубликовать. Если в силу сентябрьских законов (1835 г. — А.И.) эти "условия" не могут быть опубликованы, я просил бы вас познакомить с ними наших друзей». Из другого его письма от 28 июня 1840 г. видно, каковы были эти разработанные им «демократические условия». Он представил к ним два дополнения. Первое касалось «непрерывности народных собраний». Эти собрания должны иметь место один или два раза в неделю. В экстренных случаях они должны собираться по звону колокола. Этот сигнал мог бы подать любой гражданин, который подлежал бы, однако, наказанию, если бы он это сделал без уважительной причины. Жизнь народа столь же непрерывна, как и жизнь отдельного человека, следовательно, должен быть столь же непрерывен и его суверенитет. Другое дополнение Нуаре касалось исполнительной власти. Нуаре отрицал необходимость централизованной исполнительной власти. Должностные лица должны быть слугами суверена-народа, и им незачем объединяться в какие-либо единые органы, чтобы выполнять свой долг. У современных наций правительственный произвол безграничен. Финансы, торговля и общественные работы дают правительству возможность распоряжаться материальными ресурсами; с помощью религии и правосудия оно подчиняет себе сознание людей; с помощью полиции оно лишает граждан индивидуальной свободы; с помощью военной силы оно может истребить всех тех, кто не обрекает себя на беспрекословное подчинение; используя внешние сношения, оно может торговать судьбами нации. Народы, даже имеющие демократическое устройство, не заметили, что, учреждая особые органы, обладающие всей полнотой власти и распоряжающиеся всеми общественными ресурсами, они сами создали тиранию, под игом которой вынуждены пресмыкаться. Напрасно провозглашали, что правительство должно быть лишь исполнителем общей воли; раньше или позже народы превращались в стадо рабов, так как властям всегда удавалось заменить собой народный суверенитет. Лишь предлагаемый им административный режим, т.е. отсутствие централизованной исполнительной власти, может предотвратить это и обеспечить в нормальное время безопасность и суверенитет народа. Но могут возникнуть чрезвычайные обстоятельства; тогда необходимо будет назначить комитет, уполномоченный предпринимать все необходимые меры, но под контролем законодательной власти. Конечно, возможны и еще более совершенные политические порядки. Можно отменить и законодательную власть: народ сам бы устанавливал законы, а

должностные лица их выполняли. Но это может быть осуществлено только в маленьких государствах, где все граждане могут собираться в одном месте без дальних переездов, где гуманитарное, политическое и социальное воспитание было бы более развитым и где требовались бы лишь немногочисленные простые законы. В конце своего письма Нуаре выражал сомнение, смогут ли его «условия» быть опубликованы. В случае если они будут опубликованы, хотя бы отдельными частями, он просил изготовить за его счет несколько сот экземпляров оттисков с тем, чтобы распространить их по всей Франции. В постскриптуме он сообщал, что в настоящее время он намерен разработать свои идеи об «организации труда» и написать статью о подлинной справедливости.

В архиве Дюпоти имеется также статья «О потреблении», подписанная «Ш.Нуаре. Рабочий Руана». Эта статья была, видимо, послана им редактору «Журнал дю пёпл» еще до его вышеизложенных писем, в разгар промышленного кризиса 1839 г. Нуаре констатировал в ней, что магазины полны товаров, а торговля находится в застое. Поверхностные и отсталые люди исходя из этого утверждают, что производят слишком много и что применяемые в промышленности машины являются бедствием, так как оставляют рабочих без работы. Но это отнюдь не так. Ведь на одного зажиточного приходится 19 бедных, которые даже в обычное время лишены самого необходимого. Говорить, что имеется слишком много товаров, в то время как абсолютное большинство населения испытывает недостаток во всем, равносильно утверждению, что имеется избыток продовольствия, когда все умирают от голода. Покончить с этим положением может только финансовая реформа, которая, однако, может быть осуществлена лишь в результате реформы политической. Можно без преувеличения сказать, что подлинно народный режим смог бы легко сократить бюджет почти наполовину. Кроме того, если те, кто ведет дела, будут находиться в абсолютной зависимости от тех, кто платит налоги, и под их строгим контролем, то будет покончено со всем разбазариванием средств, хищениями, льготами, бесцельными тратами, что также даст значительную экономию. Все это сделает возможным вовсе отменить косвенные налоги на предметы первой необходимости и уменьшить налоги на сырье, необходимое промышленным предприятиям, с тем, чтобы они могли выдержать конкуренцию с границей, не снижая заработной платы. Одновременно станет возможным содержать стариков, больных, вдов, сирот, истинно неимущих. Даже оставались бы еще средства для финансирования общественно полезных работ с тем, чтобы во время кризисов предоставлять работу безработным. В результате подобной реформы все были бы обеспечены необходимым, трудящиеся зарабатывали бы больше и имели бы возможность удовлетворять свои потребности. Потребление возросло бы вдвое, и не только не было бы залежалых товаров, а не хватало бы даже рук для их производства, поэтому использование машин в промышленности стало бы крайне необходимым, чтобы они могли восполнить человеческий труд, избавляя в то же время человека от тяжелой работы.

Документы, сохранившиеся в архиве Дюпоти, дают возможность составить представление об общественно-политических взглядах Нуаре в начальный период его деятельности. Не понимая сущности капиталистического способа производства, он видел, однако, все присущие ему противоречия, особенно ярко проявлявшиеся в период промышленных кризисов. Он видел, что перепроизводство товаров имело место в условиях, когда широкие народные массы не имели возможности удовлетворять свои самые насущные потребности. Не зная подлинных путей для ликвидации этого вопиющего противоречия, он наивно полагал, что соответствующая налоговая реформа даст возможность вдвое повысить потребление, ликвидировать искусственное перепроизводство и обеспечить бескризисное развитие промышленности с широким использованием машин, роль которых он высоко ценил. Но уже тогда он хорошо понимал, что даже такая финансовая реформа могла быть лишь следствием политической реформы, установления «подлинно народного режима». То, как он представлял себе этот «народный режим», видно из его писем к Дюпоти. Нуаре недвусмысленно выступал за прямое народоправство, за «непрерывность народных собраний», за ликвидацию централизованной исполнительной власти и даже выдвигал как идеал, хотя и недостижимый, упразднение законодательных учреждений.

Следует, однако, иметь в виду, что Нуаре посылал свои статьи редактору «Журнал дю пёпл», рассчитывая на их опубликование в этом демократическом органе. Они касались поэтому в основном политических вопросов или текущих экономических проблем, связанных с промышленным кризисом 1839 г. Между тем если еще в своей первой книге он выдвигал вопрос о создании «рабочих ассоциаций», то к 1840 г. он пришел уже к твердому убеждению о необходимости не только политической реформы, но и коренного переустройства общества на совершенно новых началах. Об этом имеется прямой намек в его письме к Дюпоти от 28 июня 1840 г., где он писал, что намерен в ближайшее время, занимаясь проблемой «организации труда», изложить свои взгляды на «подлинную справедливость». Что это действительно было так, свидетельствует и то, что он к этому времени установил прямой контакт с Пийо.

Сохранилось лишь одно письмо Пийо к Нуаре от 17 сентября 1840 г., на которое мы ссылались в другой связи. Но из этого письма видно, что они переписывались уже давно. Более того, из этого письма выясняется, что Нуаре обращался к Пийо с просьбой переслать ему сорок экземпляров его брошюры «Ни замков, ни хижин...», что тот в свое время и сделал, а теперь посылал ему такое же количество экземпляров своей новой работы «История равных». В то же время Пийо сообщал, что он распространил среди своих друзей «исправления» Нуаре, так и не принятые «Журнал дю пёпл» (речь идет о двух дополнениях к «демократическим условиям» — относительно народных собраний и исполнительной власти). В заключение своего письма он просил передать привет «нашим друзьям в Руане»² Таким образом, Пийо и Нуаре

поддерживали между собой тесный контакт. Пийо распространял в Париже проекты Нуаре об установлении прямого народоправства, а последний, в свою очередь, распространял в Руане брошюры Пийо, пропагандировавшие коммунистические идеалы.

Одно место в этом письме заслуживает особого внимания. «Продолжайте в том же духе, мой дорогой друг, — писал Пийо, — сделайте еще несколько шагов вперед, объедините ваши добросовестные усилия с нашими, смело приблизьтесь к принципам *абсолютного Равенства*, проникнитесь его возвышенными истинами, распространяйте их во всей их чистоте среди наших братьев, вас окружающих, и, быть может, мы увидим их осуществление скорее, чем мы смеем сегодня надеяться, несмотря на недоброжелательство некоторых и отсутствие сознательности у большинства». Как понять эти слова Пийо? С одной стороны, тот факт, что он в своем письме просил Нуаре передать привет их руанским друзьям, свидетельствует о том, что он рассматривал Нуаре как члена кружка «коммунистов Руана», переславших ему за месяц до этого, 14 августа, свое обращение. С другой стороны, его призыв показывает, что он не считал еще Нуаре подлинным коммунистом и побуждал его сделать еще несколько шагов вперед и пропагандировать принципы абсолютного равенства «во всей их чистоте». Очевидно, дело заключалось в следующем. Хотя Нуаре и был близок с руанскими коммунистами, возглавлявшимися в то время Бофуром, хотя он и распространял в Руане коммунистические брошюры Пийо, но сам он до этого выступал лишь с пропагандой радикальных политических реформ. Однако Пийо не знал, что как раз в это время Нуаре, закончив разработку своих идей об «организации труда», приступил к изложению своих планов коренного переустройства общества.

Письмо Пийо из тюрьмы помечено 17 сентября 1840 г., а уже 19 сентября было опубликовано в Руане обращение Нуаре «К трудящимся»²⁶. Обращение начиналось следующими словами: «Рабочие... мы рождаемся в нужде, живем в нищете и умираем в бедности; все наше существование — длинная, непрерывная цепь страданий и лишений» (1). «Причина заключается в том, что мы находимся в абсолютной зависимости от тех, которым неважно каким образом благоприятствовала фортуна; они устанавливают законы и используют их против нас в своих интересах; они пэры, депутаты, министры, администраторы, судьи; они заставляют нас работать для своей выгоды... они все присвоили себе, оставив нас в нужде и невежестве... имеются тюрьмы, готовые нас поглотить, если мы образуем коалицию, если мы объединяемся для защиты наших интересов... и чтобы еще лучше сковать нашу цепь, нам навязали рабочие книжки!» (2). Рабочих хотят уверить, что хозяева предоставляют им работу. «Если они дают нам работу, то делают это ради самих себя, а не для нас; доказательством этому является то, что в период кризиса они безжалостно выбрасывают нас на улицу. Наши отношения с ними своего рода принудительная сделка... эта сделка обогащает тех, кто ничего не делает, и лишает всего тех, кто работает» (4). Кроме того, существуют многочисленные негоцианты, торговцы, комиссионеры, перекупщики и

другие лица, ограничивающиеся, дабы зарабатывать деньги, куплей-продажей, которым вместе с хозяевами можно дать общее название — посредники (5). «Конкуренция приводит к борьбе между капиталистами, разоряя одних в пользу других; в результате капиталы сосредоточиваются в немногих руках; те, кто их имеет, являются хозяевами народа; это на них мы работаем, это из-за них мы страдаем; это мы оплачиваем им дворцы, их позолоченные панели, их экипажи... это мы оплачиваем их блестящие украшения, их балы, их званые вечера, спектакли, их публичных девок; мы же обеспечиваем их средствами, дающими им возможность совращать наших жен и дочерей» (6). Вся тяжесть налогов лежит на трудящихся. «Все, что мы потребляем: мясо, напитки, соль, табак, обложены большими налогами, повышающими их стоимость, в то время как предметы роскоши свободны от них» (6). Ведь необходимо содержать двор со всей его роскошью и расточительством, содержать чиновников, покупать нужных людей, оказывать финансовую поддержку газетам, «чтобы нас обманывать и оскорблять», содержать громадную армию и «легионы шпииков» (8). Рабочим внушают, что они не должны заниматься политикой. «Мы работаем 16 часов в день и пять с половиной дней из семи, и все же мы умираем с голоду; мы терпим самые ужасные лишения, наша нужда непрерывно растет, наше положение невыносимо... И вы говорите, что политика нас не касается!». Но одна лишь политическая реформа недостаточна для коренного улучшения положения рабочих. «Если бы мы завоевали право назначать и смещать должностных лиц, надзирать над ними и их наказывать, а также право отклонять законы, невыгодные для народа, мы, несомненно, сделали бы значительный шаг вперед. Но мы, рабочие, в отношении наших средств существования все еще зависели бы от капиталистов и спекулянтов, а нельзя быть равными ни по праву, ни фактически с теми, от которых зависят, поскольку зависимость всегда обуславливает более низкое положение, и поэтому вышестоящий всегда находит способы навязать свою волю подчиненным. Очень многие из нас голосовали бы не согласно своим убеждениям и ради общего блага, но согласно указаниям хозяина... Наше завоевание (всеобщего избирательного права. — А.И.) не устранило бы посредников, которые, как вы знаете, жиреют на нашем поте, и не упразднило бы конкуренцию, всегда вынуждающую нас работать за низкую заработную плату» (15—16). Есть лишь одно средство, чтобы покончить с существующим положением, — это организация труда. Свои взгляды на этот вопрос автор обещал изложить «в следующем письме» (16—17).

Это первое обращение Нуаре уже само по себе являлось замечательным документом. В нем не шла речь о «народе» в целом, о трудящихся массах вообще, и даже о «пролетариате» в том широком смысле, в каком этот термин обычно использовался в те годы. В нем говорилось конкретно о рабочих, о рабочем классе. В своем обращении Нуаре не просто констатировал тяжелое положение рабочих в современном ему обществе, такого рода описаний было много в литературе тех лет. Он в то же время вскрывал и непримиримые

классовые противоречия между «рабочими» и «капиталистами». Противоречия эти, полагал он, не могут быть устранены одной лишь политической реформой, установлением всеобщего избирательного права, поскольку капиталисты продолжали бы господствовать над рабочими, а в условиях этого господства даже всеобщее избирательное право использовалось бы ими в своих интересах. Подлинное освобождение рабочих могла, по мнению Нуаре, принести лишь «организация труда». Что же понимал он под этими словами? Ответ на этот вопрос мы находим в следующей опубликованной им в Руане брошюре под названием «Второе письмо к трудящимся» с подзаголовком «Организация труда»²⁷. Обращаясь к своим «дорогим товарищам», Нуаре прежде всего ставит вопрос об историческом возникновении «эксплуатации человека человеком». Эта эксплуатация возникла тогда, когда некоторые лица захватили орудия производства и заставили других работать на себя. Сейчас считается вполне законным, что собственниками являются лица, получившие собственность по наследству, эксплуататоры, наживающиеся на труде рабочих, разбогатевшие мошенники; рабочий же, все производящий, не владеет ничем, и это тоже считается вполне законным (2). Между тем общественные институты должны быть основаны совсем на другом принципе. «Тот, кто не производит, не имеет нрава потреблять: другими словами, кто не работает, не должен есть. Вот принцип, который следует положить в основу общественных институтов и который восторгается благодаря организации труда путем ассоциации» (3). Ассоциация устраняет всех «посредников». «Таким образом, нам остается все, что спекуляция сейчас у нас отнимает, мы избавимся от тех, кого мы называем нашими хозяевами... каждый из нас, будучи заинтересован в общем благосостоянии, проявит свою активность, все свое усердие, на какое он только способен; и так как только мы знаем, какие улучшения можно внести в труд, индустрия достигнет быстрых и удивительных успехов; машины будут работать только на нашу пользу, и мы будем заинтересованы умножить их число» (3–4). Но чем же должна быть эта ассоциация и как ее надлежит организовать?

Нуаре считает, что возможны три различные степени организации труда. Первую из них он характеризует следующим образом: «Отдельные и специальные ассоциации, или общества, рабочих одной и той же профессии и в одном месте» (10). Речь идет о рабочих ассоциациях, организуемых в условиях существующего общественного строя, идею которых он выдвигал еще в 1836 г. Но для организации такого рода ассоциаций нужны деньги, которые в настоящее время правят миром. Откуда же добыть необходимые средства? Можно было бы собрать необходимую сумму для организации подобного рода ассоциаций путем еженедельных, ежемесячных или иных взносов. Но ведь трудящиеся, имеющие мизерные средства, могут в лучшем случае делать незначительные взносы и необходимый фонд будет создан лишь спустя много лет. Другим средством для организации таких ассоциаций мог бы явиться кредит. Нуаре относится очень скептически к возможности получения такого кредита от капиталистов. Такой кредит могло бы,

конечно, предоставить правительство, которое даже взяло бы на себя инициативу организации подобных ассоциаций по единому общему плану в масштабе всей страны. Но Нуаре мало верит в эту возможность. «Все эти средства, которые я указал, — пишет он, — сколь бы мирными они ни были, натолкнутся бы на препятствие, быть может, непреодолимое. Вы ведь знаете, что те, кто живет за счет нашего чрезмерного труда, являются как раз теми, кто нами правит и за нами присматривает. Разрешить нам, чтобы мы ассоциировались и в результате больше не обогащали их, означало бы для них самоубийство ... если бы существующие законы не оказались достаточными, они установили бы другие, чтобы нам помешать, чтобы нас сковать. При всех обстоятельствах, особенно в 1830 г. в Руане, в 1831 г. в Лионе я недавно в Париже (речь идет о сентябрьских событиях 1840 г. — А.И.), мы видим, как отвечают на наши требования, как понимают правосудие; свинцом и железом насыщают тех, кто голоден; тюрьмами и мучениями лечат тех, кто страдает» (9–10). К тому же подобные рабочие ассоциации наряду с преимуществами имели бы ряд недостатков. Организованные по отдельным профессиям они дробили бы производство, нуждающееся во взаимосвязи, что могло бы даже привести к столкновению интересов между ними. Главное же то, что они не устранили бы всех «посредников» и оказались бы в зависимости от коммерсантов, торгашей и спекулянтов (10–11).

Следующая ступень ассоциации — это «общие ассоциации», т.е. товарищества, которые охватили бы ряд отраслей производства и отдельные местности. Подобные ассоциации были бы примерно тем же, что фаланстеры Фурье (11). В этой связи Нуаре резко критикует предложения включать в такие ассоциации наряду с трудящимися также и капиталистов. «Говорили об ассоциации капиталистов и трудящихся. Я не знаю ничего более опасного, аморального, чем подобное чудовищное сочетание; я столь же охотно объединился бы с чумой и проказой. Капиталисты со своей надменностью и привычкой повелевать вступили бы в ассоциацию, лишь если бы они обладали там властью и получали часть доходов, пропорциональную их капиталовложению... И вот вам снова эксплуатация человека человеком со всей своей гнусностью и тиранией... Но это было бы больше, чем эксплуатация, это было бы рабство, поскольку трудящиеся, прикованные, пригвожденные к своему товариществу, больше не могли бы, как они делают сейчас, даже менять хозяев, что несколько ослабляет власть последних; это была бы власяница, надетая на кающегося. Нужно быть мошенником или слепцом, чтобы проповедовать подобную доктрину». Но именно это и предусматривает Фурье в своих фаланстерах. Каждый из них был бы подобен поместью в России или плантации в Америке (6–7). Такие общие ассоциации имели бы, конечно, ряд преимуществ по сравнению с отдельными, но все их преимущества, вся их экономия шла бы на пользу капиталистов, если бы они в них господствовали. По даже и без капиталистов общие ассоциации не были бы идеальным решением. Как отдельные, так и общие ассоциации не могли бы устранить конкуренцию,

наоборот, они ее еще более бы усилили. Ассоциации эти вели бы между собой губительную войну, которая их всех бы разоряла, как теперь конкуренция разоряет частные предприятия. Было бы даже хуже. Сейчас в результате конкуренции гибнут отдельные промышленники и коммерсанты, место которых занимают другие, а тогда катастрофа грозила бы всем членам ассоциации. Кроме того, создание подобных ассоциаций неизбежно привело бы к федерализации Франции, нарушило бы национальное единство, а разделенное, раздробленное государство обрело бы на гибель (11–12).

Радикальное решение всех общественных проблем может обеспечить лишь третья степень организации труда, которую Нуаре характеризует следующим образом: «*Национальная* ассоциация, когда нация в целом образует единое индустриальное и коммерческое общество, но последнее – только для внешнего мира; я говорю только для внешнего мира потому, что если внутри страны имеется лишь одно единое предприятие, то там не будет больше обмена и, следовательно, торговли, а будет только раздача, распределение. При национальной ассоциации государство было бы само фабрикантом, и существовали бы только индустриальные законы, санкционированные несколькими политическими законами. Проблема социального единства была бы наконец решена». Все ассоциированные являлись бы равными друг другу гражданами; правительство или вернее общественная организация, постоянно находящаяся под их строгим контролем, была бы лишь орудием закона, который со временем все упрощался бы. Усилия всех были бы направлены к одной общей цели, индустрия обеспечивала бы благосостояние всех. Нация, являясь единственным распорядителем, руководила бы сельским хозяйством и промышленностью так, чтобы иметь изобилие продуктов как для внутреннего потребления, так и для обмена с другими странами, дабы умножить общественное богатство, обеспечивая одновременно необходимые запасы. Однако существует большая опасность, о которой всегда нужно помнить. В настоящее время люди настолько приучены к порабощению, что можно опасаться, что и при национальной ассоциации трудящиеся не станут оказывать должного сопротивления превышению власти теми, кто руководит делами, что правительство заменит постепенно собой государство и станет произвольно распоряжаться всеми общественными ресурсами и всеми людьми. Дабы избежать этого, необходимо внутри национальной ассоциации создать подразделения по коммуна, округам и департаментам. Каждая коммуна должна быть отдельным самоуправляющимся обществом; коммуны одного округа должны быть объединены между собой, как и округа каждого департамента. Коммунальная администрация будет избираться непосредственно трудящимися, окружная – коммунами, департаментская – округами. Национальное собрание, составленное из представителей департаментов, руководило бы всеми делами, согласовывало бы общие интересы, издавало бы регламенты, имеющие силу закона. Все продовольствие и все промышленные изделия должны сдаваться в об-

щественные магазины для дальнейшего распределения. Доля трудящихся и каждого подразделения большой ассоциации должна быть заранее определена. «Таким образом, мы имели бы все преимущества национальной организации, не опасаясь, что власть подчинит себе общественные богатства и интересы, поскольку подразделения, составляющие отдельные единицы, не были бы от нее зависимы и даже в случае надобности объединились бы, чтобы оказать ей сопротивление» (13–17).

Национальную ассоциацию в том виде, как он ее предлагает, Нуаре не считал конечной стадией общественного прогресса. «Индустриальная национальная ассоциация, – пишет он, – будет лишь прекрасной переходной ступенью, счастливым переходом к еще лучшему состоянию, на которое, как я сильно опасаюсь, современные люди не могут еще претендовать, принимая во внимание их испорченность» (14–15). Очевидно, в этом смысле следует понимать и его слова о том, что национальная ассоциация сделает возможным слияние политических и социальных институтов, когда нация будет достаточно просвещена, достаточно мудра, чтобы больше не бояться правительственного деспотизма (17). В то же время Нуаре подчеркивает, что в своем письме он не имеет возможности полностью развить свои идеи, так как для этого понадобился бы целый том, и предлагает читателям путем размышления самим дополнить то, о чем он не говорит (17).

Что конечный общественный идеал Нуаре – коммунизм, вряд ли может вызвать какое-либо сомнение. Но чем же в таком случае отличается предлагаемая им национальная ассоциация от его конечного идеала? Ведь на первый взгляд национальная ассоциация имеет все признаки коммунистического общественного строя. Поскольку он нигде не говорит о распределении по потребностям, то именно в этом, в отсутствии еще коммунистической системы распределения, и следует, быть может, искать различие между национальной ассоциацией и полностью коммунистическим обществом? Быть может, его следует искать в наличии и при национальной ассоциации исполнительной и законодательной власти, которую Нуаре лишь ограничивал путем установления широкой децентрализации, но пока не считал возможным полностью отменить, и в этом смысле следует понимать его слова о том, что в дальнейшем произойдет слияние политических и социальных институтов? Как бы то ни было национальная ассоциация – это совершенно новый общественный строй, передающий все орудия производства в руки государства и полностью ликвидирующий эксплуатацию человека человеком.

Термин «организация труда» имел в то время во Франции широкое распространение. Его использовали и некоторые приверженцы социалистических школ, особенно бывшие сенсимонисты, которые, как справедливо указывал Селье, находились фактически в лагере буржуазии и хотели «организовать труд» в условиях буржуазного общества. «Организация труда» – так называлось и вышедшее в то время главное программное произведение Луи Блана. Но Луи Блан, думая о социальном

преобразовании, все свои надежды возлагал на буржуазную демократию, на всеобщее избирательное право. Он полагал, что в таком случае государственная власть станет финансировать организацию общественных мастерских, которые постепенно вытеснят частные предприятия. Луи Блан, по существу, пропагандировал мысль о единстве интересов пролетариата и буржуазии, считая, что общественная реформа может быть осуществлена не в борьбе с буржуазией, а при ее непосредственном участии. Организация труда, предлагаемая Нуаре, не имеет ничего общего с проектами такого рода. Он всячески подчеркивает непримиримость классовых интересов рабочих и капиталистов. Капиталисты, по его убеждению, не только не станут содействовать организации труда, но и будут всячески ей препятствовать. В этой связи он резко критикует и фурьеристские проекты объединения капиталистов и рабочих в единых ассоциациях.

Термин «ассоциация» был также весьма распространен во Франции еще с начала XIX столетия. Его использовали и сенсимонисты и фурьеристы. Еще в 30-е годы Бюше проповедовал организацию рабочих производственных ассоциаций. Нуаре, сам начавший с этого, использовал теперь термин «ассоциация» в самом широком смысле. Он считал, что отдельные рабочие ассоциации и общие ассоциации типа фаланг Фурье и трудноосуществимы, и не способны решить основные общественные проблемы. Под организацией труда, под ее высшей, третьей степенью он понимал теперь создание «национальной ассоциации», т.е. установление нового общественного строя, при котором государство было бы единственным фабрикантом, при котором в руках нации было бы сосредоточено все производство и распределение. Отметим, кстати, что именно в этом смысле термин «ассоциация» используется и в обращении руанских коммунистов к Пийо, где говорится о необходимости замены теперешнего общественного строя «ассоциацией, в которой будет существовать общность обязанностей и прав всех ассоциированных» на базе общности имуществ. В листовке Бофура также провозглашалось, что на смену теперешнему порядку вещей должна прийти ассоциация трудящихся. Конечно, термин «ассоциация» в этом широком значении использовался в те годы не одними руанскими коммунистами. Не следует забывать, что и Кабе называл коммунистическое общество всеобщей ассоциацией.

В брошюре Нуаре ничего не говорится, однако, как может быть установлена подобная национальная ассоциация. Ведь он сам же недвусмысленно указывал, что даже отдельные ассоциации вряд ли можно организовать мирными средствами, в том числе и с помощью государства, так как те, кто обогащается за счет рабочих, никогда не допустят, чтобы они ассоциировались, поскольку это означало бы для них подлинное самоубийство. Как же в таком случае можно осуществить ассоциацию в национальном масштабе, т.е. установить новый общественный строй, полностью исключая любые формы эксплуатации?

Ответ на этот вопрос мы находим в одном из документов, изъятых у

Нуаре в момент его ареста. Поскольку он является одним из важнейших документов того времени, приводим его полностью: «*Четыре вопроса*: 1. Что сделали буржуа в 89 г.? Они лишили дворянство всех привилегий. 2. Поскольку совершенно очевидно, что привилегия, питающая все остальные, — это привилегия обогащаться за счет труда других, что должны сделать рабочие после революции? Они должны сделать в отношении буржуазии то, что последние сделали в отношении дворян. 3. Когда буржуа захватили власть, что они сделали что бы обеспечить себе прибыль за счет труда? Они установили свободную конкуренцию, которая принижает значение труда в пользу спекуляции. 4. В той же ситуации (т.е. после захвата власти в результате революции. - А.И.), что должны сделать рабочие, чтобы пользоваться продуктами своего труда? Они должны установить ассоциацию, в условиях которой никто не будет освобожден от обязанности трудиться, вследствие чего не будет ни нужды, ни богатства, ни надменности, ни низости, ни господства, ни зависимости»²⁸.

Вряд ли возможны какие-либо сомнения. Нуаре мыслил себе установление национальной ассоциации лишь после перехода власти от буржуазии к рабочим в результате революции. Новый общественный строй, основанный на обобществлении средств производства и ликвидации эксплуатации человека человеком, может быть установлен лишь революционным путем, причем рабочие должны упразднить все привилегии буржуазии, тех самых «капиталистов», которые по доброй воле никогда не захотят допустить «ассоциацию».

Уже по «Второму письму к трудящимся» власти сразу разгадали истинный облик Нуаре и подлинную суть проповедуемой им организации труда. Если другие лица, ратовавшие за организацию труда, свободно излагали свои идеи, а некоторые из них (вроде тех «выходцев из социалистических школ», о которых говорил Селье) пользовались даже известным покровительством, то с Нуаре дело обстояло иначе. 8 февраля 1841 г. он был арестован, и у него был произведен обыск. Десять дней спустя в своем письме к Дюпоти он сообщал, что он обвиняется «в нападках на собственность и в возбуждении ненависти между различными классами общества». Рассмотрение его дела, за которым следили и в Париже, затянулось до июля. 31 июля 1841 г. прокурор Руана писал министру юстиции: «Я имею честь известить вас, что названный Нуаре, рабочий, представший перед судом присяжных по обвинению в совершении в одной из опубликованных им брошюр двойного правонарушения: нападках на собственность и возбуждении ненависти между различными классами общества, приговорен к годовичному тюремному заключению и 100 франкам штрафа»²⁹.

Имя Шарля Нуаре по праву должно занять подобающее место в истории общественной мысли периода Июльской монархии. Быть может, в обращениях этого руанского рабочего «к трудящимся» самым примечательным являются не те конкретные планы общественного переустройства, которые он пропагандировал, а его удивительно четкое классовое самосознание. Вскрывая всю непримиримость интересов

капиталистов и рабочих, подлинную классовую сущность всего политического и общественного строя, призывая к бескомпромиссной борьбе против эксплуататоров, мечтая даже о захвате власти рабочими в результате новой победоносной революции, он являлся выразителем тех настроений, которые уже были характерны для передовых слоев рабочего класса, и в то же время своей пропагандой содействовал росту классового самосознания пролетариата.

- 1 Buffenoir M. Le communisme a Lyon de 1834 a 1848. — Revue d'histoire de Lyon, 1909. t.8, p.347-361.
- 2 Archives Nationales, CC 772. Note sur l'affaire des communistes de Lyon.
- 3 Ibid.
- 4 Ibid., BB18, 1223.
- 5 Ibid., CC 772.
- 6 Cour de Paire. Attentat du 15 octobre 1840. Rapport fait a la Cour par le baron Girod (de l'Ain). P., 1841, p.59-61. (Далее: Rapport... par Girod (de l'Ain)).
- 7 Бюфенуар, не знакомый с архивными материалами, даже не упоминает в своей вышеназванной статье об этом обществе, а об обществе «Будущее» говорит лишь на основании его устава, приведенного в докладе Жиро.
- 8 Доклад этот, как и другие документы, находится в особом деле о реформированных карбонариях. — Archives Nationales, BB18, 1397, N 2703.
- 9 Ibid., CC 792.
- 10 Ibid., BB18. 1397, N 2703.
- 11 Travail: Organe de la renovation sociale, 1841, juill., N 2, p.13.
- 12 Проспект приложен к комплекту журнала, хранящемуся в Национальной библиотеке. — Bibliotheque Nationale, R 8684. (Далее: BN).
- 13 Travail, juill., N 2, p.10. В нем указывалось, что поскольку первый номер вышел 20 июня, то второй должен был бы выйти 20 июля, но опоздал на несколько дней.
- 14 De l'etat des ouvriers et de son amelioration par l'organisation du travail Par Adolphe Boyer, compositeur typographe. Seconde edition. P., 1841. - BN, Lb51, 3426.
- 15 Archives Nationales, CC 772. Les Communistes de Rouen a leurs Freres de Paris.
- 16 Ibid., Aux puissants de la terre. Подпись: E.Beaufour.
- 17 Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais. P., 1969, t.1, p.177.
- 18 Rapport... par Girod (de l'Ain), p.62.
- 19 Archives Nationales, CC 772.
- 20 Ibid., CC 791. Бумаги, конфискованные у Нуаре.
- 21 О Шарле Нуаре имеется довольно подробная статья в «Биографическом словаре французского рабочего движения» (Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais. P., 1973, t.3, p.154—156). В конце статьи сказано, что материалы для нее предоставил Андре Дюбюк (Dubuc), который намерен написать о нем работу. Но никакой такой работы о Нуаре нам отыскать не удалось. О Нуаре имеется статья Жоржа Герифа «Шарль Нуаре и анкета 1848 г. о профессии ткача» (Guerif G. Charles Noiret et l'enquete de 1848 sur la profession du tisserand. — Revue d'histoire economique et sociale, 1971, vol.49, N 1, p.94—117). Статья эта содержит краткие биографические сведения, а в основном посвящена анкетированию, проведенному в Руане под руководством Нуаре летом 1848 г.
- 22 Noiret Ch. Metone d'un ouvrier rouennais. P., 1836. — BN, Ln27, 15246.

23 Ibid., p.64-65.

24 Archives Nationales, CC 786.

25 Archives Nationales, CC 791.

26 Aux travailleurs. В конце брошюры подпись: Ch. Noiret (Ouvrier de Rouen), Rouen, de 19 septembre 1840. — BN, Rp, 1127. (Далее ссылки на это обращение даны в тексте).

27 Deuxieme lcttrc aux travailleurs. Organisation du travail. Подписано: Ch.Noiret (Ouvrier de Rouen). — Archives Nationales. CC 772. (Далее ссылки на брошюру даны в тексте). Экземпляр этой брошюры имеется и в Национальной библиотеке.

28 Archives Nationales, CC 791. Бумаги, конфискованные у Нуаре.

29 Ibid., BB 8, 1386, N 956.

Глава четвертая

Революционно-коммунистическая агитация зимой и весной 1840—1841 гг. Листовки тайных обществ «К депутатам», «К армии», «К якобинцам», «К трудящимся». «Попюлер» Кабе и «Фратерните» Лаотьера и их отношение к революционно-коммунистическому движению. «Общность не является больше утопией» Пийо. «Коммюотер» Майера. Движение юманитариев и созданная ими организация. Доклад Габриэля Шаравэ на собрании учредителей журнала «Юманитер». Разногласия во временном редакционном комитете. «Основные принципы». Публичные дискуссии юманитариев с Дезами. Переписка Шаравэ с Меем и Геем. Рабочие волнения в Париже в сентябре 1841 г. Арест и процесс юманитариев. Покушение Кениссе.

I

После сентябрьских событий в Париже и покушения Дармеса, несмотря на многочисленные аресты, тайные общества продолжали свою активную деятельность. Коммунистическая агитация, в первую очередь среди рабочих, велась очень интенсивно. Еще 23 сентября 1840 г. генеральный прокурор писал министру юстиции, что публикации, преследующие цель искоренить в народе почтение к монархии, религии и собственности, «распространяются в прискорбном изобилии, причем не только в городских мастерских, но также и в сельских местностях»¹. Ссылаясь на сентябрьские события в Париже, граф Бастар в своем докладе по делу Кениссе впоследствии так характеризовал сложившуюся после этих событий обстановку. Когда после мер, принятых властями, стачки были прекращены и работа возобновилась, «за этими несчастными рабочими стали гоняться даже в их мастерских; там на членов Общества коммунистов была возложена задача заполнять головы рабочих всеми проповедуемыми бреднями; им внушали, что революция, подобная тем революциям, которые они уже видели, недостаточна, чтобы обеспечить подобающую им участь, что необходима социальная революция, способная обеспечить им счастье, к которому они должны стремиться»².

Все это подтверждается и ежедневными сводками префекта полиции. В донесении от 16 сентября 1840 г. мы читаем: «Республиканские вожди ... составляют и распространяют среди рабочего класса большое количество поджигательных пасквилей, пагубных для общества, критикующих собственность, законы и все иерархии»³. 23 сентября Делессер указывал, что «никогда тайные общества не прилагали столько усилий, чтобы организовать и увеличить свою численность»; они «самыми различными способами пытаются ввести в заблуждение рабочих путем множества бредней об организации труда, прикрывающих стремление к ниспровержению социального порядка»⁴. 28 сентября он писал: «В любое время можно с огорчением видеть многих лиц, принадлежащих к рабочему классу, которые больше занимаются политикой, чем своей работой, читают республиканские газеты и мерзкие памфлеты, публикуемые для распространения среди них в целях ввести их в заблуждение и постепенно заставить их вступить на самый прискорбный путь»⁵. 13 октября в ежедневной сводке мы читаем: «Маленькие публикации, все более и более поджигательные, затопляют рабочие массы, чтобы возбудить их против всех теперешних властей»⁶. 23 октября Делессер констатировал: «Среди рабочего класса продолжает царить очень плохой дух, и он легко может поддаваться подстрекательству»⁷. Следует также отметить, что тайные общества не ограничивались только агитацией среди рабочих, хотя это было, несомненно, их главной задачей. Так, 21 октября 1840 г. товарищ министра внутренних дел сообщал, что, согласно сведениям, полученным префектом полиции, «заправили тайных обществ пытаются завербовать новых членов среди учащихся Политехнической школы»⁸.

В новом, 1841 г. агитация тайных обществ не только не пошла на убыль, а, наоборот, получила еще больший размах. Теперь еще больше, чем в предыдущем году, тайные общества стремились вести свою агитацию и за пределами Парижа, в различных департаментах. Приверженцы тайных обществ, указывалось в донесении префекта полиции от 18 апреля 1841 г., «часто видятся друг с другом, продолжают придерживаться своих бредней, направленных против собственности и всякого социального порядка: некоторые из главных заправил отправились в департаменты, чтобы распространять свои доктрины и возбуждать общественное мнение»⁹. Власти все чаще получали сообщения о различных собраниях коммунистов. Так, в феврале 1841 г. полицейские власти получили донос о том, что 3 февраля на квартире у некоего красноречивца Меруфа на улице Моро 10 состоялась лекция о коммунизме¹⁰. В архиве префектуры полиции имеется донесение комиссара полиции одного из пригородов Парижа (не то Монреа, не то Монружа, неразборчиво) от 30 марта 1841 г., что накануне вечером много лиц «собралось без разрешения на коммунистический банкет у Кока, виноторговца этой коммуны», в связи с чем было произведено 11 арестов¹¹. Этот коммунистический банкет был, возможно, не чем иным, как одним из собраний эгалитариев. или коммунистов, которые обычно

происходили в различных трактирах.

Тайные общества вели не только устную, но и письменную агитацию. Причем агитация эта не ограничивалась распространением различных коммунистических изданий. Из сообщений Делессера видно, что они одновременно и сами составляли какие-то «поджигательные пасквили», «маленькие публикации», которые широко распространяли не только в Париже, но и за его пределами. Что представляли собой эти листовки, мы так бы, очевидно, никогда не узнали, если бы не одна счастливая случайность. В Военном архиве Франции сохранилось письмо Делессера военному министру от 28 апреля 1841 г. следующего содержания: «Экземпляры литографированного пасквиля, адресованного армии и, по-видимому, исходящего от наиболее экзальтированной фракции республиканской партии, той, которая в качестве девиза провозглашает полную общность имуществ, были направлены вчера почтой всем войсковым почтарям полков гарнизона Парижа. Последние, как меня уверяют, частично их разорвали, а частично отказались их принять, и они были пересланы мне г-м директором управления почты». В конце своего письма Делессер выражал опасение, что эти прокламации могут быть посланы также в гарнизоны департаментов. На следующий день, 29 апреля, командующий первой дивизией также обратился в этой связи к военному министру, а 1 мая последний, в свою очередь, послал письмо министру внутренних дел, в котором указывал, что «подобные или аналогичные публикации распространяются повсеместно». К своему письму военный министр приложил четыре размноженных литографским способом рукописных обращения, которые почему-то не были отделены от официальной переписки (как это обычно делалось) и поэтому сохранились в Военном архиве¹². Первая листовка, озаглавленная «К депутатам», подписана, как и три другие, «Друзья народа»; в конце стоит дата: «Париж, 18 декабря 1840 г.». «От имени 32 миллионов человек, — говорится в ней, — мы хотим задать вам вопрос, по какому праву вы называете себя представителями страны, и мы хотим заявить вам, что это звание, которым вы себя украшаете, является обманчивым и лживым. Вы представляете аристократию, а не народ. Вас меньше 500 человек, избранных приблизительно двумястами тысячами; вас выбирают привилегированные, и вы избираетесь из числа самых привилегированных... Вы являетесь представителями принципа собственности, неравенства, монархического деспотизма. Вы защищаете все наиболее несправедливое и порочное, что существует на свете». Палата депутатов делится на три фракции — на правых, представляющих интересы прежней монархии и свергнутой династии, на центр, состоящий из людей, покорно склоняющихся перед властями и готовых на любые низости, лишь бы они были оплачены золотом и почестями, и на так называемых левых. «Мы обращаемся не к первым двум фракциям... а к вам, к левым, имеющим претензию быть истинными представителями нации. Что вы сделали для этого? Какие улучшения требовали вы для народа? Трудящиеся часто лишены хлеба, одежды и работы; они предоставлены на милость капиталистам и промышленникам, которые их

эксплуатируют, отказывают им в работе, когда это им заблагорассудится, и понижают их заработную плату, чтобы увеличить свои прибыли...

Требовали ли вы когда-нибудь для народа такие институты, которые предохранили бы его от эксплуатации, от нужды и аморальности? Требовали ли вы для молодого поколения такого воспитания, которое превратило бы их в свободных и добродетельных граждан? Вы этого не делали, потому что вы и ваши избиратели являетесь людьми, продающими народу хлеб, которым он питается, одежду, которую он носит, — людьми, заставляющими его работать ради своего обогащения; и если бы народ вновь обрел свои права, вы вынуждены были бы отказаться от ваших утех и вашего главенства ... Вы больше опасаетесь народа, чем любите его, и если вы ему льстите, то только для того, чтобы стать его хозяевами... Вы не представляете страну, и социальное возрождение произойдет не благодаря вам, а благодаря людям, которые, находясь в повседневном общении с народом, живут одной с ним жизнью, страдают от тех же бед и проповедают ему и словом и делом братство и самопожертвование, чтобы добиться осуществления равенства. Мы понимаем под равенством не равенство политическое, как некоторые из вас, а истинное социальное равенство — результат не простой парламентской реформы, а великой и мудрой революции, которая поставит всех на свои места и будет избирать своих представителей не из числа самых богатых, а из числа самых добродетельных».

Вторая листовка озаглавлена «К армии» и помечена 20 декабря 1840 г. Она начинается следующим обращением: «Братья, в момент, когда вас собрали под стенами Парижа, чтобы защищать правящих против справедливого гнева народа, мы хотим напомнить вам, что нация вооружила вас, дабы защищать ее честь и свободу, а не для того, чтобы обеспечить существование предательской и развращенной власти». Нужно было вести войну в 1830 г., чтобы закрепить завоевания революции, но правительство Июльской монархии оставило на произвол судьбы поляков и итальянцев. Нужно было бы воевать и сейчас, учитывая дерзость иностранных монархов. Однако власть понимает, «что ее самыми большими врагами являются граждане, которых она обманула, и поэтому именно против них она хочет направить ваши удары, она хочет, чтобы вы убивали тех ваших братьев, которые требуют Равенства, дабы обеспечить счастье всех. Вас пытаются изолировать от граждан... а между тем среди вас нет ни одного, кто не вышел бы из народа... Когда вы снова станете рабочими, вы почувствуете, как тяжело работать, не имея возможности заработать достаточно на жизнь, не имея уверенности в куске хлеба; вы будете кричать о несправедливости, а солдаты того времени будут затыкать вам рот, как это делаете вы сейчас; если вы окажете сопротивление, они вас будут убивать, как вы убивали тех, кто сопротивлялся. Рабство трудящегося покажется вам очень тяжелым, но вы не осмелитесь жаловаться, так как именно вы защищали строителей Бастилии, угнетателей народа, и вы раскаетесь в этом, но, к несчастью, будет слишком поздно. Братья, вас вводят в заблуждение, отделяя от

нас; вы — наша кровь, и мы всегда готовы протянуть вам руку; верьте вашим друзьям, соединяйтесь с народом, научитесь понимать его страдания, его нужды, его желания, и вы увидите тогда, что мятежники не те, кто выходит на улицу с оружием в руках, а те, кто вынуждает их делать это... Помните, что все люди являются братьями, что все они являются равными... Вам внушают, что пассивное повиновение — самая прекрасная добродетель солдата; это ложь; пассивное повиновение необходимо перед лицом неприятеля, но в гражданских войнах каждый гражданин должен следовать побуждению своей совести и уметь не повиноваться, чтобы не стать преступником».

Третье обращение «К якобинцам» помечено 20 января 1841 г. В нем указывалось, что за последние десять лет демократическая партия, с которой они всегда сотрудничали, значительно ослабла в результате собственных ошибок. Энтузиазм 1832 и 1834 гг. сменился оцепенением. Люди, наиболее пылкие в те годы, стали безразличными или даже ренегатами. Лишь небольшое число сохранило непоколебимую веру в будущее. Листовка напоминала об опыте Французской революции, когда монтаньяры, не сумевшие вовремя очистить революционную партию, пали жертвой развращенных и честолюбивых людей. И сейчас во Франции имеются жирондисты, группирующиеся вокруг «Националя», беспринципные дантонисты и, наконец, честные и храбрые демократы-монтаньяры. Но прошлое может повториться. Теперешние якобинцы готовы принести себя в жертву ради чуждого им дела. «Принцип, который вас воодушевляет, — это любовь к Равенству, а вы становитесь под знамена людей, защищающих привилегии; вы верите, что все будет достигнуто, если произойдет военная революция, и ради этого вы вступаете и союз с людьми всех оттенков и самых различных нравственных обликов, не беспокоясь о последствиях. Знайте же братья, что нам угрожает жирондистская, буржуазная революция, поберегите же вашу кровь для более благородного дела. Никакого революционного донкихотства; вы имеете смелость не бояться ружейного выстрела; имейте же смелость умереть несколько позже на эшафоте за наше дело... Пусть усердствуют реформисты, тщеславные, развращенные; будьте тверды в ваших принципах, имейте веру в Равенство, которое восторжествует вопреки всем препятствиям; берегите ваши силы, чтобы присутствовать при его победе, и не рискуйте неосторожно жизнью, что может привести к поражению. Тесный и братский союз между всеми моральными людьми, стремящимися к Равенству, ненависть и презрение ко всем остальным».

Четвертое обращение «К трудящимся» не датировано. Поскольку в нем упоминается о журнале Кабе «Попюлер», который начал выходить в марте 1841 г., то следовательно, эта листовка была выпущена весной этого года. В ней констатируется, что во Франции имеются честолюбивые люди, которые хотят свергнуть монархию, «т.е. происходит неминуемая борьба между теми, которые хотят только одного короля, и теми, которые хотят нескольких. Один король, директора, консулы — для нас все это одно и то же. Неравенство как под властью одних, так и других

является не менее гнусным. Но обе стороны используют вас (трудящихся. — А.И.), чтобы одержать победу». Власти используют их как солдат для борьбы со своими противниками. «Революционеры, в свою очередь, дают вам оружие и призывают выйти на улицу, говоря вам: борись за республику, мы сделаем тебя равным в гражданских правах, ты будешь избирателем и избираемым, но этим они и ограничиваются. Ссоры этих людей вас не касаются: на их знамени начертано честолюбие, тщеславие, в то время как на вашем должны быть лишь слова равенство, братство. Реформа будет осуществлена только тогда, когда должностные лица будут есть тот же хлеб, что и вы, когда они будут равны вам, а не будут вашими хозяевами; когда над гражданами будут властвовать не люди, а лишь мудрые законы, установленные в интересах всех. До этого для вас не будет ничего, кроме мистификации. Все те, кто хотят вашего блага, скажут вам: выходите с оружием в руках на улицу только для

того, чтобы добиться истинной реформы; но убедитесь прежде, что труд будет организован таким образом, чтобы каждый получал за него соответствующее вознаграждение и не находился бы больше под властью капиталистов и промышленников, что обильные продукты земли будут распределяться между всеми, что все граждане будут получать бесплатно хорошее и здоровое воспитание... и что презренными будут считаться лишь распутники и тунеядцы... Братья, не нужно больше бесполезных мятежей, не нужно больше революции 1830 г. ... обучайтесь здоровым доктринам равенства и будьте уверены, что революция, ими оплодотворенная, не будет простым фиглярством». Вторая часть сохранившегося экземпляра этого документа настолько выцвела, что читается с трудом. Но все же можно понять, что его авторы писали о том, что они сами люди из народа, а не продажные журналисты, что они считают проповедуемую ими доктрину настолько достойной уважения, что нельзя ею торговать, и поэтому раздают свои публикации бесплатно. Они выступают анонимно, чтобы иметь возможность откровенно высказываться о людях, даже о своих единомышленниках, если они заблуждаются. В самом конце листовки помещена краткая оценка трех органов печати: «Попюлера», «Журналь дю пёпл» и «Националя». Заметка о «Национале» совершенно нечитабельна. В заметке о «Журналь дю пёпл» можно прочесть: «г-н Дюпотти продан аристократам "Сиекля"». Заметка о «Попюлере» гласит: «Мы прочли журнал г-на Кабе; мы верим в хорошие намерения этого писателя, но мы считаем его слишком молодым коммунистом и слишком старым республиканцем».

Эти четыре сохранившиеся в Военном архиве листовки не были, разумеется, единственными. Что издавались еще и другие листовки, видно хотя бы из обращения «К трудящимся», которое начиналось словами: «Братья, мы уже давали вам советы по вопросу о войне с внешними врагами...». Из этого следует заключить, что до этого была уже распространена листовка, посвященная вопросам внешней политики и возможности войны — актуальной в то время теме в связи с восточным кризисом 1840 г. Нельзя забывать, что все прогрессивные силы, включая коммунистических деятелей, осуждали правительство Луи-Филиппа за

его политику: «мир любой ценой». Поэтому Дармес заявил в момент ареста, что был намерен убить короля потому, что тот не хотел воевать с Англией. В обращении к армии также заявлялось, что нужно было воевать и в 1830 г., и в настоящее время.

Хотя, таким образом, мы не располагаем всеми листовками, но и те четыре, которые мы имеем в своем распоряжении, дают наглядное представление о масштабах и характере агитации тайных коммунистических обществ. Поскольку все эти четыре рукописные листовки, размноженные литографским способом, написаны одной и той же рукой и имеют одну и ту же подпись «Друзья народа», они, несомненно, принадлежат одному из этих обществ — скорее не эгалитариям, а Обществу коммунистов, так как именно оно и вело в то время активную коммунистическую агитацию. Листовки имеют различных адресатов, но преследуют аналогичную цель: пропаганду необходимости коренного социального переустройства на коммунистических началах, пропаганду истинной революции, способной осуществить это переустройство. В них в самой резкой форме осуждается общественно-политический строй Июльской монархии с ее цензурой конституцией, с ее палатой депутатов, в которой заседают лишь представители привилегированной верхушки общества, ярые поборники собственности и неравенства. Но в них столь же резко осуждается и буржуазная оппозиция, те левые депутаты, которые и не помышляют о нуждах народа, а стремятся лишь использовать его для достижения своих целей. В них разоблачается подлинная сущность пропагандируемой левыми буржуазными деятелями избирательной реформы, которая ничего не способна изменить по существу. Ничего не может дать народу и новая буржуазная жирондистская революция. Поэтому в листовках содержится предупреждение трудящимся не поддаваться уговорам буржуазных революционеров, не участвовать в бесполезных мятежах и в революциях типа 1830 г., не бороться просто за республику, а подготавливать подлинную революцию, способную осуществить социальное равенство, установить новый общественный строй, кладущий конец господству капиталистов, эксплуатации и нужде. Имеющиеся в нашем распоряжении листовки свидетельствуют, что они отнюдь не были предназначены для абстрактно-теоретического изложения преимуществ коммунизма, а являлись политическими документами для повседневной агитации, учитывавшими конкретную расстановку политических сил в стране и откликавшимися на все актуальные проблемы сегодняшнего дня, начиная с вопросов внешней политики и кончая борьбой за избирательную реформу. Они свидетельствуют, что тайные коммунистические общества стремились вести агитацию не только среди гражданского населения, но и в войсках, доказывая солдатам, что они сами являются такими же тружениками, рабочими и не должны поэтому использовать свое оружие против них, не должны в условиях гражданской войны проявлять слепое повиновение. Мы видим также, что подпольные коммунистические организации хотели установить контакт с теми общественными силами, с которыми они считали возможным сотрудничать.

В этом отношении несомненный интерес представляет обращение «К якобинцам», которое требует некоторых пояснений. В нем правильно констатируется, что в 30-х годах коммунисты тесно сотрудничали с буржуазными республиканцами, и столь же справедливо указывается на упадок буржуазного революционно-демократического движения, в свое время вылившегося в восстания 1832 и 1834 г. Но и в начале 40-х годов во Франции оставались революционеры-демократы, выходцы главным образом из мелкобуржуазных слоев и интеллигенции, сохранившие революционные традиции. Якобинцы, как они себя называли, действовали не только разрозненно. Имелись и подпольные якобинские организации. Префект полиции Делессер в своем докладе генеральному прокурору о коммунистическом движении во Франции еще в октябре 1840 г. писал по этому поводу следующее: «Кроме того (т.е. кроме Общества трудящихся-эгалитаристов и Общества коммунистов. — А.И.), в Париже существуют две секции, или фаланги, политические доктрины которых являются еще более экстравагантными и которые при случае могут оказать содействие двум другим (т.е. упомянутым тайным обществам. — А.И.); это *якобинцы* и *монтаньяры*, но каждая из этих фаланг насчитывает лишь от 120 до 130 членов»¹³. Вот именно этим якобинцам и адресована листовка от 20 января 1841 г., призывающая их не вступать в союз с людьми, защищающими привилегии. Они пламенные революционеры, готовые сию же минуту пожертвовать своей жизнью, веря, что простая «военная революция» решит все вопросы. В этом они глубоко ошибаются. Они не должны быть революционными донкихотами, они должны побереечь свою жизнь для более благородного дела. Если их идеалом действительно является равенство, они должны объединиться с теми, кто стремится к установлению подлинного равенства. Но, видимо, авторы этого обращения сами плохо верили в действенность своих призывов. Поэтому два-три месяца спустя в своем обращении «К трудящимся» они предупреждали последних не следовать за революционерами, которые хотят вывести их на улицу лишь ради борьбы за республику. Дальнейшие события, не говоря уже о событиях революции 1848 г., показали, что надежды на мелкобуржуазных якобинцев действительно были тщетными. Но листовка от 20 января 1841 г. является все же ценным свидетельством политической тактики подпольных коммунистических организаций.

II

Весной и летом 1841 г. пропаганда коммунизма во Франции принимает еще большие масштабы. Достаточно сказать, что в этот период появляются пять коммунистических периодических изданий. В марте Кабе возобновил издание своего журнала «Попюлер», который он публиковал еще в 1833—1835 гг. Но теперь его новый журнал являлся уже коммунистическим органом и назывался «Попюлер 1841 г. Журнал политической и социальной реорганизации». В мае под редакцией Лаотьера стал выходить другой коммунистический журнал — «Фратерните». С июня стал издаваться в Лионе журнал «Травай». В начале июля вышел первый номер «Юманитера» и вскоре после этого

первый номер — проспект «Коммюнотера». Кроме коммунистической прессы, в течение 1841 г. публикуется и многочисленная коммунистическая литература. Новые брошюры выпускают Кабе, Лаотьер и Пийо. Вильгардель переиздает «Кодекс природы» Морелли со своей вступительной статьей, Эскирос, опубликовавший еще в 1840 г. свое «Евангелие народа», выпускает вторую работу, посвященную его защите.

Поскольку мы рассматриваем здесь революционное течение во французском утопическом коммунизме этих лет, мы не можем, разумеется, анализировать все эти произведения, а также все коммунистические периодические органы. Но все же следует сказать несколько слов о Кабе и его журнале «Попюлер», а также о журнале «Фратерните».

Публицистическая деятельность Кабе в 1841 г. имела два различных аспекта. С одной стороны, его активная пропаганда коммунизма, основных коммунистических принципов имела, безусловно, определенное положительное значение. Нельзя отрицать, что она содействовала распространению коммунистических идей, что шло в конечном счете на пользу и революционным тайным обществам. Если «Путешествие в Икарию» было своего рода теоретическим трактатом Кабе, то в 1841 г. он переходит к повседневной пропаганде идей коммунизма, связывая их с задачами сегодняшнего дня. В этом отношении особое значение имеют его «Двенадцать писем коммуниста реформисту об общности», опубликованных с 26 мая 1841 г. по 18 февраля 1842 г. в виде 12 брошюр¹⁴. В них он, в популярной форме излагая принципы коммунизма, удачно полемизировал с его противниками. Уже в первом письме он следующим образом характеризовал новый общественный строй: «Что такое Общность? Четырех слов достаточно, чтобы ее определить: это ассоциация, унитарная, эгалитарная и братская... Прежде всего это ассоциация, общество, все члены которого ассоциированы... ассоциация является унитарной, т.е. основанной на единстве во всем... единстве территории, или домена, единстве собственности (которая неделима и является общей, обществ венной, национальной), индустриальном единстве... она эгалитарна, основана на равенстве во всем, равенстве в воспитании, равенстве в труде, равенстве в пользовании... наконец, она является братской, основанной на братстве»¹⁵. Затем он описывал преимущества, вытекающие из новой организации общества. Неудивительно, что это первое «письмо» Кабе было найдено у многих членов тайных обществ, арестованных осенью в связи с делом Кениссе.

Но в то же время нельзя не отметить и следующее. Кабе, будучи идейным противником революционного коммунизма, вел с ним открытую, непримиримую борьбу, применяя при этом весьма недозволенные методы. В опубликованной им осенью 1841 г. брошюре «Мой прямой путь»¹⁶ он не только излагал свои идеи о том, что «общность не может быть установлена насильем», не только с остервенением нападал на «ультракоммунистов», т.е. сторонников революционного коммунизма, но резко осуждал и тайные общества, допуская при этом самые недостойные

выпады, «Разве мало там людей несдержанных, пьяниц, доносчиков, предателей... ничего нет легче, как преувеличивать, лгать, обманывать в тайных обществах». Выступая против любых «мятежей, скопищ, объединений», он не гнушался утверждать: «Большей частью ими руководит неведомая рука... массаи распоряжается какой-нибудь шпик, мальчишка, неосторожный человек или сумасшедший»¹⁷. Хотя Кабе пытается изобразить, будто, говоря все это, он заботится лишь о том, чтобы не давать полиции повод для арестов и обысков, но в те дни, когда власти беспощадно расправлялись с бастующими рабочими и с помощью военной силы подавляли их «мятежи» и «скопища», когда десятки членов тайных обществ находились в тюрьмах, когда судьи выносили суровые приговоры коммунистам-революционерам, подобные его слова, повторявшие, кстати, доводы официальной пропаганды, звучали поистине кощунственно. Вообще в своей сектантской ограниченности Кабе готов был, невзирая ни на что, изничтожать всех инакомыслящих. Так, он опубликовал в «Попюлер» статью, направленную против аббата Констана. Аббат Констан в своей книге «Библия свободы» сквозь призму религиозных представлений также пропагандировал коммунистические идеи, причем не отрицал возможность и даже неизбежность революции бедных и угнетенных. Он был приговорен к восьмимесячному заключению и находился в тюрьме. Поэтому выпады Кабе против него вызвали всеобщее возмущение в коммунистических кругах. Лионская «Травай» резко их осудила, заявив при этом следующее: «Мы считаем нужным выразить порицание всякому, кем бы он ни был, кто, полагая, что лишь он владеет всей истиной, будет с презрением и злобой отзываться о всех других представителях социальной науки»¹⁸. А «Фратерните» прямо указывал, что подобные нападки на человека, находящегося в тюрьме за свои коммунистические убеждения, не только недостойны журнала, считающего себя коммунистическим, но что они фактически предоставляют в распоряжение прокуратуры дополнительный обвинительный материал. К этому следует добавить, что, стремясь закрепить за собой монополию, Кабе метал гром и молнии в связи с появлением других коммунистических печатных органов, на что «Травай» справедливо ему возражала, что нужно, наоборот, поощрять создание новых коммунистических периодических изданий для более широкой пропаганды идей коммунизма¹⁹.

Не так обстояло дело с «Фратерните». Главным редактором этого журнала до ноября 1841 г., т.е. почти в течение всего рассматриваемого нами периода, был Лаотьер. Сам он не был революционным коммунистом. Но в отличие от Кабе он относился вполне терпимо к сторонникам революционного переустройства общества. Выразителем идеи равенства он наряду с Руссо и Робеспьером считал и Бабефа. В 1840 г. он выпустил даже брошюру «Философский ответ на одну статью о бабувизме», в которой защищал это коммунистическое учение. Правда, он решительно отвергал свойственную бабувизму грубую уравнивательность и так и не воспринял идею необходимости революционного переворота для осуществления перестройки общества на

коммунистических началах. Но все же он видел в Бабефе одного из провозвестников коммунистического идеала и столь же терпимо и даже доброжелательно относился к современным ему представителям революционного коммунизма. Лучшим свидетельством этому является его участие в 1841 г. в июньском процессе над коммунистами, где он выступил как защитник Гийома Розье. На последнем заседании суда, 10 июня, в своей защитительной речи он не побоялся открыто солидаризироваться с обвиняемыми, заявив, что он тоже является коммунистом²⁰. Неудивительно, что власти относились к нему с большим подозрением. Когда в апреле 1841 г. он опубликовал свою новую работу «Завтраки Пьера», в которой в наиболее законченном виде излагал свои коммунистические общественные воззрения, один из видных полицейских чинов поспешил привлечь к ней внимание министра внутренних дел. В своем письме он сообщал: «Ришар Лаотьер, хорошо известный демагогический писатель, только что опубликовал первый выпуск своей работы, озаглавленной "Завтраки Пьера", своего рода народный катехизис, в котором автор намерен изложить и развить доктрины коммунизма. Этот памфлет, предназначенный для рабочих классов, является неистовой сатирой на современный общественный порядок...»²¹

Под руководством Лаотьера «Фратерните», хотя и был «спиритуалистическим» журналом, осуждавшим материализм и материалистическое мировоззрение, открыто выступал против правительственных репрессий в отношении коммунистов, в том числе членов тайных обществ, и солидаризировался с их общественными идеалами. В июньском номере журнал писал: «Сегодня благодаря торжественному и здравомыслящему докладу г-на Жиро и приветливым, доброжелательным и любезным статьям, опубликованным в "Сиекль", "Ревю де Пари" и в других серьезных, просвещенных и великодушных газетах, на коммунистов указывают пальцем, их оскорбляют и чуть ли не забрасывают камнями». Касаясь процесса Дармеса, журнал далее заявлял: «Мы не будем отвечать на странные обвинения, выдвинутые во время этого процесса против коммунистических теорий... но эти обвинения обязывают нас ясно изложить в последующих номерах нашего издания принципы, из которых мы исходим»²². В следующем номере помещен отчет об июньском процессе коммунистов. В нем самым сочувственным образом говорится об обвиняемых. Приводится цитата из выступления Пийо, который «защищал себя с благородством», причем в этой связи журнал рекомендовал читателям его брошюру «Ни замков, ни хижин». Отмечается и выступление Розье, также не побоявшегося заявить, что он коммунист.

Хотя в рассматриваемое нами время «Фратерните» не стоял на революционных позициях²³, но уже и тогда на его страницах выступали подчас лица, близкие к революционному коммунизму. Так, в сентябрьском номере журнала была опубликована статья С... и (т.е. Савари) «О том, что суверенитет народа и общность взаимно связаны». Савари, сапожник по профессии, был близок к революционным кругам,

поддерживал связь одновременно и с Лаотьером, и с Дезами. В 1845 г. после возобновления издания журнала (прекратившего свое существование в марте 1843 г.), по уже в качестве революционно-коммунистического органа он стал одним из его редакторов. В своей вышеупомянутой статье Савари стремился доказать, что из понятия народного суверенитета неизбежно вытекают принципы коммунизма. «Осуществление суверенитета не может быть реальным, если общество не является верховным объединителем и руководителем. Необходимо придерживаться демократических принципов: свобода, равенство, братство, но добавить к ним общность, которая объединяет все эти принципы и способна их осуществить»²⁴.

К этому времени и Пийо опубликовал свою новую брошюру. Мы знаем, что на судебном процессе в защитительной речи на заседании 10 июня Пийо цитировал отрывки из своей работы, которую он написал, еще сидя в тюрьме. Однако эту брошюру он завершил и опубликовал после этого процесса, о чем свидетельствует само ее заглавие: «Общность не является больше утопией! Последствия процесса коммунистов»²⁵. Как и две его предыдущие брошюры, она также была связана с текущим моментом. Она прежде всего подводила итоги этого процесса. Лживые обвинения, выдвинутые против коммунистов, вызвали негодование всех честных людей. Судьи, осуждающие невиновных, являются «подлыми убийцами». Пийо стремится доказать, что коммунизм имеет глубокие исторические корни, по что лишь теперь он из подсознательного чувства превратился в науку. Человек рождается для общества, а общество должно быть основано на солидарности. «Власть человека над человеком является чем-то чудовищным, порожденным забвением основных принципов любого общества». Человечество постоянно стремилось к абсолютному равенству. Однако до сих пор это стремление «находилось на уровне чувства, а не на уровне знания» (11). В этой связи Пийо дает краткий исторический обзор развития социальных учений. Он критикует предлагавшуюся Ликургом и Гракхами систему «относительного равенства», «аграрный закон» (12). Далее он ссылается на эссеес и на раннее христианство, резко критикуя католицизм, санкционировавший неравенство. Реформация эмансипировала человеческую мысль и породила философию XVIII в., которая в конечном итоге привела к признанию «необходимости абсолютного равенства». Французская революция выполнила лишь одну задачу: разрушила старый порядок, но не создала нового. «Бабеф и его добродетельные соратники доказывали, что, поскольку революция была осуществлена во имя достоинства и вечных прав человека... она не должна была свестись к простой перемене лиц, так как привилегия была бы в будущем таким же преступлением, как и в прошлом... Но было уже слишком поздно!..» (23–24). Провозглашенные ими принципы равенства – «общность труда и пользования» – остались в памяти народа. Их доктрину сохранил в ее чистом и прекрасном виде Буонарроти (27). По существу, однако, ничего не изменилось. Начиная с эпохи революции одна лишь буржуазия правила Францией и правит ею и по сегодняшний день. Пролетарий

вынужден, чтобы добыть кусок хлеба для себя и своей семьи, работать по 18 часов в день и постоянно опасается потерять работу и быть выброшенным на улицу. «Буржуа-эксплуататор хорошо знает, что не что другое, как незнание своих истинных интересов, удерживает его жертвы под его властью». Обращаясь к памяти бубуристов, Пийо восклицает: «Мы находимся в оковах, как и вы в свое время; как и вы, мы страдаем во имя вечной истины». Быть может, и им суждено также погибнуть. «Тогда другие продолжат дело, которые вы передали нам» (27). В заключение своей брошюры Пийо задает вопрос: какова причина, что прежняя монархия, т.е. феодальная монархия, просуществовала 14 веков, а за время господства буржуазии сменилось много режимов: Директория, консульство, Империя, Реставрация и, наконец, конституционный режим 1830 г. Почему буржуазия не смогла создать стабильный режим? Вот на этот вопрос и нужно найти ответ. Но для этого необходимо ответить на ряд других вопросов, в том числе на следующий: «Что является правительством в настоящем смысле этого слова!.. Не является ли организованная анархия, т.е. научная и рациональная гармония, по существу, нормальным состоянием, в котором должно пребывать общество?» (30–32).

Пийо и теперь непосредственно связывал пропаганду коммунистического мировоззрения с текущей политической борьбой, в частности с процессом над коммунистами, фактически – над коммунистической идеологией, в защиту которой он счел необходимым еще раз страстно выступить. Самая интересная его мысль заключалась как раз в самом названии его брошюры, провозглашавшем, что коммунизм не является больше утопией. Он пытался доказать, что если раньше стремление к коммунизму было лишь чувством, то теперь оно основано на знании. Почти все другие коммунистические идеологи тех лет также пытались доказать, что их теория основана на «социальной науке». Но лишь Пийо впервые высказал мысль, что коммунизм раньше действительно был утопией и только теперь больше ею не является. Это представление о развитии коммунизма от утопии к науке, взятое само по себе, конечно, было правильным. Однако дело заключалось как раз в том, что ни сам Пийо, ни другие его единомышленники еще не были в состоянии подвести под коммунизм подлинно научную основу. Исходя из рационалистической философии XVIII в., обосновывая коммунизм незыблемыми естественными законами, не зная подлинных законов общественного развития, они не были в состоянии создать научную теорию коммунизма. Следует отметить также, что в новой брошюре Пийо появляются и анархистские настроения, получившие к этому времени известное распространение среди сторонников революционного коммунизма.

К лету 1841 г. возобновил публицистическую деятельность автор «Унитарной системы», активный член Общества коммунистов Майер. Теперь он предпринял попытку наладить выпуск нового коммунистического журнала под названием «Коммюнотер». Ему, однако, удалось опубликовать лишь первый номер – проспект этого журнала

Когда был опубликован этот проспект и кто был его автором, мы знаем из имеющихся в нашем распоряжении следующих данных. В августовском номере «Фратерните» была помещена заметка, в которой говорилось: «Новый журнал "Коммюотер" только что выпустил свой проспект. Мы подождем, пока он приступит к делу, чтобы о нем судить; но мы с сожалением должны сказать, что мы не считаем правильной основу, из которой он исходит». В октябре этого года Кабе, приводя цитату из проспекта «Коммюотера» и касаясь вопроса о его авторе, писал: «Говорят, что это анонимный автор "Унитарной системы"... г-н Майер, который всегда скрывается под чужим именем»²⁷. Наконец, мы располагаем и письмом товарища министра внутренних дел от 17 августа 1841 г. Представляя министру первый номер «Коммюотера» — журнала, предназначенного для рабочего класса, он писал: «Эта публикация... является выражением коммунизма, доведенного до крайних пределов радикализма... Уверяют, что этот первый номер целиком написан неким Майором, автором безбожного и аморального памфлета, озаглавленного "Унитарная система" и опубликованного под псевдонимом Френуа в первых числах сентября предыдущего года»²⁸. Итак, проспект «Коммюотера» вышел в свет в первой половине августа 1841 г. (поскольку он был переслан министру внутренних дел уже 17 августа и упомянут в августовском номере «Фратерните»), а его автором, по сведениям не только Кабе, но и правительственных властей, был не кто иной, как Майер.

Проспект «Коммюотера»²⁹ был подписан именем вымышленного ответственного издателя, некоего Депенуа. В нем указывалось, что журнал должен издаваться ежемесячно и иметь следующие разделы: 1) раздел, посвященный изложению доктрины; 2) философский раздел; 3) исторический раздел; 4) энциклопедический, посвященный актуальным вопросам современности; 5) раздел, посвященный изложению различных правдивых и поучительных фактов; 6) экономические, литературные, театральные и прочие обозрения. Фактически, однако, первый номер — проспект «Коммюотера» состоял лишь из одной статьи, излагавшей основные принципы, которыми должен был руководствоваться журнал. «Глубоко тронутые бедами, удручающими человечество — говорилось в этой статье, — мы искали их причину, а также средства, чтобы от них избавиться. Но с самого начала мы признали, что надлежит вести это изучение методически, дабы установить достоверные факты. Мы пришли также к выводу, что, несмотря на попытки, предпринимавшиеся до настоящего дня, все еще нет трактата о социальной науке, методически и солидно обоснованного... С тех пор мы поняли, что нашим долгом является заполнить эту лагуну. Мы хотели бы убедить всех истинных друзей человечества в настоятельной необходимости исходить наконец из знания вместо выдумки, из доказательства вместо голословного утверждения, из чувства истинного вместо причудливого воображения». Далее автор указывал, что необходимо ознакомить людей, стремящихся к социальному благу, с «единой доктриной». Эту цель и должен преследовать журнал. Это не значит, что все будет сразу же полностью

изложено. Каждая статья будет излагать отдельные аспекты, которые постепенно дадут представление об общем едином целом. «Мы будем подобны архитектору, вынужденному сперва показать планы и детали здания, до описания средств, с помощью которых можно его построить; но мы отнюдь не будем, как делали до настоящего времени различные социалисты, уподобляться архитектору, который, представляя смелые планы, средства осуществления которых неизвестны, не занимается в то же время поисками этих средств, дабы придать реальную ценность своим построениям».

Далее в проспекте излагаются, хотя и в самой общей форме, некоторые основные положения этой «единой доктрины». «Вселенная является бесконечным исконным фактом, все конкретные проявления которого — лишь различные выражения бытия; никакое из них не более разумно, чем другое. Поскольку вне общего существования нет ничего другого, деизм, как бы мы не представляли себе его объект, есть чисто людская выдумка... мы рассматриваем деизм как первопричину продолжительного существования заблуждений и отупения народов, откуда проистекают все социальные беды». Человек всегда испытывает ряд чувств; как любовь к самому себе и чувство самосохранения, так и любовь к ближним и чувство братства. Однако степени и формы этой любви различны в зависимости от социальной организации. «Плохая организация разъединяет личные интересы, она принуждает каждого думать только о себе, так как она постоянно угрожает его я, приучая его, таким образом, отбрасывая, под воздействием эгоистических чувств все бескорыстные чувства. Но обобществление разве не развивает в каждом чувство бескорыстной любви к коллективу и к лицам этого коллектива, с которыми находятся в непосредственном общении... Разве это не является единственной ситуацией, которую следовало бы называть социальной. Вот истина, которую нельзя отрицать. Эта ситуация называется *общностью*». «Гражданин полностью принадлежит обществу всегда и всюду, он никогда не должен его покидать, и общество также никогда не должно его оставлять на произвол судьбы». «Да, там где существует социальное единство, человек целиком принадлежит общественной организации. Через человека она производит для человека, который всегда, во всем и везде является потребителем и производителем, т.е. получающим и дающим...» В деле удовлетворения людских потребностей нужно исходить из следующего порядка: сперва необходимое, затем полезное и, наконец, приятное, включающее все человеческие утехи. Общество не должно ставить никаких пределов благосостоянию, наоборот, должно стремиться обеспечить каждому человеку полное счастье. Оно должно учитывать разницу между отдельными людьми и различными возрастами и ничего категорически не фиксировать, кроме того, что может быть фиксировано к всеобщей выгоде. В условиях общности не может быть никакой произвольной власти одного человеческого существа над другим. Поэтому, родители не должны иметь такой власти над своими детьми, а лица одного пола — над лицами другого пола. Брак в его теперешнем виде не будет больше

существовать; он будет заменен «моральными союзами», и общество будет принимать все меры, чтобы такие союзы были длительными, сохранялись в течение возможно большего срока. Но для этого необходимы не законы, а права, не правила, а принципы. Семья, по крайней мере такая, как ее понимают сейчас, не будет существовать. Между родственниками будут свободные и братские отношения, всемерно поощряемые обществом. Между современным общественным строем, основанным на конкуренции и эксплуатации, и строем общности не может быть никаких промежуточных общественных образований. «Предоставлять каждого его собственным силам или поддерживать каждого общими, объединенными силами, дать волю личной изворотливости, даже мошенничеству, или обеспечить всем жизненное существование при условии хорошей работы, наконец, дать возможность потреблять и производить сообразно денежным средствам или согласно социальному регламенту, ликвидирующему денежную систему,— между тем и другим нет середины, нет приемлемого перехода. Препятствия, которые могут представиться, силы, которые могут действовать, являются теми же в течение всего переходного режима, как и, в момент тотальной трансформации, с той разницей, что этот переходный режим создает крайне критическую ситуацию, которая, усиливая с каждым днем интенсивность препятствий, истощает силы, разделяет умы и, помимо всего этого, отдаляет для людей необходимость примкнуть к коммунистическому движению... Длительный переход — это переход в условиях удушливой атмосферы... удушье мешает продолжать путь, и каждый возвращается назад, будучи убежденным, что перед ним непреодолимый барьер. Отвергнем же любое переходное состояние, которое не может длительно существовать, так как, объединяя чужеродные элементы, оно было бы похоже не на живое существо, а на бесформенное чудовище, у которого отсутствует большинство жизненно важных органов».

Как осуществить, однако, радикальное переустройство общества? «Коммюнотер» дает на это следующий ответ: «Для осуществления такой организации (т.е. строя общности. — А.И.) разве не необходимо, чтобы общественная власть была бы сознательно социализирующей?» Такая власть должна быть руководящим центром, выразителем всеобщей воли. «Не следует ли из этого, что люди, у которых социальное сознание является наиболее развитым и просвещенным, являются единственными имеющими моральное право руководить обществом».

Проспект «Коммюнотера» свидетельствует, что имевшиеся в распоряжении властей, а также Кабе сведения о том, что он принадлежал перу Майера, несомненно, соответствуют действительности. Он написан тем же тяжелым, иногда даже не совсем понятным языком, как и «Унитарная система». Автор с самого начала подчеркивает «единство доктрины», которую он намерен был подробно изложить на страницах журнала, как до этого намерен был это сделать на страницах отдельных выпусков «Унитарной системы». Он также исходит из материалистического мировоззрения, что и побудило журнал

«Фратерните» «с сожалением» констатировать, что «Коммюнотер» исходит из неправильной основы. Характерно при этом, что в «Коммюнотере», как и в «Унитарной системе», «деизм», противопоставляемый материализму, понимается в широком смысле как выражение любых имматериальных, религиозных представлений и именно деизм рассматривается как первопричина всех социальных бед. Общественный строй также обозначается термином «ситуация». Ратуя за установление общности, проспект «Коммюнотера» тоже отвергает грубую уравнивательность, считая необходимым обеспечить людям не только необходимое и полезное, но и все человеческие утехи, предписывая учитывать разницу между людьми и ничего категорически не фиксировать. Как и «Унитарная система», журнал тоже решительно отвергает какие-либо реформы, какие-либо переходные общественные установления между современным общественным строем и строем общности. Как «Унитарная система», так и «Коммюнотер» высказываются за немедленное радикальное переустройство общества, употребляя даже один и тот же термин — «тотальная трансформация». Наконец, необходимо отметить и следующее. Мы знаем, сколь решительно «Унитарная система» высказывалась за революционную диктатуру как единственный способ установления нового общественного строя. Но ту же самую мысль, хотя и в несколько завуалированной форме, мы находим и в «Коммюнотере», где говорится, что строй общности может быть установлен лишь в том случае, если власть будет находиться в руках активных сторонников новой социальной доктрины, которые и должны руководить общественным преобразованием. Совершенно несомненно, что «Коммюнотер» также видел в революционной диктатуре сосредоточение власти в руках людей, преданных коммунистическому идеалу, единственно возможный способ «тотальной трансформации» общества.

В целом следует сказать, что все эти идеи изложены в «Унитарной системе» более детально, чем в «Коммюнотере». Объясняется это, очевидно, не только тем, что брошюра Майера значительно больше по своему объему, чем опубликованный им номер «Коммюнотера». Следует также иметь в виду, что этот первый номер был всего лишь проспектом нового журнала, который и должен был в дальнейшем, и то не сразу, подробно изложить новую доктрину. «Статья за статьей, — писал автор, — мы ознакомим читателей с нашей мыслью. Хотя совокупность этой мысли будет кратко изложена уже в проспекте, она не будет еще полностью развита даже в первых номерах журнала». Поэтому он и уподоблял себя архитектору, вынужденному сперва показывать лишь отдельные планы и детали. Но наладить издание нового коммунистического журнала Майеру так и не удалось, как ему не удалось за год до этого продолжить издание дальнейших выпусков «Унитарной системы».

III

О коммунистическом журнале «Юманитер», два номера которого были опубликованы в июле и августе 1841 г., было до настоящего времени известно лишь следующее. Журнал этот был органом целой

организации так называемых «юманитариев», которые в ноябре этого года были привлечены к судебной ответственности по обвинению в принадлежности к нелегальному обществу. В своей книге «Бабувизм после Бабефа» Сансье, не ссылаясь ни на какие источники, голословно заявлял, что редакция журнала состояла из следующих лиц: Дезами, Гей, Шаравэ, Савари, Шарассен, Паж, Фомберто и Мей³⁰. Со слов Сансье это повторяли и другие, упоминавшие об «Юманитере», в том числе и советские историки, включая и меня самого³¹.

Между тем в Национальном архиве имеются ценнейшие документы, проливающие совершенно новый свет на историю этого журнала и деятельность юманитариев³². Документы эти следующие: 1) доклад Габриэля Шаравэ на общем собрании основателей журнала; 2) протокол решений этого собрания; 3) набросок предложений Шаравэ об основных принципах, подлежащих рассмотрению; 4) основные принципы; 5) план журнала; 6) проект доклада Шаравэ о работе редакции журнала до выхода в свет его первого номера; 7) краткие протоколы заседаний редакции от 20, 21, 25, 27 июля и 1 августа 1841 г.; 8) лекция Шаравэ на курсах, организуемых «юманитариями»; 9) недатированное письмо Шаравэ Мею; 10) второе письмо Шаравэ Мею от 5 сентября 1841 г.; 11) недатированное письмо Гея Шаравэ; 12) второе письмо Гея Шаравэ от 7 сентября 1841 г.; 13) список подписчиков «Юманитера» в Сент-Антуанском предместье.

Прежде чем приступить к рассмотрению всех этих документов, необходимо выяснить, каков же был персональный состав юманитариев. На их процессе, состоявшемся в ноябре 1841 г., были привлечены к судебной ответственности следующие лица: Габриэль Шаравэ³³, 23 лет, журналист, Жан Шаравэ, 25 лет, трикотажник, Антуан Фомберто, сапожник, Дезире Гайар, 23 лет, кровельщик, Жюльен Гайар, 40 лет, водопроводчик, Алексис Шарль Тротье, 40 лет, портной, Сильвен Мурлон, 30 лет, каменщик, Антуан-Пьер Паж, 29 лет, рабочий-ювелир, Огюстен Пьер Ноэль, 20 лет, рабочий-ювелир, Франсуа Гард, 23 лет, печатник, Корнель Омбер, 41 года, счетовод, Клод-Франсуа Шассар, 45 лет, обойщик, Ансельм Жак Мюнье, 19 лет, рабочий ювелир, Огюст Советт, 25 лет, дубильщик, Донатьен-Жозеф Довернь, 22 лет, трикотажник, Жан Сане, 39 лет, сапожник, Этьен Руссо, 43 лет, виноторговец, Ипполит Лудье, 23 лет, приказчик, Эмиль (заочно)³⁴. Из показаний на процессе выяснилось, что обвиняемые, в частности братья Шаравэ и Паж, были связаны с широким кругом лиц. Так, консьержка дома, где жили братья Шаравэ, показала, что по вечерам, между восьмью и девятью часами, к ним приходило много народа, обычно 12–15 человек, уходивших между одиннадцатью часами и полночью. На вопрос, что это были за люди, консьержка ответила: «Это были рабочие». Консьержка дома, где жил Сане, также рассказала суду, что к нему приходило так много народа, что хозяин дома не хотел даже продлевать ему аренду квартиры, поскольку соседи очень жаловались на него.

Официальная «Газет де Трибюно», печатая отчет о процессе юманитариев, стремилась, выражая точку зрения властей, изобразить их

организацию как новое тайное общество. «Было известно, — читаем мы в этом отчете, — о существовании тайного общества, называемого Обществом коммунистов, и его главные вожди были осуждены, что, однако, не привело к ликвидации этого общества. Все его члены продолжали собираться, сговариваться о дезорганизации социального строя, и, во что даже трудно поверить, среди них нашлись такие, которые сочли недостаточной доктрину общности, как не ведущую достаточно быстро к цели, поставленной ими перед собой. Эти последние противопоставили первым новое знамя, и в результате раскола образовалась секта юманитариев... Чтобы выполнить намеченное ими дело, они объединились, сговорились и приняли решение, что они создадут журнал для проповеди юманитарной доктрины. Но создание этого журнала было лишь предлогом, чтобы легче собираться и совместно обсуждать необходимые действия, требуемые обстоятельствами». Во время проходившего тогда же следствия по делу Кениссе следственные власти также стремились получить доказательство, что организация «юманитариев» была не чем иным, как тайным обществом. Так, во время допроса Коломбье следователь задал ему вопрос: не является ли Общество юманитариев секцией Общества трудящихся-эгалитариев, на что тот ответил, что он ничего не знает об этом, заявив, что он вообще незнаком ни с кем из юманитариев. Такой же ответ он дал на вопрос следователя, не является ли членом Общества юманитариев Наполеон Базен³⁵.

Действительность, однако, была совершенно иной. Организация юманитариев не была тайным обществом³⁶ и тем более новым тайным обществом, отколовшимся от Общества коммунистов. Она не была построена по образцу подобных обществ и отнюдь не действовала в глубоком подполье. Ее члены не давали никаких страшных клятв и хорошо знали друг друга, поскольку периодически проводились их общие собрания. Именно отсутствием конспирации и объясняется тот факт, что сохранился их архив вплоть до протоколов заседаний; ни одно тайное общество не допускало ничего подобного, и хотя мы знаем, что на их секретных собраниях обсуждались представляемые руководством директивы, но, видно, эти тексты затем уничтожались, поскольку, несмотря на многочисленные аресты и обыски, в руки властей так и не попали хотя бы некоторые из них или вообще какие-либо материалы относительно собраний и решений тайных обществ. Первоочередной задачей организации юманитариев было издание нового коммунистического журнала для сплочения вокруг него возможно большего числа коммунистов и ведения коммунистической пропаганды. Разумеется, это вовсе не означает, что в ее состав не входили многие члены тайных обществ. Связанный с юманитариями Фомберто был членом тайных обществ еще с 30-х годов. Следователь недаром спрашивал Коломбье, не являлся ли Наполеон Базен членом Общества юманитариев. Этот видный деятель Общества трудящихся-эгалитариев на самом деле поддерживал тесную связь с юманитариями и был арестован вместе с их руководителями. В списке подписчиков «Юманитера» по Сент-Антуанскому предместью (а подписчики журнала считались членами

организации юманитариев) мы находим и имя Симара, члена Общества коммунистов, одного из ораторов на Бельвильском банкете. Среди арестованных и преданных суду юманитариев был и один из организаторов этого банкета — Омбер. Ведь именно он вместе с Пийо был одним из двух «ассессоров», назначенных комиссией по подготовке банкета в Бельвиле, которым было поручено открыть банкет. Характер организации юманитариев отнюдь не означает также, что они стояли в стороне от политики и рабочего движения. Наоборот, они принимали в нем самое активное участие и, как увидим ниже, были арестованы именно в этой связи.

Главным руководителем юманитариев был, безусловно, Габриэль Шаравэ. Как и его брат Жан, он был выходцем из рабочей среды. По его собственным показаниям на суде, он раньше жил в Лионе, где был трикотажником до того, как переселился в Париж в 1838 г., где стал заниматься книжным делом³⁷. В списке обвиняемых он фигурирует как журналист, в то время как его брат Жан, продолжавший, очевидно, заниматься прежней профессией, обозначен там как трикотажник. Находясь в Париже, Габриэль Шаравэ активно включился в политическую борьбу, будучи уже убежденным коммунистом³⁸.

Среди бумаг, конфискованных осенью 1841 г. у редактора «Журналь дю пёплъ» Дюпоти, мы находим рукописное воззвание Шаравэ, озаглавленное: «За избирательную реформу, за свободу, за равенство, за всеобщее братство». Избирательной реформы, говорилось в этом воззвании, бояться все эгоисты и привилегированные, но она — «надежда всех друзей справедливости и общего счастья, потому что эти последние видят в ней зарю благодатных дней, зарю свободы и равенства». Не нужно забывать опыт Французской революции. Когда правящие круги не захотели добровольно отказаться от конституции, основанной на «марке серебра», т.е. цензе, то народ 10 августа 1792 г. силой завоевал избирательную реформу. Так будет и теперь, если правители будут противиться этим справедливым требованиям³⁹.

Свои демократические и коммунистические убеждения Шаравэ пронес непоколебимо вплоть до революции 1848 г., в которой он принял активное участие. В опубликованной им брошюре, посвященной проекту конституции, внесенному 19 июня 1848 г. в Учредительное собрание конституционным комитетом⁴⁰, Шаравэ, критикуя этот проект, писал: «Гарантия прав является совершенно иллюзорной, если конституция не предоставляет гражданам средства для их осуществления. На самом деле, на что пролетариям право собраний, если они не имеют для этого необходимых помещений; на что им право ассоциаций, если они не имеют ни одного су, чтобы организовать ассоциации; на что им право выражать свое мнение через прессу, если их бедность не дает им возможности издавать газеты»⁴¹.

Говоря о юманитариях, нельзя, однако, не упомянуть и имя человека, принимавшего, несомненно, активное участие в издании журнала «Юманитер». То был Жан-Жозеф Мей. Мей не был рабочим, он был землевладельцем и агрономом. Его перу принадлежал даже

агрономический трактат о возделывании картофеля⁴². Еще в 1839 г. Мей был замешан в деятельности тайных обществ. Приговоренный к тюремному заключению, он затем перебрался в Лондон. Вернувшись во Францию в 1842 г., он был вновь арестован как уклоняющийся от военной службы, и его должны были отправить в Африку, но он нанял себе заместителя, однако сам вскоре скончался в Тулоне. Сведения о Мее мы имеем главным образом со слов Виктора Бутона, который не только его лично знал, но в 1839 г. даже жил с ним вместе в одной комнате. В своей книге Бутон утверждал, что Мей был основателем «Юманитера». Далее он пишет: «Ж.Ж.Мей, Шаравэ, Паж, к которым присоединился и Дезами, захотели, чтобы доктрина не налагала уз, связывавших человеческую свободу, т.е. захотели доказать, что в коммунистическом обществе человеческая свобода не уничтожается. Появился журнал "Юманитер"»⁴³. Издание «Юманитера» де ла Одд тоже связывает в первую очередь с Меем⁴⁴. Во время процесса над юманитариями председатель суда также пытался принудить Габриэля Шаравэ сознаться, что фактически главным редактором и руководителем «Юманитера» был Мей. Шаравэ, признавая, что Мей сотрудничал в журнале, категорически отрицал, что тот был главным редактором, утверждая, что основателем и редактором этого журнала был он сам⁴⁵. Это заявление Шаравэ полностью соответствовало действительности. Почему председатель суда пытался приписать Меею главную роль в издании «Юманитера», видно из его заявления, что журналом, очевидно, руководил человек более высокого интеллекта. Он никак не хотел поверить, что вышедший из рабочей среды Габриэль Шаравэ и рабочие-юманитарии, входившие в состав редакционной коллегии, были способны самостоятельно публиковать такой журнал, как «Юманитер».

Постараемся теперь восстановить по архивным документам подлинную историю этого коммунистического журнала, которая до сих пор была фактически неизвестна. Начнем с доклада Габриэля Шаравэ на собрании учредителей «Юманитера». Из этого доклада мы прежде всего узнаем, то уже до этого было проведено два собрания. На первом из них, в котором участвовали 14 человек, рассматривался следующий вопрос: необходимо ли при теперешних обстоятельствах основать журнал, излагающий принципы общности, который дал бы возможность сплотить коммунистов и вести широкую пропаганду. Все признали это предложение очень важным, но, поскольку они были еще малочисленны, они решили обратиться с призывом ко всем, разделявшим их убеждения, чтобы те к ним присоединились. Нужно было представить план, составить доклад, и в этих целях была избрана комиссия из пяти лиц. Как только она закончила свою работу было созвано второе собрание, на котором присутствовали уже 32 человека. После того как был зачитан этот доклад, началась дискуссия. Некоторые из выступавших высказали мысль, что немедленное основание нового журнала могло бы помешать журналу, который недавно начал издавать Кабе, собрать достаточное количество подписчиков и необходимые фонды, чтобы превратить его из ежесемейника в еженедельник. Другие, однако, оспаривали это мнение.

Чтобы покончить с этими дебатами, поставили на голосование три вопроса. Нужно ли основать журнал? Нужно ли отложить его издание? Если да, то на какой срок? По первому вопросу собрание единогласно высказалось за создание нового журнала. По второму вопросу голоса разделились поровну, но поскольку председательствующий высказался за отсрочку, то было принято решение отложить издание журнала. По третьему вопросу собрание единогласно решило отсрочить издание журнала до ближайшего воскресенья после выхода в свет третьего номера «Попюлера». В заключение собравшиеся подтвердили полномочия комиссии, избранной на первом заседании, и поручили ей в указанный срок созвать новое собрание.

Из приведенных выше сведений можно сделать следующий вывод. Поскольку первый номер «Попюлера» вышел 14 марта 1841 г. и издание было ежемесячным, то указанные выше собрания имели место, очевидно, в апреле этого года, так как на втором из них было решено дожидаться опубликования третьего номера «Попюлера». А так как этот номер вышел в свет 20 мая, то, следовательно, третье собрание учредителей нового журнала, на котором Габриэль Шаравэ и выступил с докладом, состоялось в воскресенье 23 мая 1841 г. Если на первом собрании присутствовали 14 человек, на втором — 32, то число участников третьего собрания нам, к сожалению, неизвестно. Но ясно, что в нем должно было участвовать несколько десятков человек.

Сославшись на предыдущие решения, Шаравэ далее зачитал новый доклад, представленный от имени созданной до этого комиссии. Доклад этот начинался с изложения основной социальной проблемы современности. «Граждане, — говорилось в нем, — с незапамятных времен большое зло гложет человечество; это зло больше связано с нашей общественной организацией, чем с нашей организацией политической. Это зло — неравенство, которое установили и сохранили среди людей коррупция, эгоизм, честолюбие и все плохие страсти». В течение веков предпринимались усилия, чтобы искоренить это зло, но вследствие того что люди, к этому стремившиеся, не могли уяснить истинную суть проблемы или же не получали достаточной поддержки, эти усилия не дали никаких результатов и служат лишь уроком для будущего. Никакое равенство перед законом не может изменить существующее положение. «Чтобы в обществе существовало равенство, нужно, чтобы одна часть общества не имела бы средств поработать ее другую часть. Итак, совершенно несомненно, что, пока будут существовать бедные и богатые, т.е. будет существовать класс, не имеющий собственности и работающий на класс, его обладающий, всегда первый класс будет рабом второго». В древнем Риме хотели бороться с общественным неравенством путем раздела земель и уравнивания состояний, т.е. с помощью аграрного закона, но то была порочная система, неспособная дать никаких положительных результатов. В дальнейшем выдающиеся мыслители пришли к убеждению, что, вместо того чтобы все разделить, нужно, наоборот, все обобществить. Томас Мор первый сформулировал принципы системы общности. Но он жил в

XVI столетии и не мог еще найти понимания; он сам считал эпоху реализации своей системы столь отдаленной, что даже назвал свою книгу «Утопией». (Интересный пример смещения понятий: не понятие «утопия» произошло от названия книги Мора, а сам Мор назвал так свою книгу, считая свой общественный идеал еще утопическим). В XVII и XVIII столетиях ряд других философов также пропагандировали систему общности, но без всякой надежды на возможность ее осуществления в сколько-нибудь близком будущем. Наконец вспыхнула революция 1789 г. Казалось, что теперь открывалась возможность осуществить на практике принцип равенства, который, как до этого полагали, всегда должен был носить лишь теоретический характер. Но это не было осуществлено из-за сопротивления врагов революции. «Система общности была в какой-то мере предана забвению, после того как в период Директории Бабеф ее проповедовал и поплатился головой за благородную и отважную попытку осуществить ее во Франции. После 1830 г., после ряда мятежей искренние друзья человечества, утомленные столь многими бесплодными волнениями и будучи свидетелями малого успеха или, вернее сказать, отступничества сенсимонистов и фурьеристов — отступничества, обусловленного заблуждениями, коренившимися в самих их системах, вновь обратились к системе общности как наиболее совершенной, способной объединить наибольшее число сторонников. И на самом деле система общности, распространяемая путем устных дискуссий и прессой, вскоре приобрела многих прозелитов. Со временем благодаря более активной и широкой пропаганде число этих прозелитов стало быстро расти; их теперь так много, что их враги в своем ослеплении и недоброжелательстве этим напуганы и раздражены... Однако до сих пор ничего не было сделано, чтобы объединить коммунистов. Мы должны признать великую и вечную истину, а именно: объединение дает силу... поэтому мы должны стремиться к объединению, не только к моральному объединению, обусловленному тем, что у нас одна и та же идея, но также к материальному объединению, которое должно побудить нас действовать всем вместе и с общего согласия в интересах и ради торжества этой идеи. Если имеются разногласия между коммунистами, то эти разногласия касаются не вопросов принципа, который един и неизменен, но деталей системы и способов ее осуществления. С помощью прессы может быть организована дискуссия о деталях системы с тем, чтобы прийти к общему согласию. Но иначе обстоит дело с вопросом о средствах ее осуществления. Этот вопрос наиболее щекотливый прежде всего потому, что его нельзя обсуждать открыто без того, чтобы не подвергать себя опасности, а также потому, что, по нашему мнению, он связан с характером событий, которые должны содействовать его решению. Например, когда эти события наступят, то, если коммунисты окажутся изолированными, без объединения, без руководства, если они заранее не договорятся, они будут, несомненно, использованы другими; если, наоборот, у них имелся бы заранее разработанный план, если бы они все объединились во внушительную силу, воодушевленную одной и той же идеей, стремящуюся к одной и той

же цели, они, без всякого сомнения, одержали бы победу...»

Поэтому необходимо уже сейчас, без отлагательства сплотить коммунистов, чтобы они могли работать совместно, дабы проложить дорогу, которая приведет их к намеченной цели. Поэтому нужно основать журнал, который был бы организован таким образом, чтобы дать возможность коммунистам собираться возможно чаще и по возможности в большем числе, — журнал, который распространял бы и защищал систему коммунистической ассоциации. Журнал должен быть основан определенным числом коммунистов, каждый из которых внесет по 2 франка. Если собранная сумма окажется недостаточной, чтобы обеспечить издание первого номера, то издание журнала должно быть отложено до того, как другие основатели дополнят эту сумму. Однако новые лица могут быть допущены в число основателей журнала лишь по представлению и поручительству двух других основателей. Все основатели журнала должны собираться ежемесячно на общие собрания. На них должны заслушиваться отчеты ответственного издателя, различного рода замечания относительно журнала, вноситься различные предложения. «Цель этих общих собраний будет главным образом состоять в том, чтобы дать возможность коммунистам познакомиться друг с другом, чтобы их сплотить, дать им правильное направление путем принятия более или менее важных решений сообразно обстоятельствам. Поскольку, чтобы договориться друг с другом, необходимо собираться как можно чаще, а месяц — слишком долгий срок, общая масса основателей будет разделена на фракции или секции по 15 человек. Каждая эта фракция или секция будет собираться в особом месте, и все они станут своего рода маленькими клубами, где будет обсуждаться все касающееся общности и где будут подготавливаться решения, принимаемые на общих собраниях».

Редактирование журнала должно быть поручено комитету из 15 членов, избираемому общим собранием основателей сроком на два месяца. Этот комитет должен собираться раз в восемь дней для одобрения и редактирования статей, представляемых его членами. Чтобы не дать повод для спеси и честолюбия, ни под одной статьей не должно быть подписи автора. В конце номера должно стоять лишь имя ответственного издателя. Этот ответственный издатель также будет избираться общим собранием основателей. Он должен следить за изданием журнала, рассылать его подписчикам, вести всю переписку, представлять ежемесячные отчеты общему собранию. Ему должна быть установлена заработная плата в 80 фр. в месяц. Одновременно общее собрание избирает и комитет из 5 членов для надзора за деятельностью ответственного издателя. Комитет этот имеет право отстранить его от обязанностей и созвать чрезвычайное общее собрание для его замены, а также созвать такое собрание, если ответственный издатель по тем или иным причинам не сможет продолжать выполнять свои функции.

Журнал будет ежемесячным. Однако, когда число основателей будет достаточно большим, можно будет начать издание еще одного журнала под другим названием. Внешне это будут два разных журнала, но

фактически это будет один и тот же журнал, выходящий в свет каждые 15 дней. Можно также, когда будут собраны достаточные денежные фонды, публиковать ежемесячно одну или две брошюры. В докладе приводится подробная смета одного номера журнала, которая определяется в 317 фр. 50 сантимов. Журнал распространяется как путем розничной продажи, так и по подписке. Основатели получают такое количество номеров, которое соответствует их взносам, исходя из стоимости одного номера в 25 сантимов. Таким образом, те основатели, которые вносят в общий фонд не 2 фр., а больше, получают и соответствующее количество номеров журнала, которые они могут или перепродавать, или раздавать по своему усмотрению.

Далее в докладе говорится об основных задачах журнала. Журнал должен пропагандировать систему общности, излагая все ее принципы и обсуждая все детали, показывая, насколько она превосходит все другие системы, доказывая, что лишь она обеспечивает истинное счастье как бедным, так и богатым, избавляя первых от нужды и бесчисленных бед, вторых — от постоянных тревог, вызываемых опасением потерять свое богатство, от скуки и монотонности их пресыщенной жизни. Журнал должен стремиться примирять коммунистов, давать им нужные советы, наконец, делать все, что полезно для победы принципа общности. Каждый номер журнала должен включать следующие статьи. 1. Одну политическую статью, причем политика должна рассматриваться с социальной точки зрения. В области внешней политики позиция журнала должна быть совершенно ясной: противиться иностранному вторжению, защищать Францию, не потому, что эта земля называется Францией, но потому, что она — родина принципа, который должен освободить все человечество, и дать ей погибнуть значит допустить гибель вместе с ней и этого принципа. Что касается внутренней политики, журнал должен давать коммунистам правильную ориентировку в существующей обстановке. Он должен, в частности, предостерегать их от новых интриганов, которые выступают против прежних лишь для того, чтобы занять их место, против лицемеров и эгоистов, которые пренебрегают нуждой трех четвертей общества и стремятся только к политической реформе, чтобы захватить власть, а не к социальной реформе, от которой они ничего не выиграют. 2. Теоретическую статью, которая должна дать представление о плане коммунистической организации общества, излагая его по частям. Серия этих статей, публикуемых в отдельных номерах журнала, может быть затем издана в одном или двух томах. 3. Ответ на все возражения, которые могут быть выдвинуты против общности. 4. Обсуждение отдельных деталей системы. 5. Статью, освещающую прогресс принципа общности в Париже, департаментах и даже за границей. 6. Статью, разоблачающую пороки современного общества с приведением для подтверждения этого новых фактов. 7. Статью, в которой будут даваться советы коммунистам, смотря по обстоятельствам, и цель которой — устранять, насколько это возможно, возникающие между ними разногласия. 8. Коммунистическую библиографию, где будут рассматриваться все новые публикации, посвященные общности. Там же,

однако, должны анализироваться и старые работы на эту тему с тем, чтобы ознакомить с ними читателей. 9. Наконец, могут печататься также, если это будет уместно, песни, стихотворения, басни, сказки и т.п., благоприятные для идеи общности. «Мы считаем, – говорилось в конце доклада, – что было бы полезным опубликовать не проспект журнала, а лишь введение в начале первого номера. Это введение могло бы изложить историю происхождения и прогресса идеи общности вплоть до наших дней».

Доклад, представленный Шаравэ общему собранию основателей, дает исчерпывающее представление о целях и задачах нового журнала. Этот журнал должен был быть коммунистическим органом, пропагандирующим, разъясняющим и защищающим идеи коммунизма. Он не должен был стоять в стороне от политики. Наряду с теоретическими статьями и другими аналогичными материалами, связанными с пропагандой нового общественного идеала, журнал должен был откликаться на все текущие события. В области внешней политики издатели журнала, как и почти все социалисты и коммунисты того времени, резко критиковавшие «мирную» политику Июльской монархии, стояли на позициях защиты национальных интересов Франции, подчеркивая при этом, что они занимают эту позицию не потому, что являются французами, а потому, что Франция – страна, несущая всему миру новый общественный идеал. В области внутренней политики они резко выступали против сторонников одной лишь политической реформы, этих «лицемеров и эгоистов», стремящихся с ее помощью пробиться к власти. Мы знаем, однако, что сам Шаравэ не осуждал избирательную реформу как таковую, видя во всеобщем избирательном праве зарю свободы и подлинного равенства, т.е. рассматривал политическую реформу лишь как средство для скорейшего осуществления реформы социальной.

Особого разъяснения требует содержащееся в докладе предложение, чтобы новый журнал разъяснял на своих страницах, что лишь строй общности принесет истинное счастье не только беднякам, но и богачам. Это тем более необходимо, что аналогичные мысли мы находим даже в брошюрах Пийо. Означает ли это, что Пийо и издатели «Юманитера» стояли на позициях мирного, а не революционного коммунизма? Разумеется, нет. Мирные социалисты и коммунисты всячески расписывали преимущества нового общественного строя и для господствующих классов с тем, чтобы доказать возможность и необходимость осуществить его ненасильственным путем, при прямом содействии богатых и власть имущих. Пийо, конечно, не питал на этот счет никаких иллюзий. Глубоко убежденный, что общественное переустройство может быть осуществлено лишь революционным путем, он говорил подчас о благах, которые сулит всем членам общества коммунистический строй, только для теоретического доказательства преимуществ этого строя перед современным, неспособным обеспечить подлинное счастье даже сильным мира сего. Аналогичную позицию занимали Шаравэ и его единомышленники. Хотя проектируемый ими

журнал и должен был доказывать, что современное общество не обеспечивает истинное счастье даже богатым из-за их вечных тревог и опасений за свое богатство, но он отнюдь не должен был сеять иллюзию о возможности мирного перехода к новому общественному строю. Что основатели «Юманитера» стояли на революционных позициях, совершенно ясно видно из того же доклада Шаравэ. В нем говорилось, что если с помощью прессы можно организовать дискуссию о деталях коммунистической системы, то иначе обстоит дело с вопросом о средствах ее осуществления, которые нельзя обсуждать открыто, не подвергаясь опасности, что вопрос этот связан с грядущими «событиями» и что коммунисты должны быть объединены и хорошо организованы, «когда эти события наступят». Не вызывает никакого сомнения, что под этими «событиями» в докладе подразумевалось не что иное, как грядущая революция.

Именно для сплочения коммунистов, для их единения и был задуман новый журнал. В докладе Шаравэ прямо говорилось о необходимости объединения коммунистов, причем не только морального, но и материального. Журнал должен был создать предпосылки не только для идейного сплочения коммунистов, но и для их организационного объединения. Действительно, мы видим, что основатели журнала, число которых исчислялось уже десятками и должно было постоянно расти, не были отдельными частными лицами. Они составляли сплоченную организацию, которая должна была ежемесячно проводить общие собрания. В дальнейшем предполагалось создать отдельные секции по 15 человек, которые должны были собираться более часто. Как на заседаниях секций, своего рода «маленьких клубов», так и на общих собраниях должны были рассматриваться отнюдь не только вопросы, связанные с изданием журнала, а и все текущие общественно-политические проблемы и приниматься соответствующие решения. В будущем предполагалось даже расширить пропаганду путем создания второго, параллельного журнала и издания брошюр. Ниже мы увидим, что предпринимались шаги, чтобы развернуть и устную пропаганду. Речь шла, следовательно, не о чем ином, как о создании коммунистической организации со своими периодическими органами и другими печатными изданиями, организации, активно участвующей в политической жизни страны. Если до этого имелись коммунистические организации лишь в форме тайных конспиративных обществ, то теперь была фактически предпринята попытка создания если и не совсем легальной, то, во всяком случае, полулегальной организации коммунистов под предлогом издания нового коммунистического печатного органа.

Другой имеющийся в нашем распоряжении документ – это протокол голосования по предложениям, представленным общему собранию основателей после доклада Шаравэ. Всего было поставлено на голосование шесть предложений, которые и были приняты. Решения общего собрания были следующие. Каждый основатель должен внести 2 фр.; те, которые не имеют этой возможности, могут внести и меньшую сумму, но не меньше 1 фр.; в то же время те, которые смогут, должны

внести большую сумму. Каждый получит количество номеров журнала соответственно своему взносу. Стоимость номера определяется в 20 сантимов. Временным ответственным издателем журнала избирается гражданин Шаравэ. Ответственному издателю назначается ежемесячное жалование в 60 франков. Жалование за первый месяц будет выплачено после опубликования первого номера журнала. Избрание постоянного ответственного издателя должно состояться в ближайшее воскресенье после выхода в свет первого номера. Далее собрание избрало временный редакционный комитет в составе десяти членов. Затем были предложены различные названия для нового журнала, и в конце концов остановились на названии «Юманитер». Как видим, общее собрание основателей в целом приняло предложения, содержащиеся в докладе Шаравэ, лишь с некоторыми поправками. Цена номера журнала вместо 25 сантимов была определена в 20 сантимов. Шаравэ был избран лишь временным ответственным издателем, а избрание постоянного издателя было отложено до выхода в свет первого номера журнала; редакционный комитет был избран в составе 10 человек, а не 15. Самым важным было решение дать новому журналу название «Юманитер».

Среди дошедших до нас документов имеется и план журнала. Поскольку он прямо связан с предложениями, содержащимися в докладе Шаравэ, то следует полагать, что он тоже был рассмотрен и принят на третьем собрании основателей. План этот предусматривал, что журнал будет иметь четыре раздела: первый будет посвящен доктрине; во втором будет изложен по частям проект коммунистической организации общества; в третьем под названием «Разное» будут публиковаться получаемые письма, ответы на возражения и т.п.; четвертый будет посвящен изложению достижений социальной науки, естествознания и всех других наук. В примечании говорилось: «Политические проблемы будут обсуждаться лишь в связи с различными конкретными фактами и лишь тогда, когда будет возможность рассматривать их с коммунистической точки зрения». В своем докладе Шаравэ именно так и ставил этот вопрос.

О том, что произошло после этого третьего собрания основателей и в каких условиях был подготовлен первый номер журнала, мы имеем подробные сведения из доклада Шаравэ, подготовленного им для следующего общего собрания.

На своем первом заседании редакционный комитет назначил из числа своих членов комиссию из шести человек, которой было поручено разработать программу, излагающую принципы, которыми должен был руководствоваться новый журнал, и определить его основное направление. Когда комиссия закончила свою работу, этот программный документ был представлен комитету, который на трех заседаниях рассмотрел его и одобрил. Оставалось лишь подготовить статьи для первого номера. Каждый из членов редакционного комитета взялся представить соответствующие статьи на темы, наиболее ему доступные. Один из членов представил статью, которая, однако, не была принята комитетом, поскольку она была чересчур длинной, неясной и содержала

серьезные ошибки. Другой член, взявшийся написать историческое введение, также представил свою работу, однако комитет тоже счел эту статью слишком длинной и принял решение опубликовать ее по частям. Затем комитету было представлено введение к доктрине, которое было принято большинством голосов, по которое автор взял обратно для внесения стилистических поправок. Наконец была зачитана статья о Сильвене Марешале, которая была принята с некоторыми незначительными изменениями.

После этого в работе редакционного комитета наступила некоторая заминка. Тот его член, статья которого была отвергнута и который должен был представить ее в переработанном виде, упорно ее не представлял, заявляя, что он не имел времени сделать это, так что в конце концов стало ясно, что он просто не хотел это делать из-за оскорбленного самолюбия. С другой стороны, автор введения также не приносил своей работы, хотя речь шла лишь о незначительных исправлениях. Но причиной этого были его принципиальные разногласия с автором упомянутой выше статьи. Начиная с первого же заседания автор введения, следовавший «здоровой доктрине», встречал систематическое противодействие со стороны своего противника. Вследствие этого, а также по причинам, от него не зависящим, он перестал посещать заседания комитета. Воспользовавшись его отсутствием, его антагонист стал еще более активно проповедовать другим членам комитета свои идеи. Среди последних имелись люди, проникнутые «истинными принципами», но они оказались фактически парализованными; некоторые приходили на заседания нерегулярно, а один из них вообще перестал их посещать. Используя это обстоятельство, упомянутый выше член комитета задумал нанести решающий удар. Он написал одному из своих сторонников из числа членов комитета, который по своим делам находился в то время вне Парижа, и попросил его спешно вернуться, чтобы его поддержать. На заседании редакционного комитета, состоявшегося в последние дни июня, он так ожесточенно и непристойно возражал, что это вызвало негодование присутствующих. Его сторонник, вызванный им в Париж, утверждал, что комитет стоит на неправильном пути, не имеет истинных принципов, что человек от рождения стремится к присвоению и обладает всеми дурными страстями; из его слов следовало, что можно быть одновременно сенсимонистом, фурьеристом и коммунистом. В заключение он предложил отложить издание журнала на шесть месяцев, чтобы можно было подобрать способных людей для его редактирования и для правильного изложения принципов, как он их понимал. Однако это предложение противоречило планам его друга, который стремился не сорвать издание журнала, а лишь захватить в свои руки его редактирование. С этой целью он с еще большей яростью стал нападать на членов комитета, исповедовавших здоровую доктрину, и добился того, что ему было поручено по-своему отредактировать введение. Таким образом, создалась реальная угроза, что журнал пойдет по неверному пути, что он будет редактироваться исходя из ложных принципов. В то же время неправильно было бы отложить его издание,

так как это вызвало бы возмущение его основателей. В этих условиях четыре члена комитета решили «прибегнуть к диктатуре» и сами сделать то, что не удалось сделать всем вместе. В течение восьми дней они сами отредактировали первый номер журнала. Накануне его опубликования был создан редакционный комитет для информации и разъяснения мотивов этого насильственного, по необходимому действия. Член комитета, возглавлявший оппозицию и узнавший лишь за несколько часов до заседания о том, что произошло, сразу же развернул кампанию против тех, кто отредактировал журнал. Его маневр удался, однако, лишь наполовину. Большинство членов комитета одобрили случившееся. Не имея возможности ничего сказать по существу, оппозиционеры выдвинули аргумент, что члены комитета, самовольно отредактировавшие журнал, действовали незаконным путем. В этой связи в докладе Шаравэ мы находим следующее высказывание, еще раз проливающее свет на истинные политические настроения как его самого, так и его сторонников: «Как! отступить перед легальностью, перед чистой формальностью! О! что сказали бы вы о народе, который отказался бы сбросить свои цепи, разорванные малым числом людей, под предлогом, что этот акт, несущий ему свободу, не является легальным! Кто из нас осудил бы Бабефа, если бы ему сопутствовал успех в его отважном начинании». Чтобы положить конец дебатам, было решено вернуть взносы тем, кто не одобрял того, что произошло. Но член комитета, возглавлявший оппозицию, не довольствуясь этим, продолжал поносить энергичных граждан, обеспечивших выпуск журнала, и с угрозами покинул заседание. «С тех пор, — читаем мы дальше в докладе, — он не прекращал строить козни против нас. Им были использованы самые вероломные маневры, все возможные интриги. Вы видели, граждане, как он прилагал все усилия, чтобы с помощью клеветы возбудить вас против нас. Он посетил всех основателей, которых только смог найти, и чтобы поскорее излить свой яд, пользовался для этих посещений даже кабриолетом». Истинные принципы не навязывают путем интриги. Сами они никогда не употребляли таких недостойных методов. Пусть же собравшиеся здесь граждане рассудят, кто прав, они или те, кто возводит на них клевету. Доклад заканчивался следующими словами: «В течение всего срока полномочий, которые вы нам предоставили, мы вели постоянную войну против заблуждения и интриги; сегодня, когда срок наших полномочий истекает, мы ни от чего не отрекаемся и с доверием ожидаем вашего суждения».

Этот доклад Шаравэ был представлен, очевидно, общему собранию основателей, состоявшемуся в июле после выхода в свет первого номера «Юманитера». Ведь предыдущее собрание избрало лишь временный редакционный комитет, а Шаравэ лишь временным ответственным издателем. Избрание постоянного ответственного издателя и редакционного комитета должно было состояться в ближайшее воскресенье после опубликования первого номера журнала. Несомненно, к этому общему собранию и был подготовлен изложенный выше отчетный доклад Шаравэ. Из него мы узнаем о серьезных разногласиях, возникших внутри

временного редакционного комитета. Один из его членов (к сожалению, в докладе не приводится никаких имен) возглавил оппозицию Шаравэ и его сторонников. На заседаниях редакционного комитета началась ожесточенная борьба. Борьба эта носила не личный, а принципиальный характер. Хотя первоначально как будто и удалось договориться об основном направлении нового журнала, но, когда речь зашла о конкретных статьях, сразу же возникли серьезные разногласия. Судить по докладу Шаравэ о сути этих разногласий довольно трудно. Он говорит лишь в общих словах об «истинных» и «ложных» принципах, а конкретно ссылается только на высказывания одного из членов комитета, утверждавшего, будто бы люди от рождения обладают всеми плохими страстями, что можно быть одновременно сенсимонистом, фурьеристом и коммунистом. Но и это не дает возможности составить себе ясное представление о позиции членов редакционного комитета, несогласных с линией сторонников Шаравэ, тем более что нельзя не признать, что его доклад составлен явно тенденциозно с целью дискредитации своих противников. Однако совершенно несомненно, что разногласия носили идейный характер. Поскольку все основатели нового журнала были коммунистами и ставили своей задачей создание нового коммунистического органа, то разногласия эти касались, очевидно, конкретных представлений о коммунистическом обществе и связанных с этим основных общественных проблем.

Нельзя не обратить внимания также на следующий факт. Шаравэ в своем докладе утверждал, что с первого же заседания редакционного комитета острые разногласия возникли между автором введения, «следовавшего здравой доктрине», и автором отвергнутой статьи. Об этом введении Шаравэ говорит, что это было то самое введение, «которое опубликовано в первом номере "Юманитера" под названием "Первая часть"». А кто был автором этой статьи, мы знаем из письма Шаравэ, посланного им в Лондон Мею в конце августа этого года, о котором нам предстоит еще говорить. Им был не кто иной, как сам Мей. Далее в своем докладе Шаравэ сообщал, что автор введения вскоре перестал посещать заседания редакционного комитета как в результате возникших разногласий, так и по причинам, от него не зависящим. Но из этого следует, что в конце мая — первой половине июня Мей находился в Париже. В этой связи интересно показание Шаравэ на процессе юманитариев. Категорически отрицая, что Мей был главным редактором «Юманитера», он в то же время утверждал, что познакомился с Меем в Париже. На замечание председателя суда, что это невозможно, так как Мей находится в Англии, Шаравэ повторил свое показание⁴⁶. Очевидно, Мей действительно нелегально приехал во Францию и пробыл там некоторое время, а затем вернулся в Лондон. После его отъезда в комитете усилились нападки на позицию Шаравэ — Мея, и в конце концов их «антагонист» чуть было не одержал победу: ему было поручено переделать введение. В этот критический момент Шаравэ и трое его сторонников (а его двумя ближайшими помощниками, как увидим ниже, были Паж и Сане) предприняли решительный шаг, или, следуя

выражению Шаравэ, «решили прибегнуть к диктатуре». Последнее заседание редакционного комитета состоялось в конце июня, а затем Шаравэ с тремя другими членами комитета, разделявшими его взгляды, в течение восьми дней самовольно отредактировал и издал первый номер журнала, поставив других членов редакционного комитета перед свершившимся фактом. Первый номер «Юманитера», по свидетельству «Фратерните», действительно вышел в свет «в начале июля»⁴⁷.

На состоявшемся после выхода первого номера журнала общем собрании основателей Шаравэ одержал полную победу. Он не только остался ответственным издателем «Юманитера», но ему удалось, очевидно, произвести соответствующие изменения и в составе редакционного комитета. Каков был первоначальный состав этого комитета, мы не знаем. Но мы имеем сведения о его составе к моменту ареста юманитариев. Кроме дошедших до нас документов, сохранившихся в копиях в архиве суда пэров, имелись и другие документы, также находившиеся в распоряжении седьмой палаты уголовного трибунала Парижа, судившего юманитариев. Во время их процесса и допроса Габриэля Шаравэ председатель суда, ссылаясь на имевшийся в его распоряжении список редакторов журнала, огласил следующие имена. Помимо самого Шаравэ, в состав редакционного комитета входили: Мюнье, Сане, Паж, Дезире Гайар, Жюльен Гайар, Омбер, Шассар и некий Эмиль, привлеченный к суду заочно⁴⁸.

Обстоятельства, связанные с выпуском первого номера «Юманитера», объясняют тот, казалось бы, удивительный факт, что только после этого редакционный комитет занялся разработкой «основных принципов», которыми надлежало руководствоваться. Этот вопрос, разумеется, стоял с самого начала, и еще временный редакционный комитет пытался его сформулировать. Но возникшие вскоре разногласия свели все на нет. Поэтому новый редакционный комитет, носивший уже однородный характер, счел необходимым вновь вернуться к этому.

Среди дошедших до нас бумаг имеется набросок Шаравэ, перечисляющий вопросы, подлежащие рассмотрению, на некоторые из которых он дает ответ, а другие просто формулирует. На первый вопрос, следует ли упразднить роскошь, он дает положительный ответ со следующим обоснованием. Производство предметов роскоши, отвлекая рабочие руки от действительно полезных вещей, поддерживает лишь тщеславие и спесь, является лишь результатом мании людей отличаться от себе подобных. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы сохранить роскошь «при эгалитарном режиме, не допускающим никаких различий». Далее следуют вопросы, надо ли требовать упразднения городов, нужно ли иметь один или два административных органа в одной и той же общине, как нужно распределять должностных лиц, нужно ли развивать любовь к путешествиям, нужно ли упразднить изящные искусства. На этот последний вопрос Шаравэ также дает ответ. Занятия изящными искусствами могут быть допущены лишь как форма отдыха, а не как род деятельности, причем в музыке надо избегать всего того, что возбуждает

воображение, а в поэзии — того, что может побуждать к созерцанию, порождающему мистицизм; танцы же являются опасной глупостью, и их надо запретить, заменив их гимнастикой.

Весьма возможно, что этот набросок был сделан Шаравэ еще для временного редакционного комитета, но все выдвинутые им вопросы, как и ряд других, были подробно обсуждены уже после выхода в свет первого номера «Юманитера», когда и были окончательно сформулированы «основные принципы». Мы знаем это достоверно из кратких протоколов заседаний нового редакционного комитета, имевших место в конце июля.

Протокол от 20 июля гласил: «Мы единогласно признали и приняли в качестве принципов следующие девять пунктов как фундаментальную базу эгалитарной коммунистической доктрины. *Истина* является неделимой, и только она должна руководить разумом человека, поэтому ее надо надлежащим образом провозглашать всю целиком и повсюду. *Материализм* должен быть провозглашен, поскольку это неизменный закон природы, на котором все основано и который нельзя преступать, не впадая в заблуждения. *Индивидуальная семья* должна быть упразднена, потому что она ведет к раздроблению привязанностей, нарушает гармонию братства, которое только и должно объединять людей, и может стать причиной всех бед, которые могут их погубить. *Брак* должен быть упразднен, так как это несправедливый институт, который превращает в рабство то, что природа сделала свободным, и устанавливает индивидуальную собственность, делая вследствие этого общность и счастье невозможными, поскольку непреложно, что общность не допускает никакого вида собственности. *Изящные искусства*, поскольку они не вытекают из требований природы и потребностей человека, могут быть допущены только как форма отдыха. *Роскошь* должна исчезнуть по той же причине как несоответствующая природе и потребностям человека. *Города* должны быть разрушены, потому что они — центры господства и испорченности. *Каждая община* должна иметь одно государственное установление. *Постоянные путешествия*, соответствующие природе и активности человека, должны получить всемерное распространение. После того как мы изложили эти девять пунктов, мы перешли к дискуссии и единогласно решили, что человек не имеет ни врожденных идей, ни вкусов, ни склонностей, ни способностей, поскольку в противном случае надо было бы допустить, что есть две различные человеческие натуры, а это совершенно абсурдно и означало бы, что общность является невозможной. Далее мы пришли к заключению, что не существует самоотверженности и признали, что то, что так называют в настоящее время, является лишь чистым эгоизмом или настоятельной потребностью».

Следующий протокол излагал решения заседания от 22 июля. «Мы единогласно отвергли существование прогресса, признав, что то, что называется прогрессом, — это нечто бесконечное, постоянное возрастание добра и зла, ведущих взаимную борьбу, это нечто не допускающее полного развития добра, так сказать, отрицающее его и

любое совершенство». На заседании от 25 июля было принято решение признать, что все поступки людей обусловлены не эгоизмом, а интересом самосохранения. В протоколе заседания от 27 июля мы читаем: «Мы признаем в принципе, что человек рождается с инстинктом самосохранения, что он имеет физические, интеллектуальные и моральные потребности, что все его способности соответствуют этим потребностям, что полное развитие этих способностей обеспечит полное удовлетворение потребностей, но что разум, исходящий из истины, должен прийти на помощь развитию этих способностей и руководить инстинктом человека». Последняя краткая запись заседания от 1 августа свидетельствует, что редакционный комитет, покончив с разработкой «основных принципов», приступил уже к рассмотрению статей для второго номера «Юманитера».

Среди дошедших до нас бумаг имеется и краткое изложение «основных принципов» в 9 пунктах. Когда был написан этот документ, в точности сказать трудно. Возможно, он был составлен еще до подробного обсуждения «основных принципов» на заседаниях редакционного комитета, как и набросок Шаравэ, некоторые формулировки которого в нем дословно воспроизведены. «Было решено: 1. Что надлежит говорить всю истину. 2. Что необходимо откровенно провозгласить себя материалистами. 3. Что надлежит требовать упразднения семьи. 4. Что надлежит требовать упразднения брака. 5. Что изящные искусства будут допущены лишь как форма отдыха, а не как род деятельности. 6. Что роскошь будет упразднена. 7. Что надлежит требовать уничтожения столиц, т.е. центров господства и влияния. 8. Что надлежит требовать один административный орган для каждой общины, если только на местах не потребуют нескольких. 9. Что следует развивать склонность к путешествиям».

Эти «основные принципы» объясняют нам многое. Они дают возможность уяснить причины и суть бурных разногласий, возникших в июне на заседаниях временного редакционного комитета. Совершенно ясно, что многие его члены были несогласны с этими принципами, если и не со всеми, то с некоторыми из них, вроде упразднения семьи и брака, разрушения городов, упразднения не только роскоши, но фактически и искусств и т.п. Дело кончилось тем, что Шаравэ вместе с тремя своими сторонниками вопреки мнению большинства членов комитета самовольно опубликовал первый номер журнала. Поэтому, хотя этот номер и вышел в свет еще в начале июля, он базировался уже, пользуясь выражением Шаравэ, на «истинных принципах», несмотря на то, что эти «основные принципы» и были подробно рассмотрены и одобрены новым редакционным комитетом только в конце этого месяца.

Первый номер «Юманитера»⁴⁹ открывался теоретической статьей, написанной Меем. В ней указывалось, что задача журнала — развитие принципов социальной науки. Доктрина, ими проповедуемая, не нова; во все времена она имела своих апостолов. Но ни один из них не дал о ней четкого и полного представления. К тому же научные открытия делают необходимым новые аргументы для доказательства ее очевидности.

Прежде чем изложить основы этой доктрины, необходимо обнаружить причину всех бед человечества. Они проистекают не от того, что человек живет в обществе, и не обусловлены природой человека. Наоборот, общественное состояние наиболее соответствует природе человека и его потребностям. Истинная причина зла — плохая организация общества, нарушающая естественные законы и противоречащая человеческой природе. Человек не имеет врожденных идей и склонностей. Он рождается с потребностями и способностями; первые нужно удовлетворять, вторые — развивать. Бурные кризисы, различные революции, потрясшие человечество, явились выражением протеста человеческой природы против социального строя, не гарантировавшего удовлетворения всех потребностей человека и полного развития всех его способностей. Для полного удовлетворения человеческих потребностей надо правильно использовать природные ресурсы и умножать их. Все действия человека должны быть полезными, т.е. не вредить ни ему, ни другим людям. Поэтому необходимо найти такую общественную организацию, которая делает невозможным для человека вредить себе подобному, не вредя себе самому. Лишь эгалитарный строй, основанный на общности имуществ, может решить все эти проблемы. Говорят, что равенство — это возвращение к первобытному состоянию, подавление активности человека. Говорят, что общность имуществ связана с монотонностью жизни и с принуждением. Все это не соответствует действительности. О какой монотонности может идти речь, если человек будет выполнять одну и ту же работу лишь в течение одного дня, если он будет постоянно путешествовать «в целях осуществления самого глубокого смешения расы, непрерывного стимулирования активности человека и для свободного развития братства, предохраняя тем самым людей от постоянного общения с одними и теми же лицами, что ведет к индивидуальной привязанности, являющейся отрицанием единого и всеобщего закона притяжения». Общность не связана также с постоянным принуждением, наоборот, она связана с любовью к свободе и упраздняет всякое господство человека над человеком. Говорят, что коммунисты разъединены и каждый понимает общность на свой лад. Это, конечно, правда, но причина этому та, что до сих пор доктрина общности не была изложена ясно и исчерпывающе. Как старые, так и новые работы, ей посвященные, из-за невежества их авторов и опасения задеть некоторые предрассудки полны ложных идей, непоследовательностей и противоречий. Задачей нового журнала является

Ясное и откровенное описание коммунистической организации общества. «Война не на жизнь, а на смерть против всех заблуждений, против всех предрассудков!»

Вслед за теоретической статьей Мея под рубрикой «Биобиблиография» помещена обширная статья о Сильвене Марешале, написанная каким-то другим членом временного редакционного комитета. В ней детально излагается его жизнь и деятельность, и нам нет, разумеется, никакого смысла ее подробно пересказывать. Остановимся лишь на тех высказываниях, которые характерны для

издателей «Юманитера», опубликовавших эту статью для подтверждения собственных идей. В ней прежде всего подчеркивается материалистическое мировоззрение Марешаля, издавшего еще в 1781 г. смелую философскую поэму. «Это была громовая обличительная речь против воззрения, допускающего бытие существа, стоящего над природой, и красноречивая защита материализма...» «Он хотел, — читаем мы далее, — чтобы разрушили города, которые он рассматривал как грязные клоаки, как очаги, непрерывно порождающие испорченность». Он был против существования законов и правительств. После термидора Марешаль примкнул к Бабефу, который сперва стремился к разделу имущества, а затем воспринял доктрину реального равенства и общности имущества. Говоря о «Манифесте равных», статья защищает взгляды Марешаля, которого обвиняли в том, что он готов был пожертвовать искусствами ради реального равенства. Прежде всего нельзя смешивать полезные искусства с изящными искусствами. «Полезные искусства должны существовать именно по той причине, что они полезные, а изящные искусства, которые являются лишь приятными, можно терпеть лишь как форму отдыха, а не как особый род деятельности». Наконец в этой статье о Марешале особое внимание привлекает следующее недвусмысленное высказывание: «Если абстрагироваться от его патриархальной системы, что высказанные им *антиполитические или анархические идеи*, которыми еще не занялся ни один социалист, заслуживают, по нашему мнению, серьезного рассмотрения. Нужно сожалеть, что он не попытался применить эти идеи к доктрине эгалитарной общности; казалось бы — о чем свидетельствует следующая фраза манифеста равных: "пусть исчезнет наконец возмутительное различие между управляющими и управляемыми", отклоненная тайным комитетом, — именно этим он первоначально намерен был заняться; он мог бы в таком случае оставить нам идеи, проливающие свет на этот вопрос. Но так или иначе он выдвинул проблему, которая достойна рассмотрения Институтом Франции; ее решение было бы гораздо более интересным, чем рассмотрение проблемы квадратуры круга и многих других такого же рода. Можно было бы так сформулировать вопрос: способен ли человек к совершенствованию? Является ли единственной границей этой способности к совершенствованию лишь полное совершенство? Может ли человек, став совершенным, жить в обществе без каких-либо законов или каких-либо форм правления?».

Далее в первом номере «Юманитера» помещен отчет об июньском процессе коммунистов, причем приводится большая выдержка из защитительной речи Пийо, а также заметка о новой книге Ламенне и о книге «Бедность и богатство» Шербюлье. Безусловный интерес представляют две другие статьи. Это прежде всего заметка о лионском журнале «Травай», первый номер которого вышел в июне. В ней выражается несогласие с тем, что издатели этого журнала всячески подчеркивают его исключительно рабочий характер, а также глубокое сожаление, что они придерживаются «спиритуалистических идей,

диаметрально противоположных доктрине эгалитарной общности, апостолами которой они являются».

Несомненный интерес представляет и «Ответ журналу "Ателье"». «Ателье» был «рабочим» журналом, редактировавшимся, как и «Народный улей» Венсара, исключительно рабочими. Пропагандируя под влиянием Бюше рабочие ассоциации, журнал этот был, однако, далек от коммунизма, хотя в его основании принимал в свое время участие не кто иной, как сам Габриэль Шаравз⁵⁰. В десятом номере «Ателье» помещена статья, озаглавленная «К рабочим-коммунистам», в которой говорилось не только о журнале «Травай», но и о «Юманитере», хотя издание последнего еще только подготавливалось. «Ателье» выражал удовлетворение тем, что новый журнал будет редактироваться исключительно рабочими, так как лишь рабочие могут пропагандировать свои истины. В ответе «Юманитера» эта точка зрения решительно отвергалась. Если большая часть людей, познавших истину, и принадлежит к рабочему классу, то это не значит, что ими не могут быть и выходцы из других общественных слоев. Ведь Пифагор, Сократ, Платон, Мор, Кампанелла, Мабли, Морелли, Бабеф, Буонарроти не были рабочими, а между тем они являются их учителями. Мы готовы, говорилось в этом ответе, принять в свою среду всех людей доброй воли, разделяющих эгалитарные и коммунистические принципы, даже министра, если бы появился новый Томас Мор. Далее, отвечая на вопрос «Ателье» о причинах разногласий между рабочими, «Юманитер» вновь повторял, что это результат отсутствия ясного изложения социальной науки, чем и надлежит заняться.

Как видим, первый номер «Юманитера» отнюдь не противоречил «основным принципам», официально одобренным на последующих заседаниях редакционного комитета. Исходя из материалистического мировоззрения и правильно полагая, что приверженцами коммунизма могут быть не только выходцы из рабочего класса, т.е. отвергая узкопрофессиональную точку зрения на коммунистическое движение, он в то же время в той или иной форме высказывался за разрушение городов, ликвидацию брака и семьи, проявлял презрительное отношение к изящным искусствам, как к чему-то ненужному. Во вступительной статье пропагандировались «постоянные путешествия» как средство для предотвращения «индивидуальных привязанностей», т.е. каких-либо длительных любовных связей, для постоянного «смешения расы». Больше того, новый журнал с явным сочувствием отзывался об анархических взглядах Марешаля и ставил вопрос о возможности сочетания анархических идей с системой эгалитарного коммунизма.

Неудивительно, что уже этот первый номер «Юманитера» вызвал оживленные отклики. Наиболее сдержанным был отзыв журнала «Травай». В его июльском номере была помещена заметка о выходе в свет коммунистического журнала, «основанного людьми из народа, который присоединяет свои усилия к делу пропаганды истины». Далее в этой заметке содержался ответ на два упрека, адресованные издателем журнала «Травай». По поводу первого упрека — о рабочем характере

журнала — говорилось, что они хотели лишь выразить ту мысль, что их журнал должен быть руководителем трудящихся и защищать их интересы. «Но мы совершенно не подразумевали под этим, что мы не будем принимать статьи, посланные нам кем бы то ни было, если они будут гармонировать с нашими идеями». На второй упрек о пропаганде «спиритуалистических идей» в заметке содержался уже приведенный нами выше ответ, что они имеют о боге то широкое представление, которое дала рационалистическая философия, и что они отнюдь не абстрагируются от разума⁵¹. В пятом номере, вышедшем в свет 25 июля 1841 г., «Попюлер» также поместил предварительную заметку о «Юманитере», в которой проповедуемые в нем идеи характеризовались как «безумные, во всяком случае для настоящего времени», и лишь наносящие вред пропаганде идей коммунизма⁵². «Фратерните» же в своем августовском номере посвятил целую статью этому новому коммунистическому органу, в которой в самой резкой форме осуждались его материалистическая философия, а также «противоестественные, антисоциальные и чудовищные интерпретации, которые журнал "Юманитер" дает коммунистической доктрине»⁵³.

С резким осуждением представлений «Юманитера» о будущем коммунистическом обществе выступил и «Коммюотер», вышедший в свет в первой половине августа: «Отвергнем также аморальные разглагольствования легкомысленных и злонамеренных людей, которые предадут гласности все, что, проходя через их ограниченные мозги, кажется им тем более замечательным, чем больше оно возмущает здравый смысл, чем больше оно является гипотетическим, противоречивым, глубоко абсурдным, чудовищным и циничным, нелепым и омерзительным. Такие люди являются настоящим бичом для новых идей... Ах! подумаем о том, что наши враги, ранив нас, показали нам наше уязвимое место; побоимся же оправдать эпитеты, с помощью которых они хотят нас погубить; напрасно заверяли бы мы в наших добрых намерениях; неумелые поборники общего счастья, мы сделали бы его навеки неосуществимым»⁵⁴. Тут может возникнуть вопрос: ведь сам же «Коммюотер» выступал за упразднение семьи и брака. Но здесь речь шла о семье «такой, как ее понимают сейчас», т.е. о буржуазной семье. Ей противопоставлялись свободные «моральные союзы», носящие длительный, постоянный характер. Все это не имело ничего общего с пропагандой «Юманитером» случайных половых связей во время «постоянных путешествий» и предотвращения «индивидуальных привязанностей». А ведь еще в «Унитарной системе» Майер резко выступал против такого рода «свободы любви» и задавал вопрос: с каких это пор проституция является моральным качеством?

К тому времени издатели «Юманитера» опубликовали второй, августовский номер журнала⁵⁵. Он открывался теоретической статьей, принадлежавшей перу Мея, озаглавленной «О социальной науке». Она не содержала, по существу, ничего нового и ограничивалась общими рассуждениями. В ней снова повторялось, что социальная наука должна исходить из природы человека и что необходимо создать все условия для

полного удовлетворения его потребностей. Конечно, нельзя избежать болезней и смерти. Но при новой социальной организации исчезнут все общественные беды, в первую очередь такие, как нищенство и прислужничество. Даже человеческая жизнь будет продлена, поскольку преждевременная смерть не будет наступать как теперь в результате распутства, плохого питания и непосильной работы, а число болезней значительно уменьшится. Необходимо осуществить следующую задачу: «создать для человека положение, соответствующее его природе; полностью развить все его способности; устранить все то, что прямо или косвенно содействует заблуждению его разума». Тогда исчезнет деспотизм и господство человека над человеком в любых формах. Тогда человек будет лишен возможности делать зло. Значит ли это, что будет установлена новая тирания и человек будет лишен свободы. «Прежде всего, что такое тирания и что такое свобода? Свобода — это такое положение, когда человек не подчиняется никакому другому авторитету, кроме разума; тирания является противоположностью этому, т.е. таким положением, когда человек вынужден совершать действия, не диктуемые ему разумом. Что же такое разум? Это наука, знание того, что является полезным и что вредным. А такое знание легко приобрести». Следовательно, в предлагаемой социальной организации нет тирании, так как человек повинуетя лишь велению разума. В следующем номере автор статьи обещал доказать, что только эгалитарный строй соответствует природе человека. В дальнейшем должны были быть изложены меры предосторожности, которые следует принять, чтобы этот строй оставался нерушимым, и, наконец, должны были быть указаны средства, с помощью которых можно будет осуществить эту «великую трансформацию».

Остальная часть номера была посвящена в основном полемическим статьям. В «Ответе журналу "Попюлер"» оспаривалось утверждение, что идеи «Юманитера» являются для настоящего времени безумными. Нельзя бояться провозглашать истину, какой бы смелой она ни была. «Что касается нас, то мы глубоко убеждены, что лучший способ сделать кого-либо коммунистом — это дать ему самое четкое, самое точное представление об общности, другими словами, извлечь из принципа общности все логически вытекающие последствия. Никаких уступок!.. Сорвем смелой рукой покрывало, которым хитрые и ловкие мошенники прикрывают истину под предлогом целомудрия». Как видим, «Юманитер» был убежден, что его «основные принципы», в частности о радикальной ликвидации любых форм семейных отношений, логически вытекают из коммунистического идеала и без них подлинная общность невозможна.

Обширная статья, написанная самим Шаравэ, была ответом журналу «Фратерните». Она защищала оспариваемые «Фратерните» идеи материализма и детерминизма и в этом отношении исходила из правильных установок. В то же время автор ее метал гром и молнии по поводу заявления «Фратерните», что «постоянные путешествия» с целью «смешения расы» не что иное, как самые грубые совокупления и самое сластолюбивое отрицание семьи. В ней вновь заявлялось, что

необходимо предотвращать «индивидуальные привязанности», противоречащие подлинному братству, поскольку братство неделимо, т.е. что коммунизм и «индивидуальные привязанности» — вещи совершенно несовместимые.

В конце номера помещено продолжение ответа журналу «Ателье». Не забудем, что «Ателье» выступил со своей статьей еще до выхода в свет первого номера «Юманитера». Поэтому он задавал вопрос, каким будет этот новый журнал и что он понимает под коммунизмом. Если под коммунизмом он понимает сельские и индустриальные ассоциации, то и они, издатели «Ателье», тоже коммунисты; если же под этим термином редакторы нового журнала понимают химерическую общность, мечту о золотом веке, то им можно только посочувствовать за их бесплодные поиски невозможного. Издатели «Юманитера» отвечали на это, что они имеют в виду именно подлинную общность, а не предлагаемые «Ателье» ассоциации. Их ответ содержал ряд интересных положений. Прежде всего выясняется, что юманитарии представляли себе коммунистическое общество как сумму отдельных общин. «Каждая община будет обильно снабжена... необходимыми для всех ее членов предметами»; «мы хотим, чтобы все без исключения садились за общий стол». Однако создание отдельных коммунистических общин при существующих общественных порядках невозможно, свидетельством чему являются безрезультатные опыты Оуэна. Далее в этом ответе всячески подчеркивалось значение машин для облегчения человеческого труда. Если машины «в настоящее время являются большим злом, они станут великим благом, когда общество будет организовано должным образом». Очень интересно и рассуждение о суверенитете народа. Отвечая на высказывания «Ателье», «Юманитер» писал: «Думаете ли вы, что философ, социалист должен желать лишь того, что хочет большинство? Мы не будем склоняться также и перед этим глупым и смешным суверенитетом. Когда социальная среда фальсифицировала все идеи, когда искажены простые понятия об истинном и ложном, человеческое возрождение может осуществиться лишь исходя из доказательств науки, а не от имени невежественного и слепого большинства, которое выйдет из этого состояния лишь после перемены социального строя». Здесь в завуалированной форме мы находим выражение идей революционного коммунизма того времени о необходимости осуществления общественного преобразования, не дожидаясь, пока абсолютное большинство народа будет желать этого преобразования, поскольку лишь установление нового общественного строя может создать предпосылки для избавления этого большинства от его теперешнего невежества.

Обстоятельства, связанные с изданием «Юманитера», и события, разыгравшиеся после выхода в свет его первых двух номеров, подробно изложены в письме Шаравэ, написанном от имени редакционного комитета находившемуся в Лондоне Мею. Датировать это письмо нетрудно. В нем сказано, что члены комитета думали написать ему письмо после выхода в свет очередных номеров «Ателье» и «Попюлера», которые должны были выйти 25 августа, но поскольку их опубликование

задержалось, то они не сочли целесообразным откладывать далее посылку этого письма. Действительно шестой номер «Попюлера» (предыдущий номер которого был опубликован 25 июля) должен был выйти 25 августа, но фактически появился лишь 5 сентября. Следовательно, письмо Шаравэ было написано в последних числах августа 1841 г.

В письме выражалась надежда, что Мей получил уже высланные ему 30 экземпляров двух номеров «Юманитера». Далее сообщалось, что тираж журнала в 1000 экземпляров содержал по вине издателя, напечатавшего его без правки, многочисленные ошибки, так что пришлось дополнительно напечатать 300 исправленных экземпляров, которые и были разосланы журналам, подписчикам и в департаменты; из первоначальных же 1000 экземпляров многие были распространены после исправления наиболее грубых ошибок. «Ваша статья о доктрине, — указывалось в письме, — написана рукой мастера, мы все были от нее в восторге, и она произвела большое впечатление на всех, кто ее читал. Мы воздали бы вам хвалу, если бы вы в ней нуждались, но коммунист... находит удовлетворение в своем собственном сердце и пренебрегает фимиамом, которым насыщается глупец». Однако несколько ниже говорилось: «В вашем последнем письме вы указывали, какое изменение надо внести в статью о доктрине. Поскольку эта статья находилась уже в типографии, и так как я уже сам, переписывая ее, изменил указанную вами фразу в духе, аналогичном вашему пожеланию, Сане и я сочли ненужным затребовать статью назад из типографии; я думаю, что вы с нами согласитесь». Этот факт еще раз показывает истинные взаимоотношения между Меем и Шаравэ. Мей действительно принимал активное участие в «Юманитере» и писал его теоретические статьи. Но он отнюдь не был главным редактором журнала. Им был Шаравэ, который считал даже возможным самовольно вносить изменения в статьи Мея, т.е. редактировать их, как и другие материалы, публикуемые в журнале.

Из письма Шаравэ мы узнаем также, что Мей прислал для второго номера «Юманитера» еще две статьи, которые, однако, не были опубликованы. В этой связи Шаравэ давал подробное объяснение, почему это произошло. Одна из этих статей Мея была посвящена «Коммюнотеру». «Мотив, побудивший нас не публиковать статью о "Коммюнотере", следующий: этому журналу, поддержанному незначительным количеством людей, не суждено было длительное существование, и поэтому критиковать его в "Юманитере" означало бы обеспечить ему успех, так как вы знаете, что стоит только запретить какую-нибудь вещь, как ее станут с жадностью искать. Таков был наш расчет, который вполне себя оправдал, поскольку "Коммюнотер", оставшийся почти неведомым, вынужден был ограничиться лишь своим проспектом из-за отсутствия необходимых фондов, чтобы опубликовать первый номер. Поэтому, замалчивая это злосчастное детище Майера, мы нанесли ему самый тяжелый удар, который он только мог получить». Вот, значит, чем объясняется, что во втором номере «Юманитера», где мы находим ответы «Попюлеру» и «Фратерните», не было помещено никакого ответа на резкую критику «Коммюнотером» некоторых «основных принципов»

юманитариев. В то же время письмо Шаравэ лишней раз подтверждает, что автором проспекта «Коммюотера» был не кто иной, как Майер.

Вторая статья Мея, не опубликованная в «Юманитере», была посвящена «Попюлеру». По этому поводу Шаравэ писал: «Что касается статьи о "Попюлере", то мы ее не опубликовали по совсем другим соображениям. Мы находились на пути примирения с кабетистами; уже в течение 15 дней велись переговоры, и хорошее расположение большинства из них, казалось, склонных согласиться с нашими очевидными аргументами, давало нам надежду на скорое слияние. Вот почему мы не хотели задевать их патрона, чтобы их самих не настроить против нас и не поставить под угрозу все нами уже достигнутое. Мы поместили о "Попюлере" лишь маленькую заметку, материал которой взяли из вашей статьи, изложив его так, чтобы произвести нужный нам эффект. Но вскоре мы убедились, что строили себе иллюзии и тешили себя прекрасной химерой. Кабе, видя, какой оборот принимают дела, принял меры, чтобы дать им другое направление. Наши успехи в предместье Сент-Антуан на икарийских курсах, где начали понимать истинную доктрину, угрожали свести на нет его влияние, поэтому он послал своего лейтенанта Дезами, чтобы вытеснить нас оттуда. Этот последний, придя в первый раз, попробовал вступить с нами в дискуссию, но, почувствовав слабость своих ложных аргументов, вскоре поспешил переменить позицию. Чтобы покончить с нами, на втором заседании, где присутствовало 80 человек, среди которых были и женщины, он стал взывать к предрассудкам и, вместо того чтобы отвечать на задаваемые ему вопросы, перепрыгивал с одной темы на другую, всегда завершая свои нудные рассуждения заявлением о несвоевременности постановки этих вопросов. Однако, поскольку к его большому неудовольствию завязалась дискуссия, и так какой не находил нужных доводов, он не нашел ничего лучшего, как потребовать голосования, чтобы определить, кто прав. Тут мы высказались против численного превосходства, говоря, что до тех пор, пока будет хотя бы один необузданный гражданин, нельзя голосовать, а когда все будут убеждены, не будет необходимости голосовать. Тогда Дезами выступил с прелестной апологией суверенитета народа, демократии и т.п. и стал неистово требовать, чтобы приступили к голосованию. Председательствующий предложил голосовать, но мы остались сидеть на своих местах, не принимая никакого участия в этом смехотворном действии. Видя наше поведение, один из них после первого тура, когда голосовали, вставая и садясь, воскликнул: разве вы не видите, что они насмеются над вами, что они хотят, чтобы вы голосовали одни. Эти прервало голосование, и заседание было закрыто в обстановке большого возбуждения. Начались частные разговоры, каждый упрекал по-своему, и мы после этого расстались с намерением больше не возвращаться и не нарушать покой икарийцев, а ждать, пока они не придут к нам по доброй воле. Мы не достигли нашей цели, но мы все же произвели на добросовестных людей благоприятное впечатление. Если мы и не перетянули их на нашу сторону, дискуссии, которые имели место, заставили их

по крайней мере убедиться, что их вожди не являются непогрешимыми, а этого уже достаточно».

Итак, юманитарии предпринимали попытки установить связи с последователями Кабе и привлечь их на свою сторону. В этих целях они хотели использовать икарийские курсы в предместье Сент-Антуан, на которых пропагандировалось учение Кабе. Они активно выступали на этих собраниях и, видимо, первое время имели определенный успех. Именно поэтому, чтобы пресечь их попытки, Кабе отправил на очередное собрание Дезами, в то время еще тесно с ним сотрудничавшего, который как на этом собрании, так и на последующем решительно выступил против юманитариев. Что здесь речь шла главным образом об их «основных принципах», относящихся к семье и браку, видно из слов Шаравэ, что Дезами, пользуясь присутствием на собрании женщин, пытался «взывать к предрассудкам». Что это было именно так и что Дезами действительно участвовал в этом собрании и вел там по этим вопросам полемику с юманитариями, мы знаем и со слов самого Кабе. После разрыва с Дезами в следующем, 1842 г. Кабе в направленной против него брошюре ссылался на то, что до этого Дезами «защищал его доктрины против "Юманитера"». «Это он у заставы Ларильон в присутствии 50—60 человек, которые помнят об этом, неистово нападал на "Юманитер" и защищал семью, Икарию, "Попюлер" и меня, говоря, что дискуссировать сейчас по вопросу о семье равносильно тому, чтобы начинать алфавит с буквы Z»⁵⁶. Все попытки юманитариев перетянуть на свою сторону икарийцев окончились неудачей, и Шаравэ вынужден был признать в своем письме Мею, что они вскоре убедились, что питали тщетные иллюзии. Сведения, сообщенные Шаравэ, представляют большой интерес и в другом отношении. Мы видим, что Дезами не только не участвовал в издании «Юманитера», не только не был связан с юманитариями, но и выступал как их открытый противник.

Далее в своем письме Мею Шаравэ излагал тактику, которой, по его мнению, надлежало придерживаться в борьбе против врагов. Полемике всегда нужно придавать дружественный, братский характер. «Можно наносить удар своему врагу, одновременно его лаская и говоря ему приятные вещи. Вы мне много раз говорили, что для успеха нужна ловкость. Я знаю, что хитрость внушает отвращение, но мы используем ее не для обмана людей, а для того, чтобы обмануть их предрассудки. Поэтому не будем менять тона; на заблуждения будем отвечать неоспоримыми аргументами, на брань — словами братства; таким образом мы придадим нашей доктрине возвышенный характер и привлечем большое количество прозелитов». Упомянув о подготовке третьего номера «Юманитера», Шаравэ писал, что он имеет под рукой прекрасный отрывок из «Трибуна народа» Бабефа и не менее прекрасные отрывки из произведений Сильвена Марешаля и что он намерен написать убедительную статью, опираясь на эти авторитеты. Он думает также поместить окончание ответа «Ателье», чтобы нанести последний удар «этому гнусному журналу». Одновременно он выражал надежду, что теоретическая статья Мея для третьего номера уже готова, а в противном

случае просил поскорее ее завершить и переслать.

В письме говорилось о статье Лаотьера во «Фратерните», причем из слов Шаравэ видно, что ответ на эту статью был написан им самим в результате 48-часовой работы днем и ночью. Мы узнаем также, что редакторы журнала «Травай» написали им письмо, в котором заверяли их, что не будут на них нападать, и выражали сожаление по поводу поведения Лаотьера, «принимая во внимание ущерб, который все эти внутренние споры могут нанести коммунистической партии». Редакторы «Травай» сообщали, кроме того, что подыскали для «Юманитера» в Лионе несколько подписных бюро. Одно такое бюро, где принимается подписка на «Юманитер», имеется уже в Брюсселе. Было бы очень желательно, чтобы подобное бюро имелось бы и в Лондоне. Быть может Мей сумеет вступить по этому поводу в переговоры с некоторыми читальнями. Шаравэ просил также Мей узнать адрес Оуэна, чтобы можно было переслать ему вышедшие номера журнала.

Письмо Шаравэ свидетельствует не только о том, что редакторы «Юманитера» принимали все меры, чтобы обеспечить ему широкое распространение как во Франции, так и за рубежом. В нем имеется и следующий интересный абзац: «Сане, Паж и я хотим узнать, работаете ли вы над брошюрой, о которой шла речь. Она была бы нам большой подмогой, и именно на нее мы возлагаем все наши надежды, так как это — наиболее мощное средство для распространения нашей доктрины и для того, чтобы она была воспринята всеми. Умы уже подготовлены; уже всюду говорят о постоянных путешествиях, об упразднении семьи и общности женщин. Курсы, которые мы хотим организовать, обеспечат брошюре самый широкий успех. Поэтому мы заклинаем вас: занимайтесь этой важной работой, и триумф истинной доктрины обеспечен». Из первого доклада Шаравэ на общем собрании основателей мы уже знаем, что юманитарии собирались издавать не только журнал (а в дальнейшем и два), но и публиковать ежемесячно по одной-две брошюры. Его письмо Мей свидетельствует, что в этом направлении предпринимались уже реальные шаги, и Мей должен был написать первую подобную брошюру. Более того. Мы узнаем, что юманитарии собирались открыть курсы, подобные икарыйским курсам, для устной пропаганды своего учения.

Что это было так, доказывает и сохранившийся набросок речи или лекции Шаравэ, с которой он должен был выступить на этих курсах. Она начиналась следующими словами: «Храбрость, упорство, самоотверженность; будем нести повсюду смелой рукой факел истины... Расширим пропаганду, изложим истинную доктрину, обсудим ее, рассеем все сомнения. Скоро, скоро социальное чудовище, в условиях которого мы живем, рухнет и из его дымящихся руин возникнет новое общество, где вместо тиранов и рабов, угнетателей и угнетенных, счастливых и несчастных можно будет видеть лишь братьев... пользующихся общим довольством... Настало время не ограничиваться бесплодными пожеланиями о счастье человеческого рода и сделать что-нибудь, чтобы его осуществить. На нас будут шикать, нам станут бросать в лицо грязь, наши введенные в заблуждения братья присоединятся к нашим

неприятелям, дабы клеветать на нас; что я говорю? они уже на нас клеветают! Но пусть препятствия, с которыми мы столкнемся, не подорвут нашу храбрость, так как мы должны преодолеть множество препятствий, чтобы достичь своей цели». Их положение в отношении людей, преисполненных предрассудков, аналогично положению хирурга, который должен вылечить больного гангреной. Его можно спасти, только ампутировав зараженный гангреной член. Больной пугается и, когда начинается операция, неистово орет и даже готов растерзать того, кто спасает ему жизнь, если бы не был привязан к кровати. После операции, однако, он поправляется и начинает чтить того, кого до этого хотел растерзать. «То же самое можно сказать и о нас: те, кого мы хотим спасти, осыпают нас упреками. Будем нечувствительны к их крикам, не будем слушать их брань и сделаем их счастливыми вопреки им самим».

О намерениях юманитариев организовать публичные лекции говорит и следующее. Во время их процесса брату Габриэля Шаравэ, Жану, был задан вопрос, не он ли является автором текста речи, в которой сказано: «Нужда, изнуряющая трудящихся и т.д... Было бы справедливым, если рабочий, все производящий, и пользовался бы всем». Он дал на это положительный ответ, отрицая, однако, что он где-либо произнес эту речь⁵⁷. Видимо, юманитарии так и не успели организовать свои курсы. Ведь в конце августа, как свидетельствует письмо Габриэля Шаравэ, они только намеревались их организовать, а уже две недели спустя они были арестованы.

5 сентября 1841 г. с десятидневным опозданием вышел наконец шестой номер «Попюлера». В нем была помещена обширная статья без подписи, озаглавленная «Возражение "Юманитеру"»⁵⁸. Статья эта принадлежала перу Кабе, который вскоре опубликовал ее в виде брошюры уже под своим именем и под названием «Опровержение "Юманитера"»⁵⁹. В своей статье-брошюре Кабе в самых резких выражениях осуждал взгляды, проповедуемые «Юманитером», прежде всего по вопросу брака и семьи. Пусть будущие поколения делают, что хотят, но ставить сейчас вопрос о ликвидации семьи значит отсрочить или даже вообще помешать победе системы общности. «В то время как обвинение в желании упразднить брак и семью является главным оружием наших врагов и наших преследователей, упорствовать в проповеди этой доктрины в новом журнале, на собраниях, на улицах, на набережных — повсюду, означает провоцировать замешательство, все опасности, все подозрения, все обвинения». Интересно, что Кабе говорит о пропаганде этих взглядов не только на страницах журнала и на собраниях (явно имея в виду вышеупомянутые выступления юманитариев на организованных икарыйцами курсах), но и на улицах и на набережных; это свидетельствует о довольно широкой агитации юманитариев и перекликается с утверждением Шаравэ, что «уже всюду говорят о постоянных путешествиях, об упразднении семьи и общности женщин». Далее Кабе указывал, что эти взгляды, проповедуемые «Юманитером», были осуждены всеми, не только «Ателье» и «Фратерните», но и «Коммюотером», ссылаясь при этом на приведенные выше слова этого

журнала об аморальных разглагольствованиях легкомысленных и злонамеренных людей.

Статья «Попюлера» вызвала бурное возмущение Шаравэ, который в тот же день, 5 сентября, поспешно написал по этому поводу повое, на этот раз краткое письмо Мею. Шаравэ был уверен, что автором упомянутой статьи был Дезами; говоря о нем с озлоблением, он обвинял его в искажении истины относительно собрания, на котором тот выступал против юманитариев, в частности против Пажа. Сообщая, что он и Сане пришли в ярость, прочтя эту недобросовестную, коварную и полную ненависти статью, он просил Мея написать на нее ответ, основанный на неопровержимых аргументах. «Не забывайте, сколь ценны для нашего дела спокойствие, умеренность и льстивый тон. Это единственный способ сразить наших врагов и привлечь к нам людей доброй воли. Не будем упускать из виду, что нам нужно бороться лишь с несколькими вождами кабетистов, а все остальные — наши». Несмотря на предыдущие разочарования, Шаравэ, как видим, продолжал питать иллюзии относительно вовлечения в организацию юманитариев рядовых икарийцев.

Но если Шаравэ не везло с Кабе, Лаотьером, Майером и другими представителями коммунистической мысли и если «Попюлер», «Фратерните», «Коммюотер» единодушно осуждали «основные принципы» юманитариев, то он нашел известное понимание со стороны Жюля Гея. Жюль Гей⁶⁰, бывший оуэнист, сблизился в начале 40-х годов, с одной стороны, с Дезами, с другой — с Меем. Впоследствии он писал о Мее и Дезами, как о своих «старых друзьях»⁶¹. Еще в 1835 г. в своем проекте коммунистического преобразования общества, опубликованном в оуэнистском журнале «Новый моральный мир», он выступал против института брака, считая, что отдельные общины, проживающие в фаланстерах, будут составлять одну маленькую семью, а все человечество в целом — одну большую семью; одновременно он представлял себе будущее коммунистическое общество как совокупность самоуправляющихся коммунистических общин без каких-либо форм государства и государственной власти. Шаравэ, знавший о Гее, несомненно, от Мея, отправил и ему оба номера «Юманитера». Последний поспешил ответить кратким письмом, в котором заявлял: «Я разделяю ваши идеи по всем главным пунктам, которые вы формулируете в „Юманитере“. Поэтому неудивительно, что я не принадлежу к числу ваших хулителей. Я рассчитываю скоро написать вам письмо по этому поводу, что не помешает мне также лично вас посетить». Он просил выслать ему дополнительно за его счет один экземпляр первого и два экземпляра второго номера журнала. Письмо подписано: «Ваш преданный брат и друг Ж.Гей».

Второе подробное письмо было отправлено им Шаравэ 7 сентября 1841 г. Заявляя, что поскольку он разделяет доктрины, изложенные в опубликованных номерах «Юманитера», и в то же время будучи лично знаком и глубоко уважая Кабе, он более, чем кто-либо другой, способен дать объективный ответ на статью, напечатанную в последнем номере

«Попюлера». Гей далее писал: «Прежде для обывателей существовали четыре священные вещи: алтарь, трон, собственность, семья. Теперь никто не верит в монархию, но республиканцы, придерживающиеся не эгалитарных и не братских взглядов, подменяют трон новым фетишем — родиной. Эгалитарные республиканцы, т.е. коммунисты, отвергают все эти четыре понятия. Что касается собственности, то сама суть коммунизма означает, что о ней не может идти и речи. Что касается религии, то коммунисты должны быть материалистами, так как они рационалисты. Что касается семьи и родины ... они их тоже должны отвергнуть, поскольку они стремятся лишь к единому братству. Для всех наших братьев по общности трон, родина, собственность не являются больше спорными вопросами. Однако имеются еще коммунисты, которые поддерживают алтарь или, во всяком случае, религиозные верования и спиритуализм; имеются также другие, которые поддерживают маленькие семьи, маленькие хозяйства, или, иначе говоря, брак». Сейчас он хочет ответить только последним.

Кабе намерен сохранить семью лишь в несколько измененном виде. Но разве можно учредить коммуну с женатыми людьми? Как могут существовать отдельные хозяйства там, где будет общая собственность? Но если не будет отдельных хозяйств, то что останется от брака? К чему провозглашать публично брак и развод. В настоящее время, когда все разделено и люди находятся в состоянии непрерывной борьбы друг с другом, семья является единственным убежищем, где люди могут найти истинного и преданного друга. Но при общности все люди становятся подлинными друзьями и, следовательно, надобность в семье отпадает. Семья нужна сейчас, чтобы обеспечить будущее детей. В коммуне же дети, не будучи больше собственностью родителей, рассматриваются как дети единой семьи. Это не значит, однако, что отцы и матери не должны любить и заботиться о своих детях, поскольку это является естественным чувством и потребностью. Этим последним заявлением Гей, по существу, отмежевывался от доктрины «Юманитера». Не ограничиваясь этим, он далее заявлял: «Признаюсь, что я не являюсь сторонником постоянных путешествий, я не только не хочу сделать невозможным любые индивидуальные привязанности, а наоборот, хочу, чтобы их было возможно больше; я не придерживаюсь мнения, что нужно каждый день менять работу, а тем более женщин». Он выражал, однако, надежду, что поскольку «Юманитер» провозглашал себя самым последовательным приверженцем свободы, то он должен согласиться, что люди, если они это пожелают, могут меньше путешествовать, длительное время выполнять одну и ту же работу и устанавливать долговременные любовные связи. В постскриптуме Гей давал согласие на опубликование его письма, если Шаравэ сочтет это возможным, и сообщал, что он вскоре его посетит.

Эти два письма Гея дают нам, наконец, возможность установить истину о его взаимоотношениях с юманитариями. Гей, как и Дезами, не только не был членом редакционной коллегии «Юманитера», но и не имел никакого отношения к опубликованию его двух номеров, с которыми

ознакомился только после их выхода из печати⁶². Но если Дезами открыто выступал против юманитариев и даже рассматривался ими как их злейший враг, то позиция Гея была несколько иной. Он, как видим, солидаризировался с их основными положениями. Ему были близки некоторые установки «Юманитера» — материалистическая философия, принципиальное отрицание брака и семьи и, наконец, идеи безгосударственности, которых придерживался и он сам. Но в то же время Гей отнюдь не разделял представлений юманитариев об «общности женщин» (пользуясь выражением Шаравэ), о мимолетных половых связях во время «постоянных путешествий» во избежание возникновения каких-либо «индивидуальных привязанностей». В этом отношении его взгляды совпадали скорее со взглядами «Коммюнотера». Считая необходимым упразднение института брака и семьи, он, однако, полагал, что и в коммунистическом обществе должны существовать прочные и долговременные любовные связи, причем родительские чувства должны не подавляться, а, наоборот, свободно проявляться. Это видно не только из его письма Шаравэ, но и из его статьи «Вопрос о браке и индивидуальной семье», написанной год спустя для издаваемого Дезами «Альманаха общности»⁶³, в которой он, по существу, развивал положения, изложенные им уже в этом письме.

Таковы известные нам теперь факты о журнале «Юманитер» и юманитариях. Как же следует оценить их идейные установки и их деятельность, какое место занимают они в истории коммунистического движения тех лет? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Юманитарии исходили из материалистического мировоззрения и твердо и последовательно его защищали. Несмотря на общие рассуждения о том, что строй общности в конечном итоге выгоден не только бедным, но и богатым, они стояли на позициях революционного коммунизма. «Юманитер» говорил о необходимости радикального общественного преобразования как необходимой предпосылки просвещения народа, поскольку при существующих общественных условиях нельзя связывать это преобразование с волей «невежественного и слепого большинства». Следует, однако, сказать, что и в этом вопросе юманитарии доходили до самых крайних выводов. Если почти все представители революционного коммунизма той эпохи представляли себе революционный переворот как дело организованного меньшинства, то Шаравэ считал необходимым осуществить его даже путем открытого насилия над волей большинства. Он сравнивал истинных коммунистов с хирургами, ампутирующими зараженные гангреной органы, несмотря на вопли больного, и призывал своих приверженцев сделать своих «братьев», преисполненных предрассудков, счастливыми вопреки им самим.

Что касается представлений юманитариев о будущем коммунистическом обществе, то для них была характерна прежде всего самая примитивная, грубая уравнительность. Шаравэ провозглашал, что эгалитарный режим не допускает каких бы то ни было различий. «Основные принципы» юманитариев включали не только полную ликвидацию роскоши, но фактически и упразднение изящных искусств,

рассматриваемых как нечто бесполезное; они предусматривали даже разрушение городов. Представляя себе коммунистическое общество как сумму отдельных общин, юманитарии проявляли явную симпатию к анархическим идеям. Именно поэтому они считали одной из основных задач приложение «анархических идей» к доктрине общности. Наконец, юманитарии не только требовали упразднения брака и семьи, но и проповедовали знаменитые «постоянные путешествия» с мимолетными связями. А Шаравэ доходил до того, что открыто говорил об общности женщин.

Эта сумма представлений юманитариев и многие из их «основных принципов» существенно отличались от воззрений представителей других коммунистических течений той эпохи. Разоблачая буржуазную государственность, они, как правило, не проповедовали анархических взглядов. Многие из них требовали упразднения буржуазной семьи, но не выступали с проповедью общности женщин. Поэтому против юманитариев объединились все — от мирного коммуниста Кабе до революционного коммуниста Дезами и одного из видных деятелей Общества коммунистов — Майера, такие различные по своему облику органы коммунистической печати, как «Попюлер», «Фратерните», «Коммюнотер». Юманитариев никак нельзя назвать и бабувистами. Их современник Виктор Бутон справедливо отмечал, что их отличало от бабувистов как отрицание семьи, так и представление об анархическом образе правления⁶⁴. Добавим к этому, что вместо единой централизованной коммунистической республики с единым хозяйственным организмом они предусматривали отдельные самоуправляющиеся коммуны. Даже их грубая уравнительность далеко выходила за пределы уравнительности бабувистов, о чем свидетельствует хотя бы их отношение к искусству. Они защищали формулировку Сильвена Марешаля об искусстве в «Манифесте равных», отвергнутую Тайной директорией, наряду с другой его формулировкой о необходимости упразднения различий между управляющими и управляемыми.

Означает ли все это, что мировоззрение юманитариев было в начале 40-х годов XIX в. наиболее последовательным, левым, передовым коммунистическим мировоззрением? Нам кажется, что для подобного вывода нет никаких оснований. И дело тут не только в их грубой уравнительности. Их обоснование коммунизма было неоригинальным и гораздо более примитивным, чем у других выдающихся коммунистических мыслителей эпохи. В «теоретических» статьях Мея, опубликованных в «Юманитере», коммунизм обосновывался лишь природой человека и вся «социальная наука» сводилась лишь к изучению этой «природы» без попыток конкретного анализа каких-либо общественных проблем. «Смелые» представления «юманитариев» об упразднении не только семьи, но и всех моральных норм, так же как их положительное отношение к «анархической идее», отнюдь не свидетельствовали об их передовых взглядах. Чтобы правильно понять их воззрения и дать им надлежащую оценку, нельзя забывать о неизжитых еще мелкобуржуазных настроениях у рабочих рассматриваемой нами

эпохи, большая часть которых (особенно в Париже) принадлежала к категории ремесленных рабочих. Эти мелкобуржуазные настроения находили двойное выражение. С одной стороны, они являлись питательной средой для возникновения проектов «рабочих ассоциаций», и аналогичных планов, преследовавших цель превратить рабочих из наемных трудящихся в мелких собственников,— планов, которые пропагандировались такими «рабочими журналами», как тот же «Ателье». С другой стороны, эти же мелкобуржуазные настроения находили свое выражение и в ультрареволюционных анархических и нигилистических лозунгах. Именно их выражением и являются анархические взгляды юманитариев и их псевдореволюционные предложения об упразднении семьи и общности женщин. Идеиные установки юманитариев являлись, по существу, левацким уклоном в революционном коммунизме тех лет.

При всем том движение юманитариев было важной вехой в истории французского революционно-коммунистического движения. Если в 1840 г. возникли два тайных коммунистических общества — Общество трудящихся-эгалитариев и отпочковавшееся от него Общество коммунистов, то в 1841 г. юманитариями была предпринята уже попытка создания не подпольной, а более или менее открыто действующей коммунистической организации с целью добиться не только морального, но и материального объединения коммунистов. Такая организация была создана под предлогом издания нового коммунистического журнала. С самого начала она объединяла уже несколько десятков лиц. В дальнейшем с ростом числа членов ее предполагалось разделить на секции по 15 человек. Эта новая коммунистическая организация наряду с периодическими изданиями должна была публиковать брошюры и вести устную пропаганду. За краткий период ее существования ее представители активно выступали на публичных собраниях, ведя дискуссию с икарійцами; проводилась и деятельная подготовка цикла публичных лекций. Организация «юманитариев», отнюдь не ограничиваясь пропагандой идей коммунизма, намерена была принимать активное участие в политической жизни страны.

IV

После всеобщей стачки в Париже в сентябре 1840 г. забастовочная волна как в столице, так и в провинции временно пошла на убыль, чему содействовало и некоторое улучшение экономической конъюнктуры. Но поскольку основные причины, обуславливавшие развитие рабочих движений во Франции, не были и не могли быть устранены, то оно не прекращалось, принимая различные формы. И в 1841 г. вспыхивали не только в провинции, но и в Париже отдельные забастовки типографских рабочих, мостильщиков, землекопов и каменщиков, занятых на строительстве фортификаций, возводимых в то время вокруг Парижа. Имели место и сходки рабочих, носившие политический характер, направленные, в частности, против строительства фортификаций, этих новых Бастилий.

Выступления рабочих столицы особенно широко развернулись в

сентябре 1841 г. Конечно, по сравнению с сентябрьскими событиями 1840 г. эти выступления носили значительно более ограниченный характер. Но был один существенный момент, который все же нельзя не учитывать. Если за год до этого стихийно возникшее на почве экономических требований забастовочное движение приняло затем политический характер и чуть было даже не привело к восстанию, то в сентябре 1841 г. выступления рабочих не были связаны со стачечной борьбой, а носили исключительно политический характер и отражали недовольство широких народных масс режимом Июльской монархии и рост революционных настроений среди рабочего класса.

Ежедневные донесения префекта полиции рисуют следующую картину вспыхнувших в те дни рабочих волнений. В сводке от 9 сентября, хотя и констатировалось, что в целом в Париже еще сохраняется спокойствие, но все же уже отмечалось: «Сегодня вечером коммунисты снова проникли в среду рабочих, обычно располагающихся по вечерам на Севрской набережной, и стали разглагольствовать и развивать свои доктрины; мы с помощью нескольких полицейских заставили их разойтись... среди них был и один редактор журнала "Юманитер". Рабочий класс вообще продолжает разделять самые пагубные воззрения, будучи введенным в заблуждение журналами и подрывными сочинениями... а также поджигательными речами, которые непрерывно произносят в кабаках и во всех других местах, где рабочие собираются»⁶⁵. Уже в последующие дни выступления рабочих приняли открытый характер и привели к волнениям и столкновениям с полицией и муниципальной гвардией. «Сегодня вечером,— читаем мы в сводке префекта полиции от 12 сентября, — около восьми часов новые сборища образовались на площади Шатле и на улице Сен-Дени; они были очень многолюдны; половина состояла из любопытных, другая половина — из людей в блузах и картузах, которые и были бунтовщиками; многие из них имели палки и большие дубины. Около половины девятого вечера они снова стали кричать: "Долой Луи-Филиппа! Да здравствует республика! Долой Гизо!" Тогда мы направили отряд муниципальной гвардии, за которым на близком расстоянии следовал конный отряд, прикрытый справа и слева 40 полицейскими; всем им был отдан приказ вырывать полицейский пост на площади Шатле, в который бросали камни, и очистить площадь. Это было быстро выполнено, и после того как всех неугомонных прогнали с площади, их стали гнать и с соседних улиц к большому удовлетворению жителей. Были произведены многочисленные аресты, и в том числе участников тайного сборища хорошо известных коммунистов, собравшихся у одного трактирщика, по имени Руссо, на улице Сен-Дени»⁶⁶. Этим дело не закончилось. Волнения и выступления продолжались и в последующие дни. «Сегодня в восемь вечера, — сообщалось в сводке от 14 сентября, — снова стали собираться сборища на площади Шатле». Среди них было много «молодых людей в блузах», «время от времени слышались мятежные возгласы... Одна из банд, несшая красный флаг, была рассеяна около улицы Моконсей, а флаг забран»⁶⁷. 16 сентября вечером «сборища снова возникли на площади

Шатле и на бульваре Сен-Мартен». «Люди в блузах орали, свистели, пели марсельезу и останавливали кареты на бульваре Сен-Мартен. Все они были рассеяны муниципальной гвардией»⁶⁸.

Эти события нашли свое отражение и на страницах прессы. Приведем лишь две выдержки — из официального органа «Газет де Трибюно» и демократического «Журналь дю пепль». В своем номере от 13–14 сентября 1841 г. «Газет де трибюно» писала: «В субботу вечером произошли серьезные волнения и были произведены многочисленные аресты. Пятьсот—шестьсот человек, собравшиеся на площади Шатле, которым было предложено разойтись ... ответили на это угрозами и стали кричать: Долой Луи-Филиппа! Долой Гизо! Да здравствует республика! Смерть шпионам! Одновременно посыпался град камней... Вчера, в воскресенье, в различных местах Парижа были расклеены плакаты, оскорбительные для особы короля... Сегодня вечером значительные сборища еще раз образовались вблизи площади Шатле и проследовали по улицам Сен-Дени, Моконсей, Сен-Мартен и Монторгей, выкрикивая мятежные лозунги... несколько патрулей оказалось однако достаточным, чтобы рассеять эти сборища»⁶⁹. «Журналь дю пепль» в номере от 14 сентября под заголовком «Волнения в Париже» сообщал: «За последние дни рабочие, которые всегда по вечерам собираются на площади Шатле и прилегающих к ней набережных, были более многочисленны, чем обычно. За последние дни среди этих рабочих образовались группы, занимающиеся политикой и, как говорят, также и социалистической пропагандой. Первое время все происходило без шума и какого-либо беспорядка. Однако вмешательство держиморд (assommoirs)... придало этим сборищам более серьезный характер... Рассеянные в различных местах, эти группы вновь образовались в кварталах Сен-Дени, Сен-Мартена и Тампля. Антиправительственные плакаты были вывешены во многих пунктах столицы. Было произведено большое число арестов»⁷⁰. Что среди рабочих велась коммунистическая пропаганда, подтверждает и статья, опубликованная 23 сентября в буржуазно-оппозиционной газете «Националы», в которой сообщалось, что во время имевших место в Париже волнений «некоторые из ораторов, выступавшие в публичных местах, держали речи в духе коммунистических утопий»⁷¹.

«Журналь дю пепль» правильно отмечал, что вмешательство полицейских отрядов и муниципальной гвардии привело к обострению обстановки. Действительно расправа с демонстрантами была крайне грубой. Об этом свидетельствует и листовка, выпущенная в эти дни и сохранившаяся в фондах Национальной библиотеки⁷². Она написана в форме открытого письма Делессеру в связи с жестокими действиями полиции при разгоне демонстрантов на площади Шатле. «Не забывайте, — говорилось в ней, — что французы не являются ни илотами, ни рабами... вы провоцируете народное мщение, которое, нанеся удар по гнусным наемным убийцам, доберется затем и до их сообщников, находящихся наверху... Вы хотите разжечь гражданскую войну? Гражданская война... уже полыхает по всей Франции; она заливают кровью главные города наших департаментов, и вы хотите еще, чтобы

она опустошала Париж? ...Не думаете ли вы, что насилие является необходимой мерой для сохранения порядка?»

Процесс над лицами, арестованными 10, 11, 12 и 13 сентября «среди сборищ, которые в течение нескольких дней провоцировали волнения в некоторых кварталах Парижа», состоялся 21–22 сентября в седьмой палате уголовного трибунала департамента Сены. Как видно из отчета об этом процессе, все без исключения арестованные были рабочими, главным образом молодыми⁷³.

Еще из полицейского донесения от 9 сентября мы знаем, что среди рабочих Парижа вели усиленную агитацию коммунисты и что среди них был замечен один из редакторов «Юманитера». Действительно, не только члены тайных обществ, но и юманитарии приняли самое непосредственное участие в рабочих волнениях, вспыхнувших в Париже в сентябре 1841 г., что и привело к разгрому их организации.

Мы уже видели, что 12 сентября, по словам префекта полиции, были арестованы «хорошо известные коммунисты», собравшиеся в одном трактире на улице Сен-Дени. По сообщению «Газет де Трибюно», дело обстояло следующим образом: «Во время волнений, вспыхнувших в сентябре в столице, в то время как власти принимали необходимые меры, чтобы их подавить, поступило уведомление, что у виноторговца Руссо на улице Сен-Дени № 21 собралось большое число лиц, подозреваемых в руководстве повстанческим движением на площади Шатле. Было замечено, что в трактир Руссо постоянно входили и выходили лица, передававшие, по всей видимости, инсургентам приказания, для получения которых они и приходили в этот трактир. Полицейские агенты сразу же направились туда и арестовали там Базена, Фомберто, Бара, братьев Гайар, Тротье, Мурлона, Маршана, Жана Шаравэ, Габриеля Шаравэ»⁷⁴. На процессе юманитариев полицейский чиновник Ами дал следующее показание: «12 сентября я находился вместе с господином комиссаром полиции и полицейскими агентами на площади Шатле. Уже несколько раз мы отбрасывали мятежников, и мы уже оттеснили их на улицу Сен-Дени, когда около четверти десятого вечера один молодой человек пришел уведомить меня, что у одного виноторговца на улице Сен-Дени № 21 собралось большое число лиц, которые непрестанно отправляли нарочных на площадь Шатле, чтобы поддерживать связь с инсургентами». Тогда он вместе с полицейскими, несмотря на град камней, которыми их осыпали, отправился туда и произвел там аресты⁷⁵. Это сведение подтверждается и соответствующим документом, сохранившимся в архиве префектуры полиции. «Базен, Франкур, Реми, Фомберто, Бар, Брион, Керель, Гайар, Форнара, называемый Корнарор, Бреньер, Готье, Маршан, Тротье и братья Шаравэ были застигнуты во время собрания коммунистов и республиканцев в трактире Руссо по улице Сен-Дени № 21. Это собрание мятежников направляло распоряжения группам, образовавшим сборище и вызывавшим беспорядки на улице Сен-Дени и площади Шатле»⁷⁶. Интересно отметить, что в этом документе список арестованных несколько отличается от списка, опубликованного в «Газет де Трибюно».

Очевидно, было арестовано значительное число лиц, из числа которых «Газет де трибюно» приводила лишь имена тех, которые так или иначе были связаны с процессом юманитариев. Из обоих этих списков, однако, явствует, что 12 сентября на собрании в трактире Руссо присутствовали как члены тайных обществ, наиболее видным из которых был Наполеон Базен, так и юманитарии во главе с братьями Шаравэ. Таким образом, юманитарии совместно с членами тайных обществ не только вели коммунистическую агитацию среди рабочих, но и выступали как организаторы рабочих демонстраций на площадях, набережных и улицах Парижа.

Арест ряда руководителей юманитариев дал возможность властям разгромить всю их организацию. По сообщению «Газет де Трибюно», после арестов, произведенных 12 сентября, было установлено наблюдение за квартирой братьев Шаравэ, что привело к аресту Лудье, Советта и Довернья. Затем в результате полученных сведений были задержаны также Паж, Ноэль, Гард, Омбер, Шассар⁷⁷, Мюнье и Сане. Во время обысков на квартирах арестованных, особенно у братьев Шаравэ и Санса, были найдены многочисленные документы⁷⁸. Именно эти документы были представлены суду в связи с процессом юманитариев, а часть из них в копиях была передана следователям суда пэров в связи с делом Кениссе.

Процесс юманитариев состоялся 10–12 ноября того же, 1841 г. Поскольку мы уже многократно ссылались на материалы этого процесса, опубликованные в трех номерах «Газет де Трибюно»⁷⁹, мы не станем здесь вновь подробно его излагать, тем более что в опубликованном отчете не приводятся ни выступление прокурора, ни речи защитников. Скажем лишь, что все подсудимые, открыто заявляя о своих коммунистических убеждениях и признавая себя коммунистами, отрицали свою принадлежность к какому-либо тайному обществу. Это, конечно, было правдой. Но они пытались также отрицать существование организации «основателей журнала», заявляя, что они были всего-навсего его подписчиками. Однако на основании имевшихся в распоряжении суда документов нетрудно было опровергнуть их утверждение. Из 19 обвиняемых суд оправдал лишь Тротье. Лудье был приговорен к штрафу в связи с незаконным хранением оружия. Остальные же обвиняемые были приговорены к тюремному заключению от двух лет (Габриэль Шаравэ) до трех месяцев, поскольку они согласно формулировке приговора «входили в состав незаконной ассоциации численностью более двадцати человек, созданной под прикрытием журнала «Юманитер» и основанной, чтобы обеспечить регулярно и в точно определенные сроки собрания коммунистов с очевидной целью беспорядка и анархии».

12 сентября вечером, в разгар рабочих волнений, были арестованы некоторые руководители тайных обществ и юманитариев, а на следующий день имело место покушение Кениссе на герцога Омальского. Кениссе, рабочий-пилющик, незадолго до этого отбывал тюремное заключение за участие в драке. В тюрьме Сен-Пелажи, где он провел

шесть месяцев, он, видимо, и познакомился с некоторыми лицами, связанными с тайными обществами, в частности с Приулем. Как бы то ни было, Кениссе в августе 1841 г. (из его показаний следует, что это произошло за шесть недель или за месяц до его ареста) вступил в Общество трудящихся-эгалитариев. Подробности о его приеме в это тайное общество мы знаем из его собственного подробного рассказа, приведенного нами в первой главе. По его словам, он вскоре был поставлен в известность, что готовится «атака». В день, когда они шли на собрание, где были назначены революционные агенты, о чем мы также уже говорили выше, Коломбье так изложил ему этот план «атаки»: «Разве ты не знаешь, что они (представители власти. — А.И.) не смогут от нас ускользнуть? Они идут навстречу своей гибели: однажды утром, к полудню о них не будет уже речи; мы соберемся вечером и будем готовы к ночи; когда пробьет три часа ночи, мы нападём; мы знаем домашние адреса комиссаров полиции всех округов Парижа, мэров, их помощников, многих проживающих в городе полковников, генералов, министров, и мы устроим Варфоломеевскую ночь. После того как не будет больше министров и командующих, мы двинемся на Тюильри». «Позднее, — утверждал далее Кениссе, — Жюст и Огюст повторили мне то же самое; у Коломбье говорили только об этом... Коломбье, Жюст, Шассер и некоторые другие, которых я не знаю, часто говорили: Вы, другие, вы узнаете, когда наступит этот день, лишь за два часа до этого»⁸⁰.

Бушерон в своем покаянном письме, написанном на имя герцога Омальского, фактически подтверждает эти сведения, пытаясь, однако, доказать, что роль Кениссе отнюдь не была пассивной, а что и он сам выдвигал аналогичные предложения: «Это он говорил однажды у Коломбье, что надо овладеть тюрьмой Сен-Пелажи, что число надзирателей там незначительно, что пятнадцати человек будет достаточно, если хорошо взяться за дело, входя по одному; каждый вызовет какое-нибудь определенное лицо (из числа тюремной стражи. — А.И.), а затем их всех надлежит убить». Кениссе предлагал также воспользоваться проводившейся в то время перепилю (очень непопулярной) и вызвать под этим предлогом волнения в Сент-Антуанском предместье, обезоружив муниципальную гвардию и завладев оружием. Бушерон утверждал даже, что Кениссе предлагал не просто убить короля, а заставить умереть его мучительной смертью, посадив его за стол, полный яств, и пригвоздив его руки к столу, а ноги к полу»⁸¹.

Как бы то ни было, совершенно несомненно, что на собраниях у Коломбье обсуждались различные планы низвержения Июльской монархии и захвата власти. Обвинительное заключение следующим образом резюмировало эти данные, полученные в ходе следствия: «Следует считать доказанными... эти разговоры о средствах, необходимых, чтобы напасть на правительство и его низвергнуть, эти жестокие предложения убийств на дому, Варфоломеевской ночи для государственных служащих... это постоянное ожидание политической и социальной революции, которую эгалитарии должны были подготовить и за которую они должны были сражаться»⁸².

Не следует также забывать, что к этому времени Общество трудящихся-эгалитариев создало свою боевую военизированную организацию под названием Общество Бастилии, в которую входили и Коломбье и Жюст (Бразье), разрабатывавшие, по свидетельству Кениссе, планы «атаки». Они ждали лишь подходящего случая, чтобы их осуществить.

Начавшиеся в сентябре 1841 г. в Париже рабочие волнения, сразу же вылившиеся в политические демонстрации и приведшие к столкновениям с полицией и муниципальной гвардией на улицах и площадях столицы, и побудили, очевидно, эгалитариев приступить к действиям, считая момент для этого благоприятным.

По свидетельству Дюфура, 12 сентября вечером у Коломбье собрались их приверженцы в ожидании распоряжения о «манifestации». Они изготовляли плакаты, в которых провозглашалось: «Долой предателей! Долой Гизо! Долой фиск!» Сам Дюфур изготовил 9 подобных плакатов⁸³. 13 сентября между половиной девятого и десятью утра⁸⁴ у Коломбье вновь собрались эгалитарии, в том числе Жюст (Бразье), Огюст (Пти), Дюфур, Бушерон, Кениссе, Малле, Жаррас и многие другие. Стал обсуждаться вопрос о предстоящем выступлении. В это время явился «коммунист» Кутюра. Этот Луи-Эжен Кутюра, 26-летний сапожник, был членом Общества коммунистов, одним из трех лиц, подписавших за год до этого письмо на имя Дюпотти по поводу Бельвильского банкета. Он стал убеждать присутствующих отменить выступление, указав, что сейчас для этого нет никаких возможностей, что у них нет необходимой поддержки, что они будут разгромлены, что можно предпринять подобное выступление лишь тогда, когда в их распоряжении будет 25000 человек, способных противостоять вооруженным силам столицы. Его не стали слушать; присутствующие рабочие сперва хотели даже с ним плохо поступить, но затем, как бы из презрения, позволили ему удалиться⁸⁵. После ухода Кутюра Дюфур стал распределять патроны. Одновременно, судя по показаниям Кениссе, возник спор о предстоящем выступлении. В этот день в Париж вступал 17-й полк, которым командовал герцог Омальский. Вопрос стоял так, воспользоваться ли этим обстоятельством или, как считали многие, осуществить прежний план, а именно напасть ночью на государственных чиновников и военные власти. «Жан-Мари прервал разговор и вышел, как бешеный, заявив, что его люди уже расположились у Шарантонской заставы, что он не намерен, чтобы его застрелили за то, что он остался позади, и что он сам застрелит тех, которые опоздают»⁸⁶. На собрании присутствовало два человека, носивших имя Жан-Мари, — Бушерон и Жаррас. Но Бушерон был принят в Общество трудящихся-эгалитариев лишь недавно вместе с Кениссе и не имел под своей командой никаких людей. Очевидно, этим Жан-Мари был Жаррас, занимавший в обществе видное положение и даже являвшийся одним из организаторов этого совещания, поскольку, по свидетельству Малле, именно он зашел за ним, чтобы известить его о предстоящем собрании у Коломбье⁸⁷. Следует полагать, что это решительное заявление Жана-Мари и положило конец спору. Стали готовиться к

немедленному выступлению. По словам Бушерона, прямо не упоминали о покушении на герцога Омальского, а говорили о том, что вспыхнет революция»⁸⁸.

Кениссе также был убежден, что готовилась революция. «То, что произошло, — говорил он на следствии, — было не чем иным, как неудавшейся революцией; не были извещены заранее об этом дне; половина людей не была оповещена; они взяли лишь тех, которые оказались налицо»⁸⁹. Сам Кениссе отправился к Жюсту (Бразье), который вручил ему два пистолета — один для него самого, другой для его «товарища». Затем Кениссе отправился на улицу Траверсьер. Другие заговорщики с мобилизованными ими людьми также расположились поблизости. В их числе находились Жюст (Бразье), Огюст (Пти), Жаррас, Боггио (Мартен), Малле, Бушерон, Дюфур. По словам Дюфура, ему было поручено мобилизовать 7–8 человек; у Коломбье он получил патроны, распределил их, а затем отправился окружным путем на верхнюю часть улицы Траверсьер⁹⁰. По показаниям Малле, он прогуливался взад и вперед от Монтрейской почты до улицы Траверсьер, встречая по дороге многих лиц, которые принадлежали к их обществу⁹¹. Бушерон, узнав у Коломбье, что все уже отправились к Шарантонской заставе, тоже направился в ту сторону и встретил Кениссе у Монтрейской почты. Он спросил его, нашел ли он «товарищей», тот ответил, что они поблизости. После этого он увидел, как Кениссе пересек улицу Траверсьер и расположился на левом тротуаре. Сам он был в это время в ста пятидесяти шагах, вблизи улицы Сент-Маргарит⁹². В целом, по материалам следствия, в этом районе находилось более 60 заговорщиков⁹³. Тем временем 17-й полк, впереди которого ехали верхом принцы во главе с герцогом Омальским, постепенно приближался под приветственные возгласы толпы и выкрики заговорщиков, которые тем самым хотели подать сигнал Кениссе, так как ему было поручено стрелять в герцога. Когда кортеж приблизился, Кениссе выстрелил, но промахнулся. Тогда его сообщники, ничего больше не предпринимая, поспешно удалились.

Такова вкратце история покушения Кениссе. Как видим, оно существенно отличалось от покушения Дармеса, Дармес действовал как одиночка. Он хотел убить короля, т.е. главу Июльской монархии, и тем самым нанести прямой удар по существующему политическому строю. Это был акт индивидуального террора, который преследовал вполне понятную политическую цель. Убийство же герцога Омальского само по себе было совершенно бессмысленным: ведь герцог Омальский был даже не наследником престола, а одним из младших сыновей Луи-Филиппа. Но дело заключалось как раз в том, что Кениссе действовал не как одиночка и покушение на герцога Омальского не являлось самоцелью. Кениссе имел многочисленных сообщников, а вернее, сам был простым орудием в руках некоторых руководителей Общества трудящихся-эгалитариев. Последние строили различные авантюристические планы, чтобы немедленно осуществить революционный переворот. То они думали о новой Варфоломеевской ночи, во время которой должны были быть истреблены все представители власти, то намечали иные планы «атаки».

Узнав о вступлении в Париж 17-го полка во главе с герцогом Омальским, они решили впопыхах воспользоваться этим обстоятельством. Убийство герцога или сопровождавших его принцев должно было, по их мнению, внести замешательство, усилить уже имевшие место в те дни в Париже рабочие волнения, проходившие под политическими лозунгами, и дать возможность их вооруженным отрядам осуществить захват власти. Ведь недаром эгалитарии создали к тому времени специальную военизированную организацию, разделенную на когорты, и несомненно, что многие люди, которых мобилизовали в этот день руководители эгалитариев, собравшиеся у Коломбье, принадлежали к этой организации. Весь этот план был, разумеется, подлинной авантюрой, которая была заранее обречена на неизбежный провал. Но поскольку Кениссе промахнулся, то не было даже предпринято никаких попыток приступить к его осуществлению. Собравшиеся в районе улицы Траверсьер более 60 «боевиков» во главе с некоторыми руководителями эгалитариев просто-напросто разбежались.

Материалы, связанные с покушением Кениссе, проливают некоторый свет на один очень интересный и важный вопрос. Мы, в сущности, не знаем, почему от Общества трудящихся-эгалитариев отпочковалось Общество коммунистов, каковы были подлинные расхождения между этими двумя тайными обществами, руководствовавшимися, казалось бы, одной и той же коммунистической программой и даже одним и Тем же уставом. Разногласия эти были, однако, насколько серьезными, что предпринимавшиеся в том же августе 1841 г. попытки сближения между ними не привели к положительным результатам, Быть может, определенный ответ на этот вопрос дают события, разыгравшиеся утром 13 сентября, когда к Коломбье явился «коммунист» Кютюра и стал убеждать собравшихся отменить намеченное выступление, указывая, что оно преждевременно и будет неминуемо подавлено, и когда он был выдворен оттуда, причем чуть ли не силой. Не означает ли это, что Общество коммунистов, ведшее планомерную и развернутую коммунистическую пропаганду и подготовлявшее новую политическую и социальную революцию, стояло на более реалистических позициях? Не означает ли это, что в противоположность коммунистам эгалитарии все более склонялись к различного рода авантюрам и что под предлогом необходимости «немедленных действий» они готовы были предпринимать самые неблагоприятные шаги, рассчитывая с помощью нескольких десятков «боевиков» (а именно такова была численность их военизированной организации — Общества Бастилии) ниспровергнуть существующий политический и общественный строй?

Правительство воспользовалось покушением Кениссе, чтобы нанести удар не только по коммунистическому движению в целом, но расправиться и с леворадикальной оппозицией. Достаточно сказать, что по этому делу был арестован и предан суду даже такой человек, как Дюпотти, редактор «Журналь дю пёпл», не имевший ни прямого, ни косвенного отношения к покушению 13 сентября и виновный лишь в том, что издавал демократическую газету. Это вызвало возмущение даже в

кругах буржуазной оппозиции и в буржуазной прессе, справедливо указывавшей, что, пользуясь делом Кениссе, правительство хочет полностью ликвидировать свободу печати. Граф Бастар в своем докладе суду пэров изображал как источник всего зла коммунистическую пропаганду, связывая «покушение 13 сентября» с публикацией трех коммунистических журналов «Травай», «Фратерните» и «Юманитер»⁹⁴ хотя все это не имело никакого отношения к этому делу. Вопреки истине в обвинительном акте коммунисты полностью идентифицировались с эгалитариями и об обвиняемых говорилось: «Некоторые из этих людей являются эгалитариями, другие коммунистами, но они объединены идентичностью своих чувств и стремлений, единой целью, которую они совместно преследуют, преступной лигой, которую они образуют, своими действиями, основанными на том, что было совместно ими решено»⁹⁵. Все это было настолько предвзято, что с разоблачением этой клеветы на коммунистическую идеологию выступила не только «Фратерните», поместившая в своем октябрьском номере специальную статью на эту тему⁹⁶. Даже сам Кабе, столь отрицательно относившийся к революционно-коммунистическому движению, счел нужным выступить по поводу процесса Кениссе, опубликовав брошюру, посвященную его делу⁹⁷. В ней он стремился доказать, что весь этот процесс был сфабрикован. Приводя выдержки из опубликованных материалов об этом процессе, он писал: «Почти все обвиняемые были членами тайного Общества трудящихся-эгалитариев... Его члены, все без исключения рабочие, собираясь в трактирах, иногда и даже часто держали самые неистовые речи, которые обычны для рабочей массы... Но не было никакого заговора»⁹⁸. Конечно, на самом деле Кениссе действовал не в одиночку, но выступление Кабе характерно как показатель того возмущения, которое вызвал этот процесс даже у лиц, весьма далеких от революционного движения.

Сам Кениссе в противоположность Дармесу и на следствии, и во время процесса, состоявшегося 3–23 декабря 1841 г., вел себя очень недостойно. Его исчерпывающие показания дали властям возможность доказать причастность к его покушению многих руководителей и членов Общества трудящихся-эгалитариев и присудить их к различным срокам тюремного заключения. Кениссе, приговоренный к смертной казни, подал, разумеется, соответствующее прошение и был помилован королем.

1 Archives Nationales, BB18, 1386, N 858.

2 Attentat du 13 septembre 1841, Deuxieme partie du rapport fait a la Cour des Pairs par m. le Comte de Bastard. Arras, 1841, p. 24.

3 Archives Nationales, F7, 3890.

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Ibid.

7 Ibid.

8 Service historique de l'armee de terre, 1840, Oct., E5 166, N 1740.

- 9 Archives Nationales, F7, 3851.
- 10 Ibid.. CC 783. Cabinet du Prefet de police.
- 11 Archives do la Prefecture de police. Aa 426, N 69399.
- 12 Service historique de l'annee de terre, 1841, mai, E5 167, N 782, 783, 784.
- 13 Archives Nationales, CC 772.
- 14 Cabet E. Douze lettres d'un communiste a un reformiste sur la Communaute. P., 1841–1842. – Bibliotheque Nationale, R, 30348. (Далее: BN).
- 15 Ibid., p.8.
- 16 Cabet E. Ma ligne droite ou le vrai chemin du salut pour le peuple. P., 1841. – BN, 8R, 1807. Брошюра помечена 18 октября 1841 г.
- 17 Ibid., p.22-23.
- 18 Travail, 1841, sept., N 3, p.20.
- 19 Ibid., juin, N 1. p.3–4.
- 20 Gazette des Tribunaux. 1841. 11 juin, p.809–810.
- 21 Archives Nationales, BB18. 1392, N 1927.
- 22 Fraternite: Journal moral et politique, 1841, juin, p. 1, 9.– BN, L2c, 1493.
- 23 Это полностью относится к 1841 г., году, когда редактором журнала был Лаотьер. После его ухода с этого поста положение несколько меняется. В деле, однако, можно согласиться со словами В.П.Волгина: «В течение первых лет издания журнала (1841–1843) "La Fraternite" в основном стояла на позициях мирного утопизма, хотя в отдельных статьях чувствовалось влияние бабувистской революционной традиции». (Волгин В.П. Французский утопический социализм. М., 1960, с.181).
- 24 Fraternite, 1841, sept., p.2–3.
- 25 Pillot J.J. La Comnmaute n'est plus une utopie: Consequence du proces des communistes. P., 1841. – BN, Lb51, 3533. (Далее ссылки на эту брошюру даны в тексте).
- 26 Fraternite, 1841, aout, p.3.
- 27 Cabet E. Ma ligne droite..., p.51.
- 28 Archives Nationales, BB18, 1398, N 2845.
- 29 Communautaire: Journal demontrant la science- socialc, lcr mimero servant de prospectus-specimen. – BN, B, 1121.
- 30 Sender G. La babouvisme apres Babeuf, 1830–1848. P., 1912, p.188.
- 31 См.: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма. М., 1981, с.147.
- 32 Archives Nationales, CC 791.
- 33 Фамилия Charavey иногда пишется им самим Charavay.
- 34 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.52.
- 35 Cour des Pairs. Attentat du 13 September 1841. Interrogatoires des inculpes. P., 1841, p.123, 51. (Далее: Interrogatoires...).
- 36 Это категорически утверждали и сами юманитарии не только во время судебного процесса, но и в дальнейшем. См., например, письмо одного из видных юманитариев – Жана Санса от 21 июня 1843 г. – Archives Nationales, BB2 219–250, N 6502.
- 37 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.52.
- 38 Имеются сведения, что Габриэль Шаравэ был учеником друга Буонарроти Шарля Теста (Cuvillier A. Hommes et ideologies de1840. P., 1956). Кювилье упоминает о Шаравэ в связи с основанием журнала «Ателье», о чем ниже.
- 39 Archives Nationales, CC 786.
- 40 Le projet de constitution juge au point de vue democratique par un membre de Гех-comite central de Lyon. Lyon; Paris, 1848. Подписано Gabriel Charavey.— BN, Lb54, 532.
- 41 Ibid., p.9.
- 42 May J.J. Traite de la culture des pommes de terre. P., 1839. – BN, S. 44465. На экземпляре, хранящемся в Национальной библиотеке, имеется его автограф.
- 43 Bouton V. Profile revolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848–1849, p.153–156.
- 44 Hodde L. de la. Histoire des societes secretes et du parti republicain de 1830 a 1848. P., 1850, p.270.
- 45 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.52.
- 46 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.52.
- 47 Fraternite. 1841. aout, p.2.
- 48 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.52.
- 49 Humanitaire: Organe de la science sociale, 1841, iuill., N 1. – BN, R, 7674.
- 50 О журнале «Ателье» см.: Cuvillier A. Op.cit.
- 51 Travail. 1841, juill., N 2, p.13.
- 52 Populaire, 1841, 25 juill.. N 5.
- 53 Fraternite, 1841, aout, p.2–3.
- 54 Communautaire, p.4.
- 55 Humanitaire, 1841, aout. N 2.
- 56 Cabet E. Toute la verite au penple on la refutation d'nn pamphlet colomniateur. P., 1842, p. 29,- BN, R 18074 (14), p.29, 52.
- 57 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.52.
- 58 Populaire, 1841, 5 sept., N 6.
- 59 Cabet E. Refutation do l'Humanitaire. P., 1841.—BN, 8R, 18074, N 7.
- 60 О Гее см. подробно: Иоаннисян А.Р. Указ. соч. Очерк третий. Жюль Гей и пути развития французского утопического коммунизма в 30–40-х годах XIX века.
- 61 Там же, с.146.
- 62 Поэтому неосновательно наше прежнее предположение о его участии в написании некоторых опубликованных в «Юманитере» статей. См.: Там же, с.149.
- 63 Там же, с.150–151.
- 64 Bouton V. Op.cit., 159.
- 65 Archives Nationalos, F7, 3891.
- 66 Ibid.
- 67 Ibid.
- 68 Ibid.
- 69 Gazette des Tribunaux. 1841, 13–14 sept., p.12–15.
- 70 Journal du peuple, 1841, 14 sept. Troubles a Paris.
- 71 Цит. по: Populaire, 1841, 10 oct, N 7. Attaque generalo do la presse contre le communisme.

- 72 Les assomiers de la place du Chatelet. Lettre a monsieur Gabriel Dellessert, prefet de police. S.L, s.a. — BN, Lb51, 3527.
- 73 Justice criminelle. Jugement rendu qui condamne un grand nombre d'individus comme coupables d'avoir occasionne des rassemblements et excite des euectes ces jours derniers dans Paris. — Ibid., 3528.
- 74 Gazette des Tribunaux. 1841, 11 nov., p.51.
- 75 Ibid., 12 nov., p.57.
- 76 Archives de la Prefecture de police, Aa 428, N 68907.
- 77 Этого Клод-Франсуа Шассара (Chassard) не следует отождествлять с членом Общества трудящихся-эгалитариев Шассером (Chasseur) (Лонуа) проживавшем в доме Коломбье.
- 78 Gazette des Tribunaux, 1841, 11 nov., p.51.
- 79 Ibid., 11, 12, 13 nov.
- 80 Interrogatoires..., p.27–28.
- 81 Archives Nationales, CC 791.
- 82 Cour des Pairs. Attentat du 13 septembre 1841. Acte d'accusation. P., 1841. p. 51–52.—BN. Lb, 3559 (Далее: Acte d'accusation).
- 83 Archives Nationales, CC 791. Письмо Дюфура пэрам от декабря 1841 г.
- 84 В одном показании Пушерон говорит, что пришел к Коломбье в половине девятого, к другом, что собрание у него состоялось между девятью и десятью часами утра (Interrogatoires..., p.86, 89).
- 85 Ibid., p.28, 38. Показания Кениссе.
- 86 Ibid., p.39, 71.
- 87 Ibid., p.269.
- 88 Ibid., p.87, 89.
- 89 Ibid., p.28.
- 90 Archives Nationales, CC 791. Письмо Дюфура пэрам.
- 91 Interrogatoires..., p.269.
- 92 Ibid., p.87-88.
- 93 Acte d'accusation, p. 49.
- 94 Deuxieme parti du rapport fait a la Cour des Pairs par m. le Comte de Bastard, p.12–22. В этой связи он не только цитировал «Юманитер», но и приводил некоторые выдержки из документов, найденных у Шаравэ.
- 95 Acte d'accusation, p.52.
- 96 Fraternite, 1841, oct. Au colomniateurs.
- 97 *Cabet E.* Pourvoi en cassation devant la posterite contre l'arret de la Cour des Pairs sur l'attentat Quenisset. P., 1841. — BN, R, 180749.
- 98 Ibid., p.1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение тайных коммунистических обществ, деятельность которых получила широкую огласку в связи с процессами Дармеса и Кениссе, коммунистический банкет в Бельвиле, издание, и широкое распространение коммунистической литературы, коммунистическая пресса, устная коммунистическая агитация на улицах и площадях Парижа, активное участие коммунистов в рабочем движении, особенно во время сентябрьских событий 1840 г. и рабочих волнений год спустя,— все это привело к тому, что уже к концу 1841 г. коммунистическое движение оказалось в центре общественного внимания и заняло видное место в общественно-политической жизни Франции. Оно стало объектом яростных нападок буржуазной печати, буржуазных политиков, правительственных властей. На него сыпались анафемы не только со стороны сторонников и защитников Июльской монархии, но и со стороны представителей буржуазной оппозиции. 10 октября 1841 г. «Попюлер» в приложении к своему седьмому номеру поместил специальную статью, озаглавленную: «Всеобщая атака прессы на коммунизм»¹, в которой констатировалось: «Все старые органы печати как оппозиционные, так и правительственные оспаривают коммунизм и ведут против него борьбу». В статье приводились многочисленные тому примеры. 23 сентября оппозиционный «Националь», сообщая о пропаганде на улицах Парижа «коммунистических утопий», с ненавистью говорил об «абсурдных и отвратительных доктринах», проповедуемых тайными обществами. «Журнал де деба» 20 сентября писал: «Да, есть бандиты, которые не знают другого способа выражать свое мнение, как собираться толпой и выть, как дикие звери, есть одержимые, стремящиеся установить "святой режим равенства"». «Газет» откровенно признавала: «Большой страх вызывает появление секты коммунистов... и многие считают, что эти антисоциальные теории, которые пытаются осуществить заговорами и покушениями, объясняются моральным состоянием общества». 2 октября «Сизэль» говорил о коммунистах, как о фанатической секте.

В своем следующем номере «Попюлер» изложил речь Букли, председательствовавшего на открытии очередной сессии Королевского суда Парижа². На этот раз эту традиционную ежегодную речь он посвятил яростным нападкам на коммунизм. После разглагольствований о праве собственности как незыблемой основе общества он резко осудил «зачинщиков анархии», которые хотят уничтожить это право, «чтобы заложить на его руинах базу абсолютной общности и всеобщего счастья». По поводу этого выступления Букли «Журнал де деба» опубликовал новую статью, в которой говорилось: «Революция, угрожающая Франции, не будет больше называться «демократической», «республиканской» или носить какое-либо другое политическое название: она будет просто-напросто экспроприацией... Неужели вы думаете, что коммунистические ассоциации, которые подтачивают и колеблют общество, внезапно прекратят свою разрушительную деятельность». В связи с этим официальным выступлением даже у «Националя» вырвалось следующее невольное признание: «Уже 11 лет, как управляют путем внушения

страха; мятежи, анархия, террор 93-го года отжили свой век: теперь настала очередь коммунизма». Касаясь этого же вопроса, «Фратерните» в своем ноябрьском номере в статье «Добровольные заблуждения власти относительно коммунистов» писал: «Коммунизм стал перед ней (правительственной властью. — А.И.), как призрак, и против него теперь направлены все ее атаки. Он, коммунизм, должен теперь расплачиваться за все тревожения и потрясения, проистекающие из теперешнего порядка вещей... Коммунисты всегда, коммунисты повсюду, как только нужно кого-нибудь проклинать, преследовать, осуждать»³.

Но что же представлял собой этот коммунизм, этот новый «призрак», вызывавший такую тревогу властей и такую ненависть буржуазной прессы и буржуазных политиков?

Прежде всего следует отметить то наиболее важное обстоятельство, что в 1840–1841 гг. коммунизм не был больше общественным идеалом, проповедуемым отдельными лицами. Возникают уже политические организации, с последовательно коммунистической программой. Они выступали как представители интересов рабочего класса, как выразители его политических чаяний и стремлений и принимали активное участие в рабочем движении, пытаясь даже играть в нем руководящую роль. Говоря о «заговорщиках по профессии», столь характерных для эпохи Июльской монархии, К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1850 г.: «По мере того как парижский пролетариат сам стал выдвигаться вперед в качестве партии, эти заговорщики начали терять руководящее влияние, среди них начался распад, они встретили опасную конкуренцию в тайных пролетарских обществах, ставивших себе целью не непосредственное восстание, а организацию и развитие пролетариата»⁴. Поэтому вполне прав был В. П. Волгин, когда подчеркивал основную разницу между этими «тайными пролетарскими обществами» и тайными обществами предыдущего десятилетия: «Тайные общества этого периода отличались от своих предшественников двумя характерными чертами: во-первых, они явно ставили своей целью организовать рабочих; во-вторых, они выступали с откровенно коммунистической программой»⁵. Они были первыми в истории Франции политическими организациями рабочего класса, конечной целью которых являлось революционное переустройство общества на коммунистических началах.

Из них наиболее передовую и исторически важную роль играло Общество коммунистов, идейными руководителями которого были Пийо и Дезами и в состав которого входили такие коммунистические пропагандисты, как Майер, такие самоотверженные коммунисты-революционеры, как Гийом Розье. Именно оно вело в стране широкую пропаганду, распространяло коммунистические брошюры, журналы и листовки, организовало коммунистический банкет в Бельвиле, поднявший публично знамя коммунизма, активно участвовало в политической жизни страны и в рабочем движении, в частности в событиях, разыгравшихся в Париже в сентябре 1840 г. Что касается Общества трудящихся-эгалитариев, то хотя первоначально именно оно и было первым тайным коммунистическим обществом, но после его

раскола и образования Общества коммунистов его значение быстро пошло на убыль. Эгалитарии в противоположность коммунистам не имели в своей среде ни одного более или менее выдающегося теоретика или хотя бы просто талантливого популяризатора и пропагандиста коммунистического учения. Если лица, связанные с Обществом коммунистов, не только публиковали пропагандистские брошюры, но пытались наладить и издание коммунистических органов печати («Эгалитер» Дезами, «Коммюнотер» Майера), то этого нельзя сказать про эгалитариев. Их общество, представлявшее, в сущности, только фракцию первоначального Общества трудящихся-эгалитариев, сохранившую лишь прежнее название, все более превращалось в чисто заговорщическую организацию, склонную к различного рода авантюрам. Даже создание в 1841 г. особой военизированной организации — Общества Бастилии свидетельствовало не о стремлении эгалитариев расширить свою массовую базу, а как раз об обратном: о подготовке ими немедленной «атаки», немедленного выступления, без учета реальной политической обстановки и реальных возможностей. Что касается юманитариев, то, несмотря на несомненный исторический интерес, который представляет их попытка создания не подпольной, а более или менее открыто действующей коммунистической организации, несмотря на активную коммунистическую пропаганду, их левацкие идейные установки ставят их ниже Общества коммунистов. Следует также отметить, что многие передовые революционные коммунисты других городов Франции, в частности Руана, были связаны через Пийо именно с Обществом коммунистов.

Все представители революционного коммунизма 1840–1841 гг. преследовали одну основную цель — ликвидацию существующего общественного строя, основанного на неравенстве и эксплуатации, упразднение частной собственности и установление коммунистической общности, нового общественного строя, основанного на принципе: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Они считали, что это общественное переустройство может быть осуществлено лишь революционным путем, или, пользуясь образным выражением Дезами, путем применения «хирургии», поскольку «угнетатели не уступают пустым словам». Они выступали за тотальную трансформацию общества, против частичных преобразований, неспособных решить основные социальные проблемы. Поэтому они высказывались против создания в условиях существующего общественного строя не только различного рода рабочих ассоциаций, но и отдельных коммунистических общин, которые так усердно пропагандировали мирные коммунисты. В этом вопросе были единодушны и Майер, и юманитарии, и журнал «Травай». Если некоторые вроде Шарля Нуаре и говорили об организации труда и ассоциациях, то лишь для того, чтобы доказать, что подлинная организация труда требует национальной ассоциации, т.е. коммунистического общественного строя.

Это не значит, конечно, что революционные коммунисты были против политических реформ. Большинство из них выступали за

избирательную реформу, видя в ней, пользуясь словами Габриэля Шаравэ, «зарю свободы и равенства». Имелись и такие вроде Майера, которые были против участия в кампании за избирательную реформу, поскольку рассматривали ее лишь как средство в руках буржуазных политиков, чтобы ввести в заблуждение народ. Но как те, так и другие считали, что любая политическая реформа не может быть самоцелью; поэтому тайные общества в своих листовках предупреждали трудящихся не доверять буржуазным политикам и даже буржуазным республиканцам, стремящимся только к одному: самим прийти к власти. Более того, все революционные коммунисты были решительными противниками лишь политической революции, революции, преследующей цель низвержения монархии и установления республики, поскольку, как говорил в своем тосте на Бельвильском банкете Велликюс, «трудящийся народ не может пользоваться своими политическими правами без полного обеспечения своих социальных прав». Они боролись за революцию, которая одновременно была бы и политической и социальной. Лозунг политической и социальной революции, столь распространенный в 1848 г., был сформулирован как раз в эти годы.

Подавляющее большинство революционных коммунистов придерживалось материалистического мировоззрения. Материалистами были и Дезами и Майер, материалистические воззрения проповедовали и «Эгалитер», и «Коммюотер», и «Юманитер». Лишь журнал «Травай» отдавал дань деизму. Некоторые вроде Майера пытались даже обосновать непосредственную связь между материализмом и коммунизмом, доказывая, что спиритуализм несовместим с подлинной социальной наукой, т.е. с коммунистической теорией. Их материализм оставался, однако, на уровне материализма XVIII в.

Для общественных воззрений революционных коммунистов этих лет характерен целый ряд новых черт. Это относится прежде всего к характеристике современного им общества. Они считали его буржуазным обществом, обеспечивающим «социальные и политические привилегии собственникам и капиталистам», говорили о существовании во Франции «буржуазного режима»; даже при приеме в тайные общества разъяснялось, что во Франции правит не король Луи-Филипп, а буржуазия. В конце XVIII в. Бабеф и «равные» противопоставляли плебеев патрициям, бедных — богатым, угнетенных — угнетателям, народ в целом — господствующей олигархии. Буонарроти в своей книге, хотя и написанной в 1828 г., тоже не идет дальше этих общих определений. В XIX в. находит распространение и противопоставление эксплуатируемых эксплуататорам. Вся эта терминология используется и революционными коммунистами периода Июльской монархии, особенно теми, которые, подобно Пийо, стояли ближе всего к бабувистской традиции. Но одновременно все большее распространение получает более четкий классовый анализ современного общественного строя, обусловленный реальной исторической действительностью, сложившейся во Франции в результате промышленной революции и развития буржуазного общества. Все больше и чаще говорится о пролетариате и рабочих. Находит

широкое распространение противопоставление пролетариата буржуазии и всей господствующей верхушке общества. Даже Пийо в своей последней брошюре говорит уже о буржуа-эксплуататорах и пролетариях. Правда, термин «пролетариат» понимался в те годы в очень широком смысле и включал подчас всех трудящихся и обездоленных. Поэтому термин «пролетариат» часто отождествлялся с понятием трудового народа. Но именно этим и объясняется, что революционные коммунисты исходя из необходимости более конкретного анализа существующих классовых противоречий все чаще говорили о рабочих и о рабочем классе. Противопоставление рабочих буржуазии, капиталистам, промышленникам мы находим не только в брошюрах Нуаре, но и в листовках, распространявшихся среди рабочих тайными обществами. Журнал «Травай», отождествлявший в противоположность другим понятия «пролетарии» и «рабочие», писал, «что у буржуа и пролетария нет никаких общих интересов», и утверждал неизбежность «постоянной, ожесточенной войны, которую ведут хозяева и рабочие». Характерно в этом отношении и стихотворное воззвание «Рабочие, объединяйтесь!». Само его название являлось своего рода политическим лозунгом; в нем мы находим уже и мысль о том, что в руках рабочих, которым надлежит разбить свои цепи, участь всего общества. В «Четырех вопросах» провозглашалось, что рабочие «после революции» должны лишить буржуазию возможности обогащаться за счет труда других. Все больше распространялось убеждение, что эксплуатация рабочих и всех трудящихся зиждется на том, что капиталисты, промышленники, хозяева владеют орудиями производства, которые следует у них отнять, чтобы положить конец этой эксплуатации. Революционные коммунисты не пытались затушевывать классовые противоречия и не стремились их примирить. Именно поэтому префект полиции полагал, что основная задача «Эгалитера» — «возбудить класс трудящихся против класса людей, имеющих собственность»; именно поэтому Нуаре был привлечен к судебной ответственности за «возбуждение ненависти между различными классами общества»; именно поэтому власти считали, что «подрывные» публикации, распространяемые среди рабочих, содержат «самые опасные подстрекательства, адресованные рабочему классу», что их основная цель — возбудить рабочих против хозяев.

Несомненный шаг вперед был сделан и в представлениях о коммунистическом обществе. Среди коммунистических теоретиков начала 40-х годов имелись и такие, которые подчас довольно решительно отмежевывались от грубой уравнительности. Еще в феврале 1840 г. Лапоннере в статье «Бабеф и его система», опубликованной в журнале «Интеллижанс», осуждал Бабефа за то, что он отрицал прогресс и совершенствование и «хотел заключить человеческий род в нерушимую клетку». Свойственную бабувизму тенденцию грубой уравнительности осудил и Лаотьер в своей опубликованной в 1840 г. брошюре «Философский ответ на одну статью о бабувизме», хотя в ней он и дал высокую оценку исторической роли Бабефа. От многих концепций и представлений Бабефа отмежевывались и представители

революционного коммунизма. Во втором номере «Эгалитера» Дезами писал, что коммунисты отнюдь не хотят застыть в неподвижности на учении Бабефа, что они хотят идти вперед и уже сделали шаг в этом направлении. Особенно резкой критике подверг грубую уравнильность, свойственную коммунизму XVI–XVIII вв., Майер в своей «Унитарной системе», считая даже, что уравнильность коренным образом противоречит подлинному идеалу общности, является «абсурдным стремлением», способным лишь сделать людей несчастными. В «Коммюнотере» он писал, что коммунистическое общество не должно ставить никаких пределов благосостоянию, ничего строго не фиксировать, обеспечить людям не только необходимое и полезное, но и все человеческие утехы. Нельзя поэтому отрицать тот непреложный факт, что уже в начале 40-х годов некоторые представители революционного коммунизма сумели преодолеть свойственную бабувизму грубую уравнильность и это, безусловно, было новой, важной вехой в развитии коммунистической мысли, предшествующей возникновению научного коммунизма.

Для утопического коммунизма предыдущего периода было типично представление о возможности установления идеального общественного строя в любую историческую эпоху. Необходимо было лишь, чтобы люди убедились в преимуществах коммунизма. Многие утописты считали даже, что для подобного переустройства общества достаточно, чтобы этого бы пожелал какой-нибудь просвещенный правитель. В противоположность мирным утопистам революционный коммунизм еще с эпохи Французской революции неразрывно связывал борьбу за переустройство общества с политической борьбой. Но для революционных коммунистов периода Июльской монархии было характерно не только это. Многие из них дошли уже до понимания того, что лишь в XIX в. в связи с развитием индустрии и техническим прогрессом были созданы необходимые материальные предпосылки для победы коммунизма. Другой интересной мыслью была идея о том, что коммунизм раньше был не чем иным, как утопией, и что теперь под него должна быть подведена научная база.

Превращение коммунистического учения из утопии в науку действительно являлось основной общественной задачей 40-х годов XIX столетия. Однако весь вопрос заключался как раз в том, что французский революционный коммунизм этих лет так и не сумел ее решить. Его идеологи так и не смогли разработать научную теорию коммунизма. Их обоснование коммунизма продолжало оставаться, по существу, тем же рационалистическим обоснованием, что и у предыдущих утопистов. Их «социальная наука», несмотря на их материалистическое мировоззрение, носила идеалистический характер и связывала коммунизм с изучением природы человека, его свойств и потребностей. Даже Дезами, Пийо и Майер не шли дальше этого, а Мей в своих теоретических статьях в «Юманитере» вновь и вновь повторял эти аргументы, только в еще более примитивной и однообразной форме. Французские революционные коммунисты так и не сумели выявить подлинные закономерности общественного развития, т.е. так и не смогли вопреки своему стремлению превратить коммунизм из утопии в науку.

Их представления о коммунизме и коммунистическом обществе также подчас были весьма далеки от научной теории коммунизма. Лишь некоторые из них сумели преодолеть грубую уравнильность; многие же, особенно

среди рядовых членов тайных обществ, продолжали придерживаться грубо уравнильных воззрений.

В 1843 г. в своей статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» Ф.Энгельс, говоря о распространении коммунизма во Франции и утверждая, что «во Франции насчитывается свыше полумиллиона коммунистов», писал: «...различные тайные общества сменяли друг друга; среди них наиболее значительными были «Travailleurs egalitaires», или работники-эгалитарии, и гуманитарии. Эгалитарии были довольно-таки грубоватыми "людьми", подобно бабувистам великой революции. Они хотели превратить мир в общину рабочих, уничтожив всякую утонченность цивилизации, науку, изящные искусства и т.п. как бесполезную, опасную и аристократическую роскошь; это был предрассудок, который явился неизбежным результатом их полного незнакомства с историей и политической экономией. Гуманитарии приобрели известность главным образом своими нападениями на брак, семью и другие подобные установления»⁶.

Юманитариям действительно была свойственна та грубая уравнительность, которая столь точно сформулирована Энгельсом. Что касается эгалитариев, то если иметь в виду ту фракцию Общества трудящихся-эгалитариев, которая продолжала выступать под этим наименованием, то и они тоже были «грубоватыми людьми», стремившимися превратить мир в общину рабочих. На их представлениях о коммунизме отражались также и не изжитые еще среди рабочих масс (особенно среди ремесленных рабочих) мелкобуржуазные настроения. Именно эти настроения и явились питательной средой различного рода левацких перегибов, проявлявшихся особенно заметно у тех же юманитариев, проповедовавших анархические идеи, а под предлогом ликвидации буржуазной семьи — упразднение любых моральных норм.

Столь же далекими от подлинно научной теории были и представления французских революционных коммунистов о социальной революции и революционной диктатуре для построения коммунистического общества. Революцию эту они, как и их предшественники, подготавливали чисто заговорщическими методами, лежавшими в основе деятельности тайных обществ. После победоносной революции они намерены были установить революционную диктатуру, но в их представлении это была не классовая диктатура, а диктатура немногочисленной группы сторонников общности, иногда даже принимающая форму единоличной диктаторской власти. Характерно, что левацкие деятели вроде Шаравэ считали вполне допустимым осуществить революционный переворот и коммунистическое преобразование общества, не только не опираясь на широкие массы, но даже вопреки им.

Таковы положительные и отрицательные стороны французского революционно-коммунистического движения 1840–1841 гг. Дальнейшее развитие этого движения приходится уже на период, непосредственно предшествующий революции 1848 г.

1 Populaire, 1841, 10 oct., N 7. Attaque generale de la presse contre le communisme.

2 Ibid., 13 nov, N 8. Mercuriale contre le communisme.

3 Fraternelle, 1841, nov. Erreurs volontaires du Pouvoir sur les Communistes.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.7. с.289.

5 Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М., 1960, с.147-148.

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.525, 530.